СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ЧЕТВЕРТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

АВГУСТЪ.

1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 136.
1906.

горло отъ радости, что имъ удалось обдѣлать великолѣпный гешефтъ.

— Знаете что, ребъ Сымха,—сказалъ Іоэль,—мнѣ кажется, что этотъ шляхтичъ сдѣлалъ большую глупость, продавъ намъ ячмень по такой цѣнѣ.

— Велика важность! Они всѣ такъ дѣлаютъ!

— А почему они не дѣлаютъ иначе?

— Потому что для торговли у нихъ слишкомъ плохія головы,—отвѣтилъ Самха.

Пинкусъ вынулъ изо рта трубку.

— Это неправда,—возразилъ онъ,—имъ такъ приходится дѣлать, потому что они очень бѣдны и очень стѣснены...

Перев. М. Л. де-Вальденъ.

Забытый храмъ.

Пока они ушли... Пока ихъ снова нѣтъ...
Но сколько лжи въ словахъ: „народная свобода“,—
Хоть звали много дней мечтательный ихъ бредъ
То голосомъ страны, то волею народа.

Мы знаемъ рѣчи ихъ... Мы знаемъ ихъ дѣла...
Куда же насъ вели ихъ новыя дороги?
За ними по слѣдамъ ползла въ туманѣ мгла
И множились при нихъ народныя тревоги.

„Вся—воля, вся—земля“,—ихъ лозунгъ боевой...
Но волю—для кого, зачѣмъ они искали?
Посланники земли, кровавою рукой
Стягъ грабежа они открыто поднимали.

Всю землю—смутный сонъ!—они сулили въ даръ
За роковой мятежъ мятежному народу...
Народные послы, они зажгли пожаръ
И кровью залили мятежную свободу.

Кумиромъ былъ для нихъ, по ихъ словамъ, народъ,
Но „свой“ родной народъ безумцы презирали,—
Они смотрѣли вдаль—все выше, все впередъ—
И были чужды имъ народныя печали.

Когда они сошлись, ихъ сердца не зажегъ
Огонь святой любви и пламенной молитвы:
У нихъ былъ свой, не нашъ,—какой-то новый Богъ
И снился имъ мятежъ,—возстанія и битвы.

Звучали рѣчи ихъ кощунственной хулой,
Насмѣшкой дерзкою къ святынямъ нашей вѣры:
Для нихъ великъ и святъ былъ только Богъ чужой,
А надъ своимъ давно смѣялись изувѣры!..

И говорили тамъ: въ своемъ родномъ краю
Родной народъ теперь ужъ больше не хозяинъ,
Пусть клонитъ онъ и честь, и голову свою
Передъ чужимъ судомъ, предъ волею окраинъ.

Тамъ просвѣщеніе, сознательность и свѣтъ,
Наука и прогрессъ изъ кладовыхъ Европы...
Культура къ вамъ идетъ,—вамъ больше мѣста нѣтъ!
Мы ваши господа, вы—смерды и холопы.

Ничтоженъ и смѣшонъ вашъ вѣковѣчный бытъ,
Смѣшна исторія, ничтожны ваши боги:
Надъ человѣчествомъ другой огонь горитъ,
Другія, новыя въ исторіи дороги.

Лишь дайте волю намъ. Перерождать людей
Мы призваны теперь судьбою неизмѣнной:
Мы зажигать пришли то солнце новыхъ дней,
Что новой правдою зажжется во вселенной.

...Пока они ушли... Но грезы и мечты
Въ дни черныхъ темныхъ дней разсыпались недаромъ:
Волнуется хаосъ въ пучинахъ темноты
И дышетъ тяжело убійствомъ и пожаромъ.

Погасли всѣ огни забытыхъ алтарей,
Вражда, и гнѣвъ, и месть проснулись и ликуютъ
И грязныя толпы безумныхъ дикарей
Свою побѣду торжествуютъ.

Пока они ушли... И легче дышетъ грудь,
Яснѣе смотритъ взоръ—и снова видитъ око,
Какъ грязенъ и нечистъ кровавый этотъ путь,
Какъ много въ немъ и лжи, и злобы, и порока,

Какъ эта ложь смѣшна, какой смѣшной обманъ
Могъ напугать во мглѣ встревоженныя очи,
Когда дорогу скрылъ поднявшійся туманъ
И тѣни сдвинулись надвинувшейся ночи!

Одѣла неба край пурпурная заря,
Клубясь, ползетъ туманъ въ ущелья и овраги,
Въ потокахъ и огняхъ живого янтаря
Подъемлетъ снова день опущенные стяги.

Теперь не время спать... Въ комъ сердце говоритъ,
Въ комъ совѣсть въ дни бѣды и скорби не сгорѣла,
Не празднымъ зрителемъ на общій трудъ спѣшитъ:
Работа есть для всѣхъ, для всѣхъ найдется дѣло.

*

Нѣтъ, разумъ не погасъ въ ночной тревожной мглѣ,
При ясномъ свѣтѣ дня бѣгутъ ночныя тѣни,
Нашъ старый храмъ стоитъ на волѣ и землѣ
И не въ людской крови церковныя ступени.

Но этотъ храмъ—онъ нашъ... Онъ былъ и будетъ храмъ...
Чужимъ богамъ и впредь молиться мы не будемъ.
Онъ дорогъ былъ и святъ и дѣдамъ, и отцамъ,
И мы его съ дѣтьми въ молитвахъ не забудемъ.

Мы скажемъ имъ: здѣсь Богъ, другого Бога нѣтъ...
Мы скажемъ имъ: здѣсь жизнь и честь всего народа...
И только здѣсь нашъ день, здѣсь правда, разумъ, свѣтъ,
И мирный трудъ въ любви, и совѣсть, и свобода.

Н. М. Соколовъ.

Вампиръ.

(L'Elixir de Vie).

Магическій разсказъ **Жюля Лермина.**

I.

Спустя три мѣсяца послѣ полученія мною докторскаго диплома, въ одинъ изъ сентябрскихъ вечеровъ, когда въ ожиданіи случайныхъ паціентовъ, я сидѣлъ въ кабинетѣ и усердно работалъ, — въ передней прозвучалъ рѣзкій звонокъ.

Невольно вздрогнувъ, я быстро пошелъ отворить.

Распахнувъ дверь, я увидѣлъ даму, одѣтую во все черное, лѣтъ сорока, довольно полную.

Она плакала. Я заботливо проводилъ ее въ пріемную и, нѣсколько болтливо, предложилъ себя къ ея услугамъ. Я еще не умѣлъ напускать на себя важности.

Дама была въ такомъ волненіи, и на нее такъ подѣйствовало восхожденіе въ четвертый этажъ, что нѣкоторое время была не въ состояніи произнесть ни одного слова.

Я предложилъ ей воды.

Въ отвѣтъ она произнесла прерывающимся голосомъ:

— Докторъ, умоляю васъ... Поспѣшите... какъ можно скорѣе... Мой ребенокъ...

Рыданія прервали ея слова. Но слѣдовало ли что-нибудь еще прибавлять? Ей была нужна моя помощь и... для ребенка!

Я всегда обожалъ эти хрупкія созданія, и мнѣ всегда было невыносимо тяжело видѣть ихъ страданія, а въ особенности чувствовать себя безсильнымъ помочь имъ. О, менингитъ, какой ты страшный врагъ!

Ребенокъ сидѣлъ на постели, качаясь отъ слабости.

Винчентъ медленно приближался къ нему, устремивъ взглядъ и протянувъ руки. Пальцы ихъ, казалось, были неподвижны, но на самомъ дѣлѣ производили едва уловимыя движенія, видѣлъ которыя и зналъ ихъ значеніе одинъ только я.

Жоржъ медленно опустился на подушки и тотчасъ заснулъ. Старикъ приблизился къ нему и положилъ свою руку на его лобъ. И, — не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что я увидѣлъ,—на блѣдномъ лицѣ больного появился румянецъ, а въ глубинѣ полузакрытыхъ глазъ зажегся огонь жизни. Этотъ человѣкъ не солгалъ, онъ влилъ въ ребенка похищенную жизнь.

— Вашъ сынъ спасенъ,—произнесъ Винчентъ слабымъ голосомъ, обращаясь къ д-ру Ф., безмолвно наблюдавшему эту сцену.

Потомъ, обернувшись къ присутствовавшимъ врачамъ, медленно произнесъ:

— Господа, засвидѣтельствуйте, что докторъ де-Боссай де-Тевененъ, послѣдній ученикъ Месмера, воскресилъ мертваго...

Послѣ этихъ словъ онъ пошатнулся и упалъ бы, если бы я не бросился его поддержать.

— Перенесите поскорѣе меня въ павильонъ, — прошепталъ онъ.

Я поднялъ его и понесъ. Онъ былъ не тяжелѣе ребенка.

Повинуясь его желанію, я остался у него. Онъ сталъ разсказывать и говорилъ долго... Я узналъ такія вещи, что меня объялъ трепетъ. Навѣрно ничего подобнаго никогда не слыхало ни одно ухо смертнаго. Его словъ я никогда не забуду. Со страхомъ ожидаю я наступленія старости, боясь сдѣлаться преступникомъ...

Ребенокъ поправился.

Винчентъ де-Тевененъ умеръ на другой день.

Одинъ изъ моихъ собратьевъ, встрѣтивъ меня нѣсколько дней спустя, сказалъ:

— Каковъ старый-то шарлатанъ?! Какъ онъ удачно воспользовался естественной реакціей!

Я ничего ему не отвѣтилъ... Я знаю и... боюсь своей науки!..

Перев. М. К. Исаевъ.

Журнальное и литературное обозрѣніе.

Общія черты идейной беллетристики.—Огарокъ. Разсказъ С. Кондурушкина („Русское Богатство“, іюнь).

I.

Страннымъ и съ виду малопонятнымъ явленіемъ русской жизни надо признать современную, такъ называемую идейную беллетристику. Послѣ ряда блестящихъ литературныхъ именъ, образцовыхъ, почти классическихъ произведеній, великихъ созданій русскаго генія—самая убогая бездарность, какое-то тупоуміе, очевидная и неприкрытая глупость. Съ гордой вершины Олимпа русское художественное слово свалилось въ болото, а его представители, съ гордымъ и довольно безстыднымъ самомнѣніемъ, во все горло кричатъ, что они идутъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

Ихъ слушаютъ и имъ вѣрятъ. Книжный рынокъ разросся непомѣрно. Есть всякіе сорта читателей. Число грамотныхъ увеличилось, число дѣйствительно образованныхъ людей стало меньше. Университеты и академіи понизили свои требованія по приказу державной улицы и дипломъ высшаго учебнаго заведенія не служитъ доказательствомъ серьезнаго образованія.

Это, конечно, до извѣстной степени обезпечиваетъ сбытъ плохихъ, но тенденціозныхъ, т. е. опять таки уличныхъ и рыночныхъ произведеній.

Но почему-же понизился умственный и нравственный уровень нашихъ писателей и беллетристовъ? Какія бѣльма на глазахъ и мозоли на мозгу мѣшаютъ имъ прямо и просто смотрѣть на жизнь, парализуютъ ихъ наблюдательность, изсушаютъ творчество и даже лишаютъ здраваго смысла?

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ серьезной и философской критики. Нѣтъ общихъ положеній, которыя давали-бы возможность скоро

разобраться въ мелочахъ и подробностяхъ и выяснить самыя характерныя черты современныхъ литературныхъ вѣяній и теченій. А безъ этого и критика является газетнымъ и журнальнымъ пустоцвѣтомъ, который только манитъ взоръ случайныхъ прохожихъ и не приноситъ зрѣлыхъ плодовъ, хозяйственнаго запаса на безплодную зимнюю пору.

Мнѣ приходилось касаться этихъ общихъ литературныхъ вопросовъ не въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя. Мнѣ думается, что я сберегу время моихъ читателей и мѣсто въ моихъ статьяхъ, если предпошлю эти общія соображенія отдѣльнымъ разборамъ отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, о которыхъ мнѣ придется говорить въ моемъ отдѣлѣ. Пусть это будетъ компасомъ въ дальнемъ и трудномъ плаваніи.

Я убѣжденъ, что въ нашей общественной жизни, въ нашемъ общественномъ сознаніи надо искать объясненія того, что современная литература зачахла и захирѣла. Не литература создаетъ жизнь, а жизнь создаетъ литературу И беллетристика не есть что-либо самостоятельное, но есть только одно изъ отраженій общественной наличности и носитъ на себѣ явный отпечатокъ общихъ вліяній.

Я повторю нѣкоторые изъ моихъ выводовъ, чтобы не повторяться потомъ, при освѣщеніи новыхъ литературныхъ пріемовъ, новыхъ типовъ и новыхъ тенденцій.

Паденіе литературнаго уровня началось не со вчерашняго дня. Въ свое время его не замѣтили.

II.

„И у насъ, какъ у запада, есть свой центръ и свои окраины. Въ области государственной и общественной жизни, въ области науки и философіи, вѣры и законодательства, совѣсти и художественнаго творчества—центръ надо было и оставить въ центрѣ, а окраины, какъ и подобаетъ окраинамъ, оставить на периферіи. Тогда въ каждой области установились-бы устойчивость и равновѣсіе, полнота и законченность, единство и гармонія. Тѣни безпорядочнаго и неустроеннаго хаоса отодвинулись бы въ свои ночлежки, первый планъ не былъ-бы загроможденъ подробностями и случайностью, хламомъ и ветошью, все стало бы на свои мѣста и слилось въ общей и дружной работѣ.

„Высокая и достойная великаго народа цѣль стала-бы ясна и понятна для всѣхъ: дѣлать свое народное дѣло, какъ дѣло общечеловѣческое, подчинять интересы составныхъ частей интересамъ цѣлаго. Это открыло-бы просторное поприще для великой и благородной работы. И эту работу не пришлось-бы превращать непремѣнно въ формы борьбы, какъ это дѣлалъ и сдѣлаетъ насильственный и властный западъ. У насъ нѣтъ колоній, а есть только окраины, сжившіяся или сживающіяся съ центромъ для одной общей работы. Намъ нѣтъ надобности выварывать племена и народы въ германо-романскомъ котлѣ, заставлять ихъ уподобиться намъ въ совѣсти и психологіи, въ вѣрѣ и разумѣ. Намъ довольно и того, чтобы центръ былъ въ центрѣ и былъ центромъ, чтобы къ нему сходились всѣ концы и начала, чтобы онъ былъ тѣмъ духовнымъ узломъ, въ которомъ сплетались бы всѣ нити, расходящіяся во всѣ стороны, чтобы центръ государственной, научной и философской тяжести былъ именно въ немъ.

„Только при высокой цѣли возможна великая и плодотворная работа. Только для великой цѣли можно забыть и своекорыстныя побужденія эгоизма и сепаратизма. При всякой попыткѣ поднять значеніе окраины надъ значеніемъ центра эта цѣль понижается, съуживается и пошлѣетъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ сознательныхъ и широкихъ общихъ интересовъ,—нѣтъ самыхъ благородныхъ побужденій къ настойчивой и честной работѣ, нѣтъ большого дѣла, а есть только маленькія дѣла и при мелкотѣ низменныя, поглощающія мысль, сердце и совѣсть маленькихъ и низменныхъ людей“.

III.

Это было написано задолго до созыва Думы. И Дума дала яркую иллюстрацію этихъ выводовъ. Въ ней не было центра: она вся состояла изъ окраинъ и жила только лѣвымъ бокомъ. И уже одно это—такъ сказать, анатомическое строеніе ея организма—заранѣе предрѣшало ея судьбу.

Всѣ великіе, жизненные и реальные вопросы въ жизни русскаго государства остались внѣ ея непросвѣщеннаго вниманія. Она не могла и не умѣла заботиться о цѣломъ и все свое вниманіе остановила на частяхъ, каждую часть превращая въ новое цѣлое. Она не умѣла поднять голову кверху и все смотрѣла внизъ, — себѣ и другимъ подъ ноги. Въ виду этого, она вся была поглощена тѣми подробностями и деталями, которыя въ государственной жизни великаго народа имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Она, напримѣръ, ставила вопросъ объ амнистіи и горячо требовала отмѣны смертной казни, привѣтствуя въ тоже время аплодисментами вѣсти о новыхъ политическихъ убійствахъ. Это очень характерно. Она не умѣла охватить однимъ взглядомъ все цѣлое, впилась глазами въ одну часть, придала ей абсолютное значеніе и

*

только поэтому дала такой смѣшной и наивный выводъ: отмѣнить смертную казнь и пусть продолжаются политическія убійства.

Такова всегда и всякая окраинная логика. Часть борется съ цѣлымъ, чтобы поглотить цѣлое и такимъ образомъ занять его мѣсто.

Это отъ рожденія или по случайности принципіально одноглазые люди, которымъ второй глазъ только мѣшаетъ. И односторонность Думы была убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ ея полной бездарности.

Другой примѣръ. Дебаты по аграрному вопросу часто напоминали споры школьниковъ по грубой непослѣдовательности и однобокости логики.

Логика кадетовъ и трудовиковъ приплясывала такъ: крупная собственность есть кража, мелкая собственность—священна и неприкосновенна. Даже соціалисты, для которыхъ и мелкая, и крупная собственность одинаково ненавистны, публично и ради политики стояли, противорѣча себѣ, за мелкую собственность, чтобы не оттолкнуть отъ себя избирателей, мелкихъ собственниковъ-крестьянъ.

Итакъ, опять часть ставится на мѣсто цѣлаго и логика не можетъ не стать уродливою, если на ней лежитъ обязанность дать двѣ противоположныхъ правды для двухъ половинъ одного и того-же цѣлаго.

Эта логика стрижетъ каждаго, по термину парикмахеровъ, ежикомъ, — даже такихъ взъерошенныхъ и шершавыхъ, какъ г. Аладьинъ.

И они, какъ по строенію своего пролетарскаго мозга, такъ и по своему оффиціальному положенію въ качествѣ членовъ непремѣнно оппозиціонной Думы, не могли, не имѣли возможности и права посмотрѣть въ оба глаза и, прищуривъ правое, что есть мочи выпячивали лѣвое глазное яблоко, которое отъ натуги наливалось кровью и, конечно, искажало всѣ основныя линіи нормальной перспективы.

Подъ этимъ отчасти внѣшнимъ давленіемъ и подъ внутреннею необходимостью послѣдовательности при такихъ ненормальныхъ посылкахъ, конечно, одинаково не можетъ быть ни ума, ни совѣсти.

Дума это и доказала.

Какой-бы вопросъ изъ тѣхъ, которые она съ такими всегда „крѣпкими“ словами „ставила на очередь“, мы ни взяли, — мы всегда столкнемся съ узостью и односторонностью окраинной логики, т. е. борьбы ганглій, нервныхъ узловъ, съ головнымъ мозгомъ. А это всегда вызываетъ такое непримиримое противорѣчіе какъ въ теоретической, такъ и въ практической области, что заранѣе можно было предсказать скорое разложеніе думскаго организма, въ которомъ каждая отдѣльная часть стремилась „уничтожить“ цѣлое, когда не китъ хотѣлъ проглотить Іону, а каждый Іона—хотѣлъ проглотить одного и того-же кита.

IV.

Это крупный историческій фактъ, на который, по моему мнѣнію, не обращаютъ должнаго вниманія, и поэтому многіе писатели и публицисты легко запутываются въ трехъ соснахъ.

Русскій народъ перестали считать центромъ русскаго государства и ни одна окраина—пока что—не заняла центральнаго положенія.

Многое въ нашей жизни стало бы яснѣе, если бы всѣ событія разсматривались именно съ этой точки зрѣнія.

Это, конечно, должно было отразиться и дѣйствительно отразилось и на идейной беллетристикѣ, какъ на ней отразилось и другое крупное общественное явленіе.

„Тамъ, гдѣ народъ раздѣлился на классы съ противоположными и враждебными интересами, а классы распались и раздѣлились на отдѣльные индивидуумы, причемъ на всей лѣстницѣ, на каждой ея ступенькѣ существеннымъ рычагомъ дѣятельности и пытливости является эгоизмъ,—сами собою меркнутъ на небѣ теоретическаго и практическаго идеала лучшія звѣзды широкаго и свободнаго творчества. На смѣну писателей, которые говорили всему народу и отъ всего народа, явились писатели и мыслители для одного какого-нибудь класса, которые говорили только отъ этого класса. Они оттолкнули первыхъ на задній планъ, но и ихъ отталкиваютъ. Являются мыслители для каждаго человѣка въ отдѣльности, для каждаго одинокаго эгоизма порознь, который на всей площади соціальнаго разрѣза общественныхъ пластовъ, говоритъ однѣ и тѣ же монотонныя и скучныя рѣчи. На послѣдней ступени полное торжество нигилистическаго монизма, богатаго сходствомъ и бѣднаго различіемъ, безцвѣтнаго и безжизненнаго.

„Внѣ всякаго сомнѣнія то, что это не прогрессъ, а регрессъ, не подъемъ кверху, а спускъ внизъ. Большія и широкія думы великихъ мастеровъ слова становятся все мельче, все уже, все вульгарнѣе и пошлѣе, пока не превратятся въ сухую и затхлую нигилистическую пыль. Мысль не хочетъ ни усиливаться, ни напрягаться, чтобы подняться до высокой цѣли, приблизиться къ великому идеалу. Она, лѣнивая и усталая, опускается все ниже и ниже, къ самымъ будничнымъ и прозаическимъ подробностямъ жизни, пока не остановится на какихъ-либо частныхъ и исключительныхъ слу-

чаяхъ, интересныхъ только для того или другого эгоиста. Совѣсть выдыхается и умираетъ, ибо весь смыслъ совѣсти въ ея антагонизмѣ и борьбѣ съ эгоистическими побужденіями, и тамъ, гдѣ эгоизмъ признанъ здоровымъ и нормальнымъ рычагомъ общественной дѣятельности, для совѣсти мѣста—нѣтъ".

V.

Это, конечно, общее явленіе—и не одной только русской жизни. Философія, поэзія и литература запада — не сохранили и слѣдовъ былого величія. Писатель пересталъ быть оригинальною и законченною личностью. Матеріализмъ вытравляетъ изъ человѣка оттѣнки и своеобразіе духа, мысли и характера. Онъ не имѣетъ права рваться въ высь на свой рискъ и отвѣтственность. Иначе онъ не будетъ популярнымъ. Его не признаетъ толпа. Одинокій и незнаемый, онъ будетъ стоять внѣ „вѣяній и теченій" своего времени.

Толпа его не замѣтитъ, потому что для нея онъ слишкомъ высокъ. Писателю надо умѣть опуститься, чтобы среднимъ и нижнимъ слоямъ интеллигенціи не пришлось загибать голову и утомлять затылокъ. Образованная толпа привыкла смотрѣть на своихъ кумировъ въ упоръ, видѣть въ нихъ своего поля ягоду, не допускать ни тѣни сознанія своего превосходства и обходиться съ нимъ за панибрата.

Это по своему роковая сила засасывающаго болота. Развѣ возможны въ нашъ вѣкъ такіе оригинальные умы и характеры, какъ Данте, Леопарди? Тѣ изъ уваженія къ цѣлостности и законченности своей личности не поступались ни одной крупицей изъ своего духовнаго богатства и писали скорѣе для себя и потомства, чѣмъ для современниковъ и толпы.

Теперь этотъ благородный и чистый типъ самобытныхъ умовъ и характеровъ не соотвѣтствовалъ-бы средѣ. Онъ погибъ-бы, какъ мамонтъ среди австралійскихъ кэнгуру. Теперь, чтобы считаться великимъ, надо быть сортомъ много пониже. Вспомните имена Золя, Нитцше, Ибсена и другихъ современныхъ знаменитостей. На сколько поколѣній хватитъ ихъ шумной славы? Ихъ лавры вянутъ на глазахъ ихъ-же поколѣнія.

Л. Толстой былъ великъ для немногихъ, пока оставался настоящимъ художникомъ. Онъ сталъ великимъ для толпы, когда низко, до уличной грязи поклонился толпѣ съ ея недолговѣчными кумирами и болванами. Исторіи придется отмывать его вѣнки отъ прилипшей къ благоуханнымъ цвѣтамъ пахучей рыночной накипи.

Таковъ наклонъ и ходъ вѣка. Все внизъ, никогда кверху.

Это уже на западѣ, гдѣ культурность еще не совсѣмъ пустой звукъ. Что-же сказать про нашихъ вандаловъ, которые считаютъ перо писателя только ключемъ къ чудовищному гонарару, заработанному самой униженной и искательной лестью идейной черни? Чего не принесетъ такой писатель, который ничѣмъ не брезгуетъ ради дешевой популярности?

У насъ есть писатели для босяковъ и бродягъ. Есть писатели для проститутовъ и проститутокъ. Есть писатели для воровъ и грабителей.

И каждый своей аудиторіи долженъ угодить, напитаться міазмами домовъ терпимости и ночлежекъ, возвести классовое и профессіональное самосознаніе подонковъ общества въ перлъ созданія, ходить передъ своими читателями колесомъ и глотать горящую паклю.

Гдѣ-же набраться для такой постыдной и циничной литературной работы ума и совѣсти?

VI.

„Чего же можно ждать, когда надъ большимъ народомъ поднимаются стяги отвлеченнаго общеинородческаго идеала, сшитые изъ пестрыхъ и разношерстныхъ лоскутковъ маленькихъ народовъ, почти не жившихъ или никогда не жившихъ исторической жизнью? Конечно, путемъ нигилистическаго отвлеченія изъ этихъ разнородныхъ продуктовъ можно сдѣлать метафизическую окрошку, но сколько теоретическаго и моральнаго разлада въ этой чудовищной мѣшанинѣ! Это былъ бы удивительный теоретическій фокусъ, еслибы изъ окраины вообще, такъ сказать обще-окраины, окраины для всѣхъ вѣковъ и народовъ, сдѣлать логическій центръ, превративъ такимъ образомъ единственный реальный центръ въ теоретическую окраину! Не значило-ли бы это, что головной мозгъ прекратилъ свою дѣятельность и его функціи исполняютъ нервные узлы, гангліи, какъ кому и гдѣ придется, причемъ теряется весь смыслъ всего организма, уже не живого въ послѣднихъ судорогахъ агоніи? Не служило-ли бы это признакомъ, что первобытный хаосъ ради блага частей хочетъ поглотить цѣлое, отравивъ его элементами разложенія? Если перестанетъ правильно функціонировать голова, гдѣ другіе органы мышленія"?

„Общество, слагающееся на почвѣ общеинородческой логики и психологіи, представляетъ изъ себя котловину съ высоко поднятыми краями, откуда по крутымъ откосамъ сбѣгаютъ къ центру мутные горные потоки. Вода, не находя себѣ выхода, застаивается въ лу-

жахъ и болотахъ—и гніетъ. Подъ удушливымъ туманомъ зараженнаго и отравленнаго воздуха все живое чахнетъ и хилѣетъ. Способность критики исчезаетъ безслѣдно, какъ и способность творчества.

„Мысль цѣпенѣетъ и лѣниво волочится только по пробитымъ тропинкамъ. Чувство, подавленное метафизическимъ хламомъ, становится тревожнымъ, капризнымъ, мимолетнымъ и причудливымъ. Воображеніе загромождается съ виду огромными, но мертвыми и пустыми нигилистическими фикціями. Низменный и низкій идеалъ,—а онъ всегда таковъ на общеинородческой почвѣ, — какъ крышка гроба, давитъ черепъ, сушитъ мозгъ и оскопляетъ творческую энергію. И эти скопцы, непогребенные мертвецы, начинаютъ болѣзненно и фанатически ненавидѣть живую жизнь, прячутся въ крѣпко запертыхъ, душныхъ и затхлыхъ кельяхъ и ихъ не манитъ уже широкій и вольный просторъ голубого моря, шумнаго и нарядного роднаго лѣса, гдѣ бываютъ и бури, ломающія стволы вѣковыхъ дубовъ, и великая тишина, въ которой зрѣютъ здоровыя сѣмена молодыхъ побѣговъ, крѣпнутъ и ростутъ юные, полные жизненныхъ соковъ подростки, отдыхаютъ въ великихъ думахъ лѣсные старцы,—гдѣ есть и медвѣжьи берлоги, и кипучіе ключи, изъ которыхъ русскіе богатыри черпали свою богатырскую силу“.

VII.

Развѣ на примѣрѣ распущенной Думы мы не видимъ подтвержденія этихъ предположеній и соображеній? Развѣ въ ней не было ненависти къ живымъ людямъ и живой жизни?

Вѣдь было же то, что, возненавидѣвъ казаковъ платонически и отвлеченно, предлагали всякія мѣры для ихъ полнаго уничтоженія, вплоть до выселенія ихъ изъ предѣловъ Россіи. Когда такую мѣру предлагали для евреевъ, кадеты и особенно трудовики выходили изъ себя и сыпали самыми отборными ругательствами. Но это имъ казалось верхомъ государственной мудрости, когда рѣчь заходила о казакахъ.

Посмотрите на ту же платоническую и отвлеченную ненависть къ „сатрапамъ“. Сатрапъ,—значитъ, внѣ закона. Убить сатрапа—все равно, что комара задавить. И убивали. Бывали и ошибки. Случалось, что убивали не того сатрапа, котораго хотѣли убить. Убитый былъ ни въ чемъ не виноватъ и его убивать было не за что. Ошибку признавали, но ни въ чемъ не каялись. Сатрапъ,—ergo, убивай, не считаясь съ личностью сатрапа.

Эту ненависть я называю платонической только потому, что она привязана къ имени, кличкѣ, слову, титулу, а не къ живому человѣку. Это ненависть къ словамъ, а не людямъ.

Если нужны еще примѣры и иллюстраціи, можно указать на ненависть къ слову и титулу бюрократа. Защищать бюрократовъ и бюрократію мы, конечно, не станемъ. Задолго до начала пресловутаго „освободительнаго движенія“, мы не разъ указывали на безжизненность и безпринципность нашего слишкомъ космополитическаго бюрократическаго строя и видѣли въ немъ опасность для государственной цѣльности и единства. Конечно, наши взгляды не могли измѣниться и теперь.

Но во всемъ надо соблюдать мѣру и бояться глупости. Заговорили, что бюрократія во всемъ виновата—и въ нашемъ климатѣ, и въ нашей почвѣ, и въ жалкой бездарности нашей оппозиціи. Топали ногами, рвали на себѣ волосы и „требовали“, чтобы бюрократія въ интересахъ революціи сейчасъ же предоставила въ распоряженіе кадетовъ огромную и вполнѣ подготовленную армію чиновниковъ конституціонно-демократическаго образа мышленія.

Предѣлы человѣческой возможности были забыты. Кадеты требовали, чтобы немедленно и неукоснительно бюрократы измѣнили законы вселенной, декретировали основы золотого вѣка пролетарскаго строя и этотъ земной рай отдали во всей его неприкосновенности имъ, кадетамъ, желающимъ власти и почета безъ шиповъ и терній государственной дѣятельности.

И винить ихъ въ глупости и несообразительности было нельзя: окраинная логика требуетъ убійства или чудесъ и сердится, когда ея капризовъ не исполняютъ. И имъ кажется логичнымъ требовать истребленія, т. е. убійства, всякаго человѣка, къ которому примѣнима кличка бюрократа.

На этомъ, конечно, окраинная логика не останавливается, да и не смѣетъ остановиться, не отказываясь отъ своихъ посылокъ. Ставились на очередь вопросы объ упраздненіи дворянства, духовенства, арміи, флота, капиталистовъ, купцовъ и торговцевъ, полиціи и приказчиковъ, черносотенцевъ и, по терминологіи большевика г. Ленина, „мелкихъ собственниковъ“, т. е. мужиковъ. Все это у насъ хотѣли понимать какъ-то символически. Но на самомъ дѣлѣ тутъ никакихъ символовъ не было. Все прямо и просто. Дѣло шло, а можетъ быть, и идетъ о разрушеніи общественнаго строя, т. е. именно объ убійствѣ или разграбленіи.

Такъ и должно было быть.

„Окраинныя мысли подняли стягъ возстанія и центръ оказался неподготовленнымъ. Все пошло шиворотъ-на-выворотъ, полѣзло по швамъ, повалило изъ рукъ, все стало instabilis tellus, innabilis unda. Окраинныя мысли безъ подчиненія ихъ одной централь-

ной мысли всегда и по логической необходимости стоятъ за права хаоса противъ свѣтлаго и стройнаго космоса, за права безумія противъ логики и здраваго смысла, за право первобытной дикости противъ общественной культурности, за дѣло тьмы, а не свѣта.“

VIII.

Какъ же эта смута умовъ и путаница понятій отражается на нашей „идейной“ беллетристикѣ?

„Выхватываются изъ жизни“,—на самомъ дѣлѣ высасываются изъ пальца или вычитываются изъ передовой популярной книжки,— самые невѣроятные типы. Какой-то метафизическій попъ тащитъ въ церкви на себя изъ гроба покойника въ увѣренности, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Циникъ и нигилистъ докторъ методически и обдуманно убиваетъ своего друга, чтобы жениться на его женѣ, и дѣлаетъ почти научный анализъ психологіи своего преступленія. Еще одинъ метафизическій хозяйственный попъ до того оглупѣлъ, что можетъ только рубить и стругать дрова и доски—и дошелъ въ этой маніи до такой виртуозности, что сколотилъ себѣ при жизни аляповатый гробъ, при чемъ въ его идіотскомъ сознаніи было только, что гробъ проченъ, сдѣланъ дома и стоитъ недорого. Студентъ-сифилитикъ, нигилистъ-дикарь, вспарываетъ животъ грязной расхожей дѣвкѣ. Номерной лакей въ гостинницѣ пытается торговать своею молоденькою женою и побоями принуждаетъ ее къ легкости нравовъ, къ свободѣ чувства и отношеній. Гдѣ-то подъ городомъ озвѣрѣлые рабочіе насилуютъ дѣвочку-подростка и ея спутникъ, идеалистъ и интеллигентъ въ каждомъ изломѣ нигилистической фразы, слѣдуетъ ихъ примѣру.

„По рецепту Нитцше, подбирается „все презираемое, ужасающее, ненавидимое“. Изъ каждой беллетристической щели лѣзетъ что-то уродливое, гадкое, отвратительное, цинически-нелѣпое и безсмысленно-подлое. Все это формы и оттѣнки какой-то маніи,—„еще разъ презрѣнной маніи“, сказалъ бы Нитцше. Сквозь узоры безсмысленной идейности отовсюду смотритъ порнографія, истощенная, извращенная, гордая своею противоестественностью“.

IX.

„Но это ложь, новый видъ академической лжи на жизнь. Жизнь не такова. Если это не цѣликомъ фрукты нечистой и искусственно разгоряченной фантазіи, то это единичные, исключительные случаи, которые бываютъ рѣдко. Это не типы. Типовъ, живыхъ и здоровыхъ типовъ, не можетъ быть въ литературѣ многоинородческаго и общеинородческаго нигилизма. Для этого нуженъ умъ. Нужна широкая общая точка зрѣнія, чтобы дѣйствительно понять явленіе въ связи съ общимъ уровнемъ и съ общими нормами жизни и поставить его на подобающее мѣсто. Но ума не можетъ быть при несобранномъ мышленіи, при отсутствіи объединяющаго центра, при наличности многихъ центровъ, разнородныхъ и легковѣсныхъ, какъ все инородческое.

„При такой психической основѣ писатели-нигилисты въ полной безпомощности останавливаются передъ единичнымъ фактомъ. Имъ хочется дать ему какое-то общечеловѣческое освѣщеніе, объяснить его смыслъ и значеніе для всѣхъ временъ и народовъ. Но единичный фактъ такому освѣщенію не поддается и такъ и остается единичнымъ фактомъ. Изъ сухого пня березы не добудешь соку. Какъ фактъ единичный и исключительный, онъ не поддается обобщенію. Онъ не типиченъ. Типичнымъ хочетъ его сдѣлать только нигилистическая тенденція, но ея лживость сквозитъ черезъ ея притязательность.

„Это неправда, что жизнь безумна. Пусть въ дѣйствительной жизни много зла, горя и неправды, но на все есть свои причины, свой смыслъ и разумъ, понятный только съ болѣе высокой и широкой точки зрѣнія, чѣмъ логика общеинородческаго нигилизма. Все это безуміе не въ жизни, а въ безумныхъ глазахъ безумныхъ мечтателей, которые безумно смотрятъ на жизнь.

„Логика и психологія, мораль и поэзія отдѣльныхъ и исключительныхъ фактовъ, внѣ связи ихъ съ общимъ началомъ жизни, съ центральною идеею,—это уже полное банкротство духа, свидѣтельство неприкрытой босяческой нищеты, дипломъ крайняго одичанія, полнаго ничтожества и всесторонней негодности.

„Иногда кажется, что какой-то злой геній, злобный и мстительный,—сознательно, планомѣрно и методически принижаетъ, душитъ и вытравляетъ способность здороваго и спокойнаго мышленія въ русской интеллигенціи, отнимаетъ у нея зоркость глаза и чуткость уха и отравляетъ совѣсть, чтобы усыпить ея бдительность при осуществленіи какой-то великой неправды, великой обиды, грѣховнаго преступленія передъ русскимъ народомъ.

„Гдѣ же конецъ паденію? Можно ли падать ниже?

„Скорбное предчувствіе говоритъ, что можно, что такъ именно и будетъ.

„Забыто главное дѣло, безъ котораго все остальное вздоръ и пустяки,—забытъ единственный источникъ великой правды народной, способной дать нравственное обновленіе одичавшему поколѣнію

людей, бросившихъ родной домъ, чтобы духомъ и совѣстью отойти „на страну далече“.

X.

Считаю нужнымъ оговориться. Все это имѣетъ отношеніе только къ такъ называемой идейной беллетристикѣ. Это особый видъ общественно-культурнаго и интеллигентнаго сектантства, распадающагося на много толковъ, но одинаковаго по отмѣченнымъ нами общимъ принципамъ. Эта русская секта, какъ мы уже и указали, имѣетъ свою опредѣленную физіономію и по большей части держится въ узкихъ рамкахъ партійной замкнутости.

Никакой товаръ безъ условнаго клейма черезъ эту таможню не пройдетъ.

Внѣ этой идейной беллетристики есть, конечно, и безтенденціозная беллетристика — въ тѣхъ журналахъ, которые не берутся за Сизифову работу—вскатывать на крутую гору тяжелый балластъ пролетарской морали.

Не блещетъ талантами и эта отрасль беллетристики, хотя тамъ, конечно, скорѣе можно наткнуться на яркое слово, живую мысль, характерный типъ. Но пока не о ней рѣчь. Рѣчь объ идейной беллетристикѣ.

Теперь, когда читатели знаютъ мои взгляды по ряду вопросовъ, связанныхъ съ этимъ видомъ литературной дѣятельности, мнѣ, съ помощью этой аріадниной нити, легче будетъ выйти изъ любого беллетристическаго лабиринта въ отдѣльности.

Итакъ, я считаю неоспоримымъ, вполнѣ естественнымъ и легко объяснимымъ тотъ фактъ, что бездарность и безуміе текущей идейной беллетристики объясняются общей разладицей нашей общественной жизни, отсутствіемъ въ ней опредѣленнаго идеала и опредѣленныхъ идеаловъ, несобранностью мышленія въ цѣломъ, постояннымъ колебаніемъ центра духовной жизни и отсюда невозможностью гармоніи и единства.

Эта беллетристика переживаетъ острый патологическій кризисъ и въ настоящее время утратила всякое серьезное общественное значеніе, такъ какъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ градусника, отмѣчаетъ такой горячечный подъемъ температуры паціента, при которой о нормальной психической и логической дѣятельности не можетъ быть и рѣчи.

Несомнѣнно, что центробѣжныя силы государственнаго организма еще не парализованы въ должной мѣрѣ центростремительными и поэтому говорить объ исходѣ кризиса пока преждевременно. Но несомнѣнно, что до новой и полной уравновѣшенности враждующихъ силъ еще очень далеко, и поэтому въ ближайшемъ будущемъ мы должны предполагать еще больше анархіи мысли, новаго паденія внизъ, новыхъ формъ идейнаго безумія и помѣшательства.

Здѣсь мною въ общихъ чертахъ набросана та общая схема, которую можно приложить и слѣдуетъ прилагать къ каждому идейному произведенію въ отдѣльности. Правъ ли я или нѣтъ, обнаружится сразу же на практикѣ, при разборѣ идейныхъ повѣстей и разсказовъ. За работой будетъ виднѣе обоснованность или произвольность этой небольшой системы выводовъ.

На первый разъ я демонстрирую мой методъ на разсказѣ С. Кондурушкина „Огарокъ“ изъ іюньской книжки „Русское Богатство“.

Имя автора этого разсказа мнѣ встрѣчается въ первый разъ. Писалъ ли онъ что-нибудь еще или нѣтъ, я не знаю. Но онъ пишетъ не хуже и не лучше признанныхъ маэстро этой школы, Купринымъ, Вересаевыхъ, Скитальцевъ, Андреевыхъ и другихъ frutti di mare. Это типичный идейный талантъ или, точнѣе, типичная идейная бездарность, т. е. именно то, что мнѣ и надо для иллюстраціи моей мысли на конкретномъ примѣрѣ.

X.

Санитарный поѣздъ. „Около Харбина скопилось цѣлое море вагоновъ, наполненныхъ искалѣченными людьми“.

„Владиміръ Александровичъ Пилецкій былъ раненъ въ бою. Мимо него пролетѣла шимоза и разорвалась неподалеку. Ударомъ воздуха и осколками снаряда ему снесло всѣ мягкія части лица, выбило глаза, разбило нижнюю челюсть. На лицо ему положили заплату изъ кожи, снятой съ его же руки. Какъ офицеръ, онъ попалъ въ поѣздъ скоро послѣ боя и рана его подживала уже въ вагонѣ. Изъ лица вышла безобразная, взволнованная, рубчатая поверхность, съ дырою вмѣсто рта, безъ подбородка. Вышла, такъ называемая въ медицинѣ, осетриная морда“.

Вотъ и вся драма. Она только что началась и уже кончилась. Подробности психологической картины, при наличности такой осетриной морды, особеннаго общественнаго значенія не имѣютъ. Все сосредоточено на этомъ, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ и исключительномъ случаѣ. На одинъ моментъ — это центръ вселенной и міровой исторіи. Осетриная морда расширяется, наполняетъ собою міръ, тянется дальше—„впередъ и выше, все впередъ и все выше“ и пропадаетъ въ какихъ-то космическихъ туманахъ. Къ лирикѣ исключительнаго случая наскоро пристегнуты нотки гражданской

скорби и „идейной“ безтолковости—и идейный разсказъ à la fur-chette—готовъ.

Что называется, за вкусъ не берусь, а горячо будетъ.

Теперь присмотримся къ копотливому и сложному способу производства идейной канители. Демонстраціи подлежитъ мучительность страданій отъ сознанія своего непоправимаго безобразія, какъ новый аргументъ противъ войны и за разоруженіе народовъ.

„Рана засохла; повязку сняли съ лица.

„Долго ощупывалъ онъ ночью свою ужасную маску. Все его существо наполнилось холодомъ невѣдомаго чувства. Это чувство было тяжелѣе страха смерти, который ему пришлось пережить на войнѣ. Тамъ былъ страхъ потерять жизнь, ужасъ живого передъ смертью, а это былъ страхъ передъ жизнью. Ему казалось, что онъ превращенъ въ какое-то новое, невиданное міромъ животное, но сохранилъ свое прежнее человѣческое сознаніе. И что ужаснѣе всего,—никто никогда не признаетъ въ немъ прежняго Владиміра Александровича. Тотъ былъ красивый, говорунъ, остроумный шутникъ. Его любили товарищи и женщины. А это—кто-то ужасный, безликій, говоритъ, точно плюетъ. При видѣ его ужаснутся всѣ близкіе, даже мать, жена и дѣти, ужаснутся не съ сожалѣніемъ, а съ отвращеніемъ и со страхомъ.

„Такія мысли мучили его ночью въ вагонѣ. Раньше онъ не вполнѣ понималъ свое несчастіе. На лицѣ была повязка: его лихорадило; часто онъ былъ въ забытьѣ. Теперь ему стало лучше; повязки сняли и вотъ она, его маска; онъ ощупываетъ ее руками, какъ какую-то гадину, въ десятый, въ сотый разъ. Ему хочется запустить въ нее пальцы и разодрать ее, уничтожить.

„Ему страшно. Онъ старается думать о другомъ“.

———

XI.

Правдоподобно, но холодно и блѣдно. Мы видимъ логическіе выводы изъ простого факта такой рѣдкой формы случайнаго безобразія, какъ осетриная морда, но не видимъ живого лица, характера, человѣка. Точно съ потерею лица онъ потерялъ и духовную личность. Это какое-то алгебраическое уравненіе, въ которомъ дѣлаютъ различныя комбинаціи. Конечно, все это возможно, но авторъ не умѣетъ убѣдить насъ въ томъ, что все это было именно такъ, и никакъ иначе быть не могло. Это не художникъ, а ораторъ на митингѣ. Ему надо подѣйствовать на толпу, а не создать жизненный и типичный образъ. Это форма доказательства, а не подъемъ творчества.

Но все же авторъ сказалъ все, что хотѣлъ сказать. Тема исчерпана. Но авторъ этого не думаетъ. Онъ говоритъ и говоритъ...

Поѣздъ перевозили на ледоколѣ „Байкалъ“. Пилецкій рисовалъ себѣ эту картину, хотя ничего не видѣлъ. Онъ отдавался своимъ мечтамъ.

„Можетъ быть, если сильнѣе попросить Бога, то Онъ возвратитъ ему глаза и лицо?

„Пилецкій сталъ молиться, какъ въ дѣтствѣ. Все его существо плакало и просило.

— Господи! Ну, что Тебѣ стоитъ сдѣлать меня здоровымъ, Господи! У меня мать, жена, дѣти... Добрый Боже, я не буду больше грѣшить, не буду никого обижать, не буду лгать. Ну, Господи, Ты, милостивый, всемогущій... Дай же, дай!..

„Онъ плакалъ навзрыдъ, валяясь на койкѣ. Отъ слезъ у него налилась кровью голова и заболѣли глаза (?)...

„Нѣтъ, все та же маска. Чуда нѣтъ. Все темно и страшно. Онъ забылся“.

Характерная подробность. Это не молитва вѣрующаго. Она слишкомъ наивна для взрослаго и слишкомъ легкомысленна для человѣка, у котораго Богъ въ думахъ не случайный гость только въ минуты скорби.

Бѣдный страдалецъ ждалъ и хотѣлъ чуда, а такъ какъ чудо безъ Бога невозможно, то онъ на всякій случай сталъ молиться Богу, если Онъ, паче чаянія, есть. Онъ слишкомъ мало молился Богу и слишкомъ скоро впалъ въ отчаяніе. Нѣтъ, Пилецкій въ душѣ не христіанинъ и его молитва могла свидѣтельствовать только объ упадкѣ его энергіи и паденіи нервной силы. Если бы Пилецкій дѣйствительно вѣрилъ въ Бога, конецъ его былъ бы другимъ. Въ разсказѣ это только случайный эпизодъ, который не имѣетъ никакого значенія для фабулы.

Авторъ сдѣлалъ это по практическимъ и дѣловымъ соображеніямъ. Онъ рѣшаетъ логическій ребусъ по физіологическимъ даннымъ осетриной головы. Да, здѣсь вполнѣ возможна комбинація на Бога и на чудо. Но авторъ — передовой мыслитель и, конечно, ни въ Бога, ни въ чорта не вѣритъ. Этотъ выходъ надо было совершенно выбросить изъ счета.

— Чуда нѣтъ, — говоритъ не Пилецкій, а г. Кондурушкинъ, стирая губкой со школьной доски эту мнимую величину.

Итакъ, тема исчерпана? О, нѣтъ! Г. Кондурушкинъ — неисчерпаемъ.

———

XV.

„На слѣдующій день съ утра Пилецкій попросилъ доктора снова завязать ему лицо.

— Этого не нужно дѣлать. Теперь все зажило. Можно безъ повязки.

— Я умоляю васъ, докторъ.

„Ему снова завязали лицо. Онъ цѣлый день лежалъ на койкѣ и думалъ“.

И снилось ему, какъ онъ, здоровый, счастливый, возвращается домой, какъ весело и радостно встрѣчаетъ его жена и мать, какъ забавно и мило лепечетъ маленькая дочка.

„Картина вдругъ мѣняется.

„Кто этотъ ужасный, безлицый?—чувствуетъ онъ общій вопросъ. Этотъ вопросъ написанъ на лицѣ жены, матери, прислуги; объ этомъ спрашиваютъ стѣны, знакомые стулья, книжный шкафъ. Надя плачетъ отъ страха. Жена и мать блѣдныя.

— Кто это?

— Да это я, Вѣра! Да это я-же, мама! Я, вашъ Володя...

„Дальше картина исчезаетъ. Пилецкій извивается на койкѣ отъ жестокой внутренней боли. Колеса стучатъ по рельсамъ. Вагонъ покачивается, пахнетъ іодомъ и гнилымъ тѣломъ.

— Мать умретъ съ горя,—думаетъ Пилецкій.—А что-же будетъ дѣлать съ нимъ его жена? Онъ страшный уродъ; зачѣмъ онъ будетъ сидѣть дома, вѣчный источникъ злобы и страха? Онъ превратитъ свой домъ въ гнѣздо тарантула, въ пристанище змѣя.. Не можетъ-же жена всю жизнь любить и жалѣть такого страшнаго урода. Она молодая, здоровая, красивая...

„Пилецкій представилъ себѣ ясно, какъ его Вѣру передъ нимъ обнимаетъ, цѣлуетъ кто-то другой... Эта мучительная картина доставляла ему особенно острое наслажденіе и страданіе, и онъ рисовалъ ее себѣ во всякихъ подробностяхъ. И снова извивался на койкѣ отъ внутренней боли“.

Горизонтъ автора выше готоваго факта осетриной морды отнюдь не поднимается. Только эта нота звучитъ во всей его мелодіи. Но онъ мимоходомъ касается фактовъ жизни, у которыхъ своя логика.

Что сказать про семью Пилецкаго? Мать не въ счетъ: она только декорація для драматическихъ эффектовъ. Что такое его жена? Она можетъ, пользуясь его слѣпотою, обниматься при немъ съ другимъ? Какія-же данныя у него для того, чтобы такъ думать о своей Вѣрѣ? Только то, что она молода, здорова и красива? Но развѣ это и все? Развѣ въ женѣ онъ никогда не видѣлъ человѣка и не знаетъ, какой это человѣкъ злой или добрый, способный на жертву или не способный? Наружность обманчива. Самоотверженіе часто является именно тамъ, гдѣ его меньше всего ждали. И съ этой стороны Пилецкій ея не знаетъ?

Одно изъ двухъ: или Пилецкому больная фантазія нашептываетъ клеветы на жену и семью, или у него жена плохая и онъ ее не любитъ или, по крайней мѣрѣ, не уважаетъ.

А на самомъ дѣлѣ это просто литературный промахъ г. Кондурушкина. Онъ не сообразилъ, что его изложеніе можетъ поднять и эти вопросы. Онъ рисовалъ въ Пилецкомъ интеллигента, существо отвлеченное, метафизическое, мечтательное, которое ничего толкомъ не знаетъ, не понимаетъ, всегда танцуетъ отъ теоріи и поэтому слишкомъ легко и скоро переходитъ отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ надеждѣ. У него есть мечты, но нѣтъ мысли, есть капризныя настроенія, но нѣтъ характера.

XIV.

Г. Кондурушкинъ, должно быть, самъ чувствовалъ, что на одной осетриной мордѣ далеко не уѣдешь, и поэтому къ медицинскому казусу счелъ нужнымъ подсыпать магическій порошокъ гражданской скорби,—по старому рецепту идейной беллетристики.

Санитарный поѣздъ останавливается на сборномъ пунктѣ. Больные выходятъ изъ вагоновъ.

„Въ это время около одного изъ вагоновъ собралась толпа. Послышались ахи, охи. На длинной платформѣ какъ-то вдругъ стало тихо, точно покойника принесли. Озлобленный комендантъ пошелъ къ толпѣ. Въ срединѣ ея лежало что-то сѣрое, круглое, похожее на невѣдомаго звѣря, съ поднятыми лапами и горящими глазами. Этотъ звѣрь поднималъ голову и металъ по сторонамъ безпокойными глазами, точно искалъ защиты. Но вдругъ глаза его замигали, грязныя, покрытыя огненными рытвинами щеки задергались, и на платформу закапали слезы.

— Боже!... Господи!.. За что ты меня наказалъ?—пробормоталъ звѣрь.

„Да это не звѣрь, а человѣкъ безъ рукъ и безъ ногъ“.

Это тотъ-же литературный эффектъ осетриной морды, только въ другомъ изданіи. „Гражданская скорбь“ начинается именно съ этого момента.

Къ слову сказать, г. Кондурушкинъ подтверждаетъ, что это былъ человѣкъ, но рисуетъ его, какъ звѣря, и дальше звѣриной внѣш-

ности въ человѣкѣ ничего не видитъ и не хочетъ видѣть. Ему такъ нужно. Иначе пострадаетъ тенденція.

— Вотъ такъ война! Тоже, герои... Поди-ка, повоюй, кто хочетъ, — не обращаясь ни къ кому, сказалъ бородатый солдатъ изъ запасныхъ.

— Ну, чего тутъ спины чешете,—закричалъ комендантъ.—Неси его! Повою-у-уй—передразнилъ онъ солдата — Смотри у меня, повоюешь...

„Онъ закончилъ сквернымъ ругательствомъ. Бородатый солдатъ съежился, схватилъ носилки вмѣстѣ съ другимъ безусымъ, остроносымъ, худенькимъ солдатикомъ. Другіе отошли въ сторону, съ какимъ-то страхомъ.

— Тоже, повою-у-уй!—не унимался начальникъ.—Другихъ смущаешь... Я тебѣ, баранья голова!..

„Худенькій солдатъ хотѣлъ, видимо, загладить слова бородатаго; семеня по платформѣ жидкими ногами, проходя мимо коменданта, онъ говорилъ бородатому.

— Слова твои ни къ чему, Василій. Коли надо, и повоюемъ. Извѣстно, мы за Царя и за Русь... Живота не пожалѣемъ.

„Коменданту эти слова показались обидной насмѣшкой. У него появилось жгучее желаніе наказать тщедушнаго солдатика, избить его или посадить подъ арестъ. Но не къ чему было придраться. Стиснувъ зубы, онъ только крикнулъ со злобой:

— Ты у меня поговоришь, чертова морда, поговоришь“.

Комендатъ готовъ драться, такъ сказать, на два фронта: противъ войны—бить, за войну — тоже бить. Очевидно, мы на дорогѣ чрезвычайныхъ событій: кто-то скоро намъ авторитетно пояснитъ это загадочное „повою-у-уешь!“.

XV.

Докторъ докладываетъ коменданту, что Пилецкій просилъ оставить его на сборномъ пунктѣ.

— Такъ оставьте. Отправятъ въ госпиталь.

— Но вѣдь онъ здоровъ... Я положительно не понимаю, что за фантазія. Могъ-бы ѣхать домой. У него мать, жена, дѣти. Не понимаю... Дмитрій Николаевичъ!—крикнулъ онъ проходящему младшему врачу.—Выпишите съ поѣзда Пилецкаго.

„На платформѣ сновали солдаты, больные. Изъ вагона для умалишенныхъ выбѣжалъ больной въ длинной бѣлой рубахѣ. Онъ бѣжалъ по платформѣ и кричалъ:

— Спасайтесь, кто можетъ, врагъ близко,—спасайтесь.

„Въ глазахъ его невѣроятный ужасъ. На лицѣ страшная печать возмущеннаго больного духа. Пряди волосъ прилипли къ блѣдному, мокрому лбу. За нимъ бѣгаютъ два санитара, ловятъ его. Прочіе сторонятся со страхомъ. Его поймали, а онъ все еще кричитъ:

„Спасайтесь, братцы! Кто можетъ бѣгите“...

Это еще одна варіація на тему осетриной морды.

А вотъ другая.

Пилецкаго помѣстили въ комнатѣ рядомъ съ канцеляріею госпиталя. За стѣною слышны разговоры.

— Господамъ что! У нихъ все готовое. А вотъ нашъ братъ, коли силы своей рѣшился, такъ ужъ ему одно остается—помирать. Вотъ сегодня на сборномъ былъ солдатъ безъ рукъ, безъ ногъ, совсѣмъ никудышный. Не человѣкъ, а критикъ. Женѣ подарочекъ привезутъ. На молъ, жена, корми! Хе, Хе!.. А барамъ что!..

— Это ты врешь, Силычъ — опять возразилъ недовѣрчивый солдатъ.—Кому ни доведись, безъ рукъ, безъ ногъ, али безъ лица— совсѣмъ плохо...

„Пилецкій почувствовалъ, какъ будто въ груди у него потекла холодная вода. Слово, брошенное невзначай, подошло къ нему и грубо схватило его за самое больное мѣсто. Оно стояло передъ нимъ, такое простое и страшное, и нагло смѣялось прямо въ лицо!

— Огарокъ свѣчки, спички, окурокъ папиросы,—все, что угодно, только не человѣкъ. Огарокъ“...

Вотъ то слово, которое такъ долго искалъ авторъ.

Говорятъ, что если голову курицы пригнуть къ полу и провести отъ ея клюва углемъ или мѣломъ прямую линію, она, зачарованная какими-то гипнотическими и геометрическими чарами, долго будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, забывъ все окружающее, въ полномъ столбнякѣ, утративъ чутье реальной жизни и окружающей среды.

Такъ-же загипнотизированъ и творецъ „Огарка“. Онъ смотритъ на „осетриную морду“, какъ баранъ на воду. Не слышитъ онъ сердитыхъ окриковъ пастуха, забыто стадо и поле, остановился и застылъ мозгъ, неподвижность и истома сковали всѣ члены, въ головѣ нѣтъ ни сознанія, ни мысли, ни образа, — все въ туманѣ и только магическія чары быстрой перебѣжки воды у камней на отмели таинственно и властно приковываетъ мутный, неподвижный и безсмысленный взоръ.

Но здѣсь характерна одна подробность. Слыхали-ли вы, читатель, когда-нибудь и гдѣ-нибудь про „осетриную морду“? Я въ первый разъ слышу это отъ г. Кондурушкина. Но я не медикъ и мнѣ до извѣстной степени простительно невѣжество въ этой области, хотя, читая извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ была всякая

форма контузій и ранъ, думается, я долженъ былъ бы услышать что-нибудь объ этомъ чудовищномъ клиническомъ казусѣ.

Я обратился съ этимъ недоумѣніемъ и вопросомъ къ одному врачу, компетентность котораго внѣ сомнѣнія. Оказывается, что объ „осетриной мордѣ“ и онъ никогда ничего не слыхалъ, хотя хорошо знакомъ съ медицинскою литературою и, какъ лекторъ въ медицинской академіи, знаетъ всѣ послѣднія новости медицинской практики и терминологіи. Показалась ему сомнительной и клиническая картина болѣзни.

Здѣсь я—профанъ и настаивать на своемъ не буду. Но уже одна возможность этого предположенія наводитъ на серьезныя размышленія.

Черта на полу для курицы и перебѣжка воды для барана — реальныя явленія реальной жизни. А что если „осетриная морда“— только беллетристическій домыселъ автора? Что если это только его досужая мечта и такія явленія, какъ совершенно исключительныя, медициной не зарегистрированы и поэтому опредѣленнымъ терминомъ не отмѣчаются? И въ фактѣ, и въ названіи—характерность есть. Но это еще не доказательство правдивости автора. Такую характерную черту можно и *выдумать*.

И тогда получается нѣчто прямо ужасное и отвратительное. Значитъ, идейный писатель можетъ самъ себя загипнотизировать, создать въ своемъ воображеніи только мнимую линію на полу, только мнимую рябь у камней на отмели и погрузить себя въ трансъ, при которомъ прекращается дѣятельность головного мозга.

Вотъ логически-естественный и логически-необходимый путь идейныхъ писателей съ окраиннымъ строеніемъ нервныхъ узловъ, творчества и таланта, — въ головѣ, изъ которой послѣ трепанаціи черепа искусственно устранены полушарія головнаго мозга?

Вполнѣ понимаю и сердцемъ чувствую, что такой клиническій феноменъ гораздо страшнѣе осетриной морды и убѣжденъ, что г. Кондурушкинъ заслуживаетъ больше жалости, чѣмъ его герой, офицеръ Пилецкій.

Знаю, что г. Кондурушкинъ, какъ и всѣ современные идейные беллетристы, скажетъ мнѣ на это, что онъ идетъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

Но, боюсь, что это, какъ и прежде, меня не убѣдитъ и, насколько я имѣю право вѣрить своимъ глазамъ, буду думать, что это прямая дорога въ сумасшедшій домъ.

И по всѣмъ примѣтамъ можно думать, что г. Кондурушкинъ не побилъ рекорда идейности, что найдутся писатели идейнѣе его, придумаютъ факты еще болѣе уродливые и сорвутъ бурные аплодисменты трудовой группы въ Думѣ и „мыслящей Россіи“ въ надзвѣздномъ эѳирѣ.

Но, по логикѣ современной идейности, всякая осетриная морда только одна изъ подпорокъ текущей гражданской скорби.

Къ этой гражданской скорби мы теперь и переходимъ.

XVI.

Къ Пилецкому пришелъ докторъ.

„Пилецкій, съ помощью доктора, размоталъ съ головы повязку. Докторъ нащупалъ толстыми, мягкими пальцами лицо больного и сказалъ неопредѣленно:

— М-мда! Гдѣ это васъ такъ обезобразило?

„Пилецкій почувствовалъ въ словахъ доктора участіе. Послѣ пережитыхъ въ теченіе цѣлаго дня страданій, его потянуло говорить. Онъ разсказалъ доктору, какъ его ранило шимозой, какъ много было убитыхъ и раненыхъ, какъ ихъ везли... Выговоръ у него былъ похожъ на лай; онъ не могъ произносить губныхъ звуковъ. Чтобы яснѣе выговаривать нѣкоторыя слова, онъ иногда прикладывалъ снизу, вмѣсто челюсти, ладонь. Его маска отъ волненія часто наливалась кровью, отчего онъ становился страшнымъ. Докторъ сидѣлъ на табуретѣ и слушалъ.

— Пока человѣкъ сытъ и здоровъ,—говорилъ Пилецкій,—нѣтъ скота глупѣе и безжалостнѣе его... Мы познаемъ другихъ только чрезъ свои страданія. Вотъ я, когда лишился радости жизни, я понимаю теперь многое, чего раньше не понималъ. И не вѣрьте здоровымъ людямъ, когда они говорятъ: „Ахъ, война ужасна, не нужно войны!“ Это попугаи. Они повторяютъ слова, а чувства ихъ не глубоки, потому что они не знаютъ, что такое война. Если бы всѣмъ этимъ богоподобнымъ скотамъ выбить глаза, поломать руки и ноги, тогда только они поняли бы, что войны не нужно, что за одинъ взглядъ на Божій міръ, на дорогихъ, близкихъ можно отдать Манчжурію, Китай, всю Азію, всѣ царства міра... О-о-о! Эти тупые рабы, люди! Они не анимаютъ, не анимаютъ, — лаялъ Пилецкій и стучалъ кулакомъ по колѣнкѣ.

„Сначала доктору было трудно понимать офицера, но скоро онъ привыкъ къ его прыгающей рѣчи.

— Скажите, зачѣмъ люди воюютъ?—продолжалъ Пилецкій.—Въ особенности теперь? Когда воевали дикари, это было ужасно тоже, но понятно. Идетъ племя на племя: одно истребляетъ другое, беретъ его имущество, женщинъ. Ну, а теперь развѣ можетъ одинъ народъ истребить другой? Развѣ можемъ мы истребить японцевъ или они насъ? Конечно, нѣтъ. Не только одинъ народъ не можетъ истребить другой,—одна армія не можетъ истребить другую. На это

ни у кого не хватитъ средствъ. И вотъ, выходятъ тысячи сражаться, а десятки милліоновъ выходятъ смотрѣть, кто кого побьетъ. Наши побьютъ — мы побѣдители; нашихъ побьютъ—мы побѣждены. Не глупо ли? Развѣ не все равно тогда, если вмѣсто человѣческой войны будетъ бой быковъ, пѣтуховъ, лодочная гонка... Нашъ пѣтухъ побьетъ,—мы побѣдители, нашего пѣтуха побьютъ, мы, сто пятьдесятъ милліоновъ, побѣждены. Какъ вы полагаете, докторъ, вѣрно я го-о-рю?—спрашивалъ Пилецкій, подвигая къ нему красную, возбужденную маску.

— Пожалуй, вы правы...

— Еще лучше скажу!—воскликнулъ офицеръ.—Людей для войны каждое государство можетъ дать безъ счета, безъ конца,—но продолжать войну безъ конца не можетъ,—средствъ не хватитъ. Такъ не лучше ли воевать золотомъ? Кто больше можетъ выбросить въ море золота, тотъ и побѣдитель...

— Кричатъ: „убей его, онъ нашу честь затронулъ! Мы—великая нація!" И такъ кричатъ, главнымъ образомъ, тѣ, которымъ каждый день плюютъ въ лицо, которыхъ бьютъ на улицахъ, оскорбляютъ и унижаютъ отъ рожденія до могилы, унижаютъ такъ, что они уже не замѣчаютъ, въ какомъ рабствѣ и униженіи они живутъ... И вотъ, когда мы воевали, когда насъ разстрѣливали, увѣчили, — тамъ, въ Россіи, толпы рабовъ говорили разныя слова о чести!.. А мы всѣ, отъ послѣдняго солдата до генерала, презирали и проклинали этихъ людей, ихъ подлый даръ слова, умѣнье говорить и неумѣнье ихъ понимать... Мы проклинали, проклинали!

„Пилецкій вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ. Докторъ видѣлъ то его красивый затылокъ и его стройную спину, то ужасную маску. Онъ былъ возбужденъ. Очевидно, громадный новый міръ, который ему открыло страданіе, давилъ его. Но у него не было для выраженія его словъ. За стѣною слышался вѣтеръ. У самаго стекла за окномъ качалась вѣтка, освѣщенная изъ комнаты свѣтомъ лампы. По прихотливому сочетанію свѣта и тѣни, вѣтка эта походила на человѣческій черепъ, который улыбался въ темнотѣ, качался, точно говорилъ: такъ, такъ...

— Лучше всѣхъ, — воскликнулъ Пилецкій, останавливаясь посрединѣ комнаты,—жалостливѣе всѣхъ была для насъ смерть. Анимаете, смерть. Да вотъ меня обошла. Но она ридетъ, я знаю...

„Пилецкій остановился и прислушался. Вѣтка царапала по стеклу и черепъ зловѣще улыбался во мракѣ, говоря: такъ, такъ.

„Доктору стало жутко. По головѣ и спинѣ у него проходилъ холодъ.

— Послушайте, вы легли бы... Вы утомились, — сказалъ докторъ.—А я пойду...

— Ожалуйста, докторъ, не уходите, ожалуйста... Я хочу вамъ сказать.

„Докторъ остановился, а Пилецкій, ходя по комнатѣ и размахивая руками, говорилъ:

— Какъ извратились у людей всѣ понятія. Искалѣчатъ, обезобразятъ десятки тысячъ человѣкъ, а потомъ ихъ лѣчатъ. И говорятъ, что дѣлаютъ благодѣяніе. Неправда, чортъ возьми, ложь это, дьяволы.. Вонъ человѣка везли въ вагонѣ безъ рукъ, безъ ногъ. Благодѣяніе ему сдѣлали, да? Можетъ быть, и меня тоже облагодѣтельствовали?

„Пилецкій засмѣялся или заплакалъ—неизвѣстно. Только плечи его запрыгали и по маскѣ его пошли судороги".

XVII.

Это центральная сцена въ романѣ. Она посвящена гражданской скорби. Но гражданская скорбь только въ соединеніи съ осетриною мордою даетъ идейность.

Идейность, если не по теоріи, то по практикѣ идейныхъ беллетристовъ, состоитъ въ соединеніи случайныхъ, исключительныхъ,— возможныхъ или невозможныхъ,—случаевъ съ гражданскою скорбью или, примѣнительно къ новѣйшей терминологіи, съ заповѣдями пролетарской морали.

Теперь вникнемъ въ суть искомаго и получаемаго эффекта.

Пилецкій говорилъ противъ войны. Это аттестатъ зрѣлости на полученіе званія кадета или трудовика. Всегда нѣчто очень возвышенное и прогрессивное.

Противъ войны можно сказать многое—дѣльно и толково. И говорили. Но повторить эти умныя рѣчи Пилецкій не могъ. Все, что онъ сказалъ, было чудовищно глупо. Иначе говорить онъ и не могъ. Таково его положеніе, такова та трибуна, на которую его поставилъ авторъ. Г. Кондурушкину хочется, чтобы его герой казался умнымъ. Но своей цѣли онъ не достигаетъ: для этого нѣтъ пороху въ его собственной пороховницѣ. Да тутъ собственно Пилецкаго и нѣтъ. Человѣкъ, постигнутый такимъ безпримѣрно-тяжелымъ испытаніемъ судьбы, не станетъ изливаться въ младенчески-дикой фельетонной болтовнѣ ничему не учившагося, ничего не понимающаго и никогда не разсуждавшаго идейнаго борзописца. Это умъ и слово г. Кондурушкина, потому что страданіе при ясномъ сознаніи и здоровой памяти несовмѣстимо съ болтливостью и первобытнымъ нигилизмомъ ради краснаго словца.

Но не ошибаюсь-ли я? Дѣйствительно-ли глупо, что говорилъ

Пилецкій? И дѣйствительно-ли устами Пилецкаго говорилъ г. Кондурушкинъ?

Если это не очевидно съ перваго взгляда и нужны доказательства, доказать это не трудно.

Начнемъ съ первыхъ словъ его изліяній передъ докторомъ.

Сытый и здоровый человѣкъ самый тупой и безжалостный скотъ.

Это первая посылка. Но тутъ силлогизму и конецъ. Съ этого пункта дальше нѣтъ никакой другой дороги. Значитъ, не скотъ только больной и голодный человѣкъ. Г. Пилецкій сытъ и здоровъ. Его только обезобразила шимоза. Но достаточное-ли это основаніе для него, чтобы поставить такой нелѣпый и безтолковый тезисъ? Если-бы въ этихъ словахъ былъ бредъ больного, мы не стали-бы искать въ немъ логики. Но это умъ г. Кондурушкина. Онъ писатель. Его печатаетъ „Русское Богатство“. Значитъ позволительно требовать, чтобы слова имѣли какой-нибудь опредѣленный смыслъ.

Надо быть больнымъ, чтобы не быть скотомъ, и „богоподобнымъ (!) скотамъ“ надо переломать руки и ноги и выколоть глаза, чтобы доказать имъ ненужность борьбы. Если для обоснованія такой простой истины нужны такія героическія средства, самая истина становится сомнительною. Если для права сужденія о войнѣ всѣмъ и каждому надо заполучить осетриную морду, то развѣ и г. Кондурушкинъ имѣетъ право голоса?

Впрочемъ, къ такой логикѣ по нынѣшнимъ временамъ не привыкать стать. Герои освободительнаго движенія безпощадны и свирѣпы. Ломать руки, выкалывать глаза, вырѣзывать сатраповъ, выжигать собственниковъ, грабить банки и ссудосберегательныя кассы— обычные и единственные доводы и аргументы въ ихъ полемикѣ и въ ихъ догматикѣ.

Но убѣдительность и общеобязательность такихъ доказательствъ болѣе, чѣмъ сомнительна: эта логика больше всего боится взаимности. Какъ только противъ нея пускаютъ тѣ-же самыя доказательства, она поджимаетъ хвостъ, въ паническомъ страхѣ бѣжитъ подъ подворотню и визжитъ о законности, справедливости, нравственности и наукѣ.

„Богоподобные скоты“ безжалостны. А г. Пилецкій жалостливъ, когда такъ настойчиво совѣтуетъ выкалывать имъ глаза и ломать руки? А жалостливъ г. Пилецкій къ своей женѣ, которую подозрѣваетъ въ способности обниматься и цѣловаться съ своимъ любовникомъ въ его присутствіи? Излишняя подозрительность въ этомъ направленіи хранится обыкновенно въ секретѣ и, если она слишкомъ поспѣшно домогается гласности, свидѣтельствуетъ не о мягкомъ, снисходительномъ и добромъ характерѣ.

Мѣркой его міровоззрѣнія является то мѣсто его проповѣди и исповѣди, гдѣ онъ говоритъ, что „за одинъ взглядъ на міръ Божій, на дорогихъ близкихъ можно отдать всё... царства міра“. Ну, на такіе взгляды споконъ вѣковъ установился опредѣленный взглядъ. Не всѣмъ-же, конечно, быть героями, но отрицать геройство и проповѣдывать необходимость сохранять зрѣніе во что-бы то ни стало, давно извѣстная черта характера.

— Они „не анимаютъ“,—лаялъ Пилецкій, стуча кулакомъ по колѣнкѣ.

Почему онъ такъ думаетъ? Понимаютъ, хорошо понимаютъ, очень, очень жалѣютъ инвалидовъ войны, но только въ душѣ дѣлаютъ нѣкоторое различіе между тѣмъ, кто съ достоинствомъ и благородствомъ несетъ свои великія страданія, и тѣмъ, кто въ порывѣ гнѣвной злобы хочетъ увѣчить и калѣчить всѣхъ богоподобныхъ скотовъ, которые не раздѣляютъ его мнѣнія.

Каковъ темпераментъ-то у г. Кондурушкина!

Въ своихъ филиппикахъ противъ войны г. Пилецкій повторяетъ анекдоты и общія мѣста временъ царя Гороха. Про пѣтушиный бой, про лодочную гонку, про бочку, въ которую воюющія стороны бросаютъ золото, знали и слышали наши бабушки и дѣдушки. И тутъ, кажется, что г. Кондурушкинъ клевещетъ на своего героя. Правда, въ его разсказѣ, помимо его воли, сквозитъ та истина, что Пилецкій маленькій и даже, если хотите, дрянненькій человѣкъ, который свой мелкій личный эгоизмъ ставитъ выше всего на свѣтѣ. Но его несчастіе само по себѣ слишкомъ велико и ужасно, чтобы допустить для него возможность съ искусственнымъ пафосомъ и неумѣстнымъ трагизмомъ повторять старые анекдоты. Вѣрнѣе всего, что тутъ самъ г. Кондурушкинъ хотѣлъ блеснуть своею пестрою эрудиціею.

XVIII.

Перечитайте то, что изувѣченный страдалецъ говоритъ про „честь“, и сопоставьте это съ тѣмъ, что говорилъ Фальстафъ, бѣжавшій съ поля чести.

„Зачѣмъ мнѣ самому лѣзть впередъ,—говорилъ разсудительный сэръ Джонъ,—когда ко мнѣ никто еще не пристаетъ? Впрочемъ, что-же мнѣ дѣлать, когда впередъ меня толкаетъ чувство чести? Прекрасно. А что какъ это самое чувство чести вдругъ меня да на тотъ свѣтъ толкнетъ, если я стану высовываться впередъ? Что тогда? Придѣлаетъ мнѣ честь новую ногу? Нѣтъ. А руку? Нѣтъ. А боль въ ранѣ уйметъ? Нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что честь не очень сильна въ хирургіи. Да, не сильна. Что-же такое честь?

Слово. А что такое это самое слово „честь"? Паръ. Какая-же отъ него польза?.. Имѣетъ-ли ее кто-нибудь? Да,—тотъ, говорятъ, кто умеръ съ честью. Чувствуетъ-ли онъ ее? Нѣтъ. Слышитъ? Нѣтъ. Видитъ? Нѣтъ. Чувствовать ее—значитъ быть мертвымъ. А развѣ она не можетъ ужиться между живыми? Не можетъ. Почему? Злословіе не допускаетъ"...

У Шекспира—это великолѣпно. Сэръ Джонъ Фальстафъ подробно, всесторонне, систематически, съ рѣдкою убѣдительностью и находчивостью разсмотрѣлъ вопросъ о чести и, убѣдившись, что его логика неотразима, мужественно и доблестно бѣжалъ съ поля чести.

И по своему онъ былъ совершенно правъ. Таковъ уже былъ у него характеръ.

— Не въ моемъ характерѣ,—откровенно говорилъ онъ,—пробавляться хлѣбомъ и сыромъ,—и въ этомъ весь мой характеръ.

Но несомнѣнно, что при такомъ характерѣ лучше всего не ходить на войну.

Зачѣмъ-же г. Пилецкій при такомъ характерѣ пошелъ на войну и даже тамъ щеголялъ своею храбростью? Лучше-бы ему передъ отъѣздомъ на военную службу снять офицерскій мундиръ и отказаться отъ военной службы, чѣмъ издалека „проклинать" „этихъ людей, ихъ подлый даръ слова, умѣнье говорить слова и неумѣнье ихъ понимать".

То-же сказалъ-бы и Фальстафъ, если-бы онъ зналъ, что „этотъ" Шекспиръ перескажетъ его блистательную, почти аладьинскую рѣчь вдали отъ поля сраженія. Но при этомъ сравненіи Фальстафъ съ его добродушнымъ и откровенно-подлымъ цинизмомъ, съ его кабацкой безшабашностью много симпатичнѣе Пилецкаго. Онъ не измѣнилъ себѣ и своему характеру: бѣжалъ съ поля чести, потому что не понималъ и не имѣлъ чести.

Зачѣмъ такимъ гороховымъ шутомъ представляетъ г. Кондурушкинъ своего героя?

Столько-же логики и здраваго смысла въ дикой и высокопарной декламаціи „героя" по поводу правительственнаго „благодѣянія", во имя котораго въ дѣйствующей арміи военные доктора лѣчатъ больныхъ и раненыхъ. Это не „благодѣяніе", это самодержавно-бюрократическое правительство — разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,—не въ примѣръ прочимъ цивилизованнымъ державамъ—тираннически навязываетъ докторовъ тѣмъ раненымъ, которые, кое-какъ поправившись, кричатъ: „не правда, чортъ возьми, ложь это, дьяволы".

Сумбуръ въ головѣ Пилецкаго, повидимому, овладѣлъ его мозгомъ еще задолго до войны и проявился во всемъ его нестроеніи только передъ внимательнымъ и ласковымъ докторомъ, котораго

онъ хотѣлъ потрясти краснорѣчіемъ à la Родичевъ и Набоковъ съ примѣсью крѣпкихъ словечекъ изъ словаря думскихъ горцевъ и джигитовъ.

Новый терминъ „благодѣянія" говоритъ о какомъ-то совершенно пролетарскомъ слабоуміи: правительство все должно дѣлать и сдѣлать, даже высморкаться за лѣниваго сопляка.

XIX.

Впрочемъ, это вполнѣ нормальное и даже заурядное явленіе.

Идейность выше этого уровня никогда не поднимается. Она всегда стоитъ на этихъ градусахъ не прирожденной, но благопріобрѣтенной глупости, которая въ пышномъ уборѣ послѣднихъ словъ науки несетъ явную чепуху и несомнѣнной подлости даетъ внѣшнія черты героизма.

Трудно простымъ и яснымъ языкомъ говорить про тѣ пошлости, которыя вложены въ уста Пилецкаго авторомъ. Осетряная морда на каждаго по человѣчеству производитъ такое тяжелое и потрясающее впечатлѣніе, что языкъ не поворачивается говорить о темныхъ и грязныхъ сторонахъ приписаннаго ему характера. Такъ теперешнимъ безногимъ, которыхъ такъ много появилось на улицахъ Петербурга, хочется поскорѣе бросить милостыню и уйти, чтобы не видѣть страданій уродства. Что тутъ говорить о мелочахъ, когда страшное и великое горе такъ очевидно и краснорѣчиво?

Но г. Кондурушкинъ *требуетъ* милостыни, какъ, подражая кадетамъ, дѣлаютъ это теперь петербургскіе нищіе и притомъ въ такомъ размѣрѣ, который превышаетъ сумму нашей контрибуціи японцевъ и расходовъ на войну въ совокупности. Придется объявить себя банкротомъ, если подашь эту милостыню.

Пилецкій такъ несчастенъ, что стыдно и жалко выводить его на чистую воду, указывать на крупные недочеты въ его логикѣ и въ его характерѣ. Но его глупость и пошлость такъ очевидны и оскорбительны, что его нелѣпыя и безчестныя рѣчи нельзя оставить безъ отвѣта. На эти темы хотѣлось бы говорить съ другимъ противникомъ, менѣе несчастнымъ и беззащитнымъ.

И это вполнѣ возможно. Можно и слѣдуетъ говорить съ авторомъ разсказа, г. С. Кондурушкинымъ, который выдумалъ и сочинилъ Пилецкаго, вложилъ въ шамкающую дырку, замѣняющую раненому ротъ, свои думы и рѣчи и дѣлаетъ experimentum in amima vili, держа, вмѣсто щита передъ собою страшную маску измышленнаго офицера, будто бы поднимающаго стяги подлости и глупости.

Само собою разумѣется, что все, что сказано про Пилецкаго, падаетъ собственно на г. Кондурушкина и на редакцію журнала „Русское Богатство“, напечатавшую этотъ разсказъ. Пилецкій ни въ чемъ не повиненъ. А г. Кондурушкинъ тутъ вовсе не безпристрастный бытописатель, а тяжущаяся сторона, т. е. главный подстрекатель и провокаторъ погрома правительства и здраваго смысла.

И этому имѣются доказательства.

Страданіе открыло Пилецкому „громадный новый міръ“, но только у него „для выраженія его (?) не было словъ“. Громаденъ ли этотъ міръ, или не громаденъ, вопросъ спорный. Но что онъ не новъ, это ясно каждому: этотъ новый міръ открылъ еще Фальстафъ у Шекспира и имѣлъ своихъ предшественниковъ споконъ вѣковъ.

Кромѣ того, авторъ и самъ выступаетъ въ роли одного изъ дѣйствующихъ лицъ или, точнѣе, одной изъ дѣйствующихъ вещей въ своемъ собственномъ разсказѣ. Тамъ онъ скрылся подъ псевдонимомъ вѣтки, похожей на человѣческій черепъ, которая, качаясь изъ стороны въ сторону, на каждое слово Пилецкаго, говорила: такъ, такъ...

— Такъ, такъ,—подсказываетъ и самъ г. Кондурушкинъ, похваливая свои „громадные и новые идеалы“, которые у обыкновеннаго „сытаго и здороваго“ человѣка безъ осетриной морды въ просторѣчіи называются подлостью и глупостью.

XX.

Теперь, если намъ удалось установить два факта, имѣющіе значеніе для нашего анализа,—т. е. 1) то, что г. Пилецкій поретъ идейную дичь и 2) что его шамкающими деснами и снизу не прикрытымъ языкомъ говоритъ собственно самъ г. Кондурушкинъ,—мы можемъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, пока еще не окончательныхъ.

Надо понять технику и структуру такъ называемой „идейной“ беллетристики.

Разъ осетриная морда, какъ медицинскій казусъ, возможна, то она возможна не только отъ шимозы на театрѣ военныхъ дѣйствій. Она, напримѣръ, вполнѣ возможна и въ Выборгѣ, и въ Теріокахъ. Случись это съ какимъ-либо Пилецкимъ на финляндской территоріи, страданія и уродство потерпѣвшаго отнюдь не стали бы меньше. Все, что основано на клинической почвѣ безличія паціента, сохраняло бы все свое значеніе. Но можно держать какое угодно пари, что въ такомъ случаѣ г. Кондурушкинъ ни въ какомъ случаѣ не написалъ-бы своей повѣсти. Положимъ, онъ пострадалъ бы отъ бомбы, брошенной по постановленію мѣстнаго совѣта рабочихъ депутатовъ.

И вся бы соль разсказала пропала. Пострадалъ, но пострадалъ ни въ чью, безъ всякой выгоды и профита. Даже въ томъ случаѣ, если бы бомба была брошена по ошибкѣ и не туда, куда слѣдуетъ, къ примѣру, по близорукости и подслѣповатости очередного бомбометателя,—пиши пропало: сценическаго эффекта нѣтъ, нѣтъ ни міровой, ни гражданской скорби. Ну, ошиблись! Экая важность! Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Быль молодцу не въ укоръ.

На пострадавшаго по дѣлу освободительнаго движенія и жена не посмѣетъ посмотрѣть косо и не поставитъ рога мученику за идею. Онъ будетъ героемъ, который никогда не поставитъ вопроса, сколько золота нужно всыпать въ бочку революціонерамъ, чтобы они сочли себя мнимо-побѣжденными и разрѣшили такимъ образомъ затянувшуюся тяжбу.

Пилецкій пострадалъ на войнѣ. Въ этомъ весь шикъ! Это единственный козырь въ игрѣ г. Кондурушкина. При такой ласкѣ фортуны, авторъ тотчасъ же осѣдлалъ Пегаса и полетѣлъ въ „Русское Богатство“, гостепріимное ко всякой „идейности“ въ стихахъ и прозѣ. А идейность именно въ томъ и состоитъ, чтобы всякая осетриная морда была выдумана въ пику правительства, хотя бы для этого пришлось въ дребезги разбить черепъ составителя и взболтать его мозги въ самыхъ нижнихъ пластахъ „сознательности“ на босяцкомъ днѣ.

Тутъ всѣ пути ведутъ въ Римъ. Всѣ средства хороши, если ведутъ къ цѣли. Если талантъ, опытъ, творчество, знаніе мѣшаютъ идейности и тенденціозности произведенія,—наплевать, вали и въ хвостъ, и въ гриву, наша взяла, хоть и рыло въ крови.

Человѣку, который стоитъ вдали отъ пролетарской морали и чуждъ идейности, эта новая, уже не эразмовская „Похвала глупости“, а порой и подлости, иногда кажется, что это добрый признакъ. Договорились, какъ кадеты въ Выборгѣ. Теперь всѣ видятъ и знаютъ. Мѣста для сомнѣній и споровъ нѣтъ. Тщедушный и слабосильный мозглякъ сбросилъ съ кривыхъ плечъ неподобающую ему мантію героя. Раковина раскрылась и улитка показала свои рога. Это улитка. А мы-то думали, что это носорогъ или мамонтъ. Но опасно и подозрительно то, что эта шуллерская игра въ идейность идетъ на глазахъ общества уже съ десятокъ лѣтъ, а систему вольтовъ и передержекъ все еще знаютъ и понимаютъ плохо.

XXI.

Но—пойдемъ къ концу.

Если осетриная морда сама по себѣ безъ гражданской скорби еще не создаетъ идейности, то и гражданская скорбь сама по себѣ безъ осетриной морды не приводитъ къ цѣли. Гражданская скорбь или, что нынѣ тоже, мораль пролетаріата, опирается не на широкіе пласты населенія, не на характерныя и типическія черты народной жизни, не на историческія и бытовыя особенности русскаго населенія, а на мечты и грезы ничтожнаго меньшинства населенія, на объединенныя силы окраинъ, на экстрактъ изъ общеинородческой пестроты, на тѣни и призраки отвлеченности и мечтательности.

Вотъ почему только исключительные, маловѣроятные и почти неправдоподобные случаи по логической необходимости властно привлекаютъ къ себѣ блуждающее и кочующее воображеніе идейныхъ цыганъ и номадовъ, которые ищутъ новой правды, переходя отъ шатра къ шатру, отъ костра къ костру и собираютъ пестрыя сказки первобытныхъ племенъ и народовъ.

Тутъ надо немного выгородить и Кондурушкина. То, что онъ пишетъ и говоритъ, нелѣпо. Но это глупость не личная, а партійная, глупость всей и всякой идейности, т.-е., говоря блѣднымъ и отвлеченнымъ языкомъ нашего времени, глупость духа вѣка. Изъ вонючихъ болотъ Аида давно поднимались и теперь поднялись во весь ростъ мрачныя, злобныя и изступленныя тѣни фурій и гарпій и клубами липкаго и смраднаго тумана поднимались къ вершинамъ Парнаса. Аполлонъ съ музами не перенесъ подземнаго и подпольнаго смрада—и бѣжалъ съ Парнаса на Олимпъ.

Мѣсто боговъ и богинь заняли демоны ярости и отчаянія, мучительства и мученій, злобы и тоски—съ береговъ Коцита и Ахерона, Стикса и Леты. Къ нимъ никогда не приходила Аѳина Паллада, съ ними въ тѣни оливъ не шептались ласковыя музы, на ихъ пирахъ не водили хороводовъ изящныя хариты, и имъ не у кого было учиться, имъ негдѣ было созерцать красоту. Но на Парнассѣ нельзя сидѣть безъ красоты и искусства. И маленькіе гномы состряпали свой уставъ новой правды и новой красоты. Это была, конечно, бездарная пародія на свѣтлый и благородный, чистый и строгій законъ божественнаго художника-стрѣловержца. Темное и уродливое безобразіе они называли красотою, глупость бездны—свѣтомъ неба, низкія и подлыя страсти—верхомъ мудрости, людей ничтожныхъ и темныхъ—героями освободительнаго движенія.

Что-же онъ медлитъ, свѣтлый и ясный богъ стрѣловержецъ? Не онъ-ли въ первобытныхъ болотахъ послѣ хаоса поразилъ божественною стрѣлою клубящагося Пиѳона, который изрыгалъ изъ своей дымящейся пасти сѣрный смрадъ глубокаго Аида? Не онъ-ли, въ справедливомъ гнѣвѣ оскорбленнаго чувства божественнаго художника, повелѣлъ содрать съ живого Марсіаса кожу, когда этотъ безобразникъ, кадетъ и трудовикъ изъ эллинскаго пролетаріата, осмѣлился вызвать на состязаніе бога красоты и пѣсенъ и съ думской трибуны, гнусаво и визгливо, спѣлъ пѣсню улицы и черни?

Но дремлютъ великіе боги на державномъ Олимпѣ. Копятъ-ли они гнѣвъ въ своемъ великомъ сердцѣ или ждутъ рѣшенія Мойры?

А тѣмъ временемъ на Парнасѣ хозяйничаютъ карлики и гномы. Скажите г. Кондурушкину, что его мысль лжива и безумна, что она, какъ черножелтая змѣя, вьется среди корней болотной поросли, проповѣдуетъ низость и подлость, преступленіе и порокъ,—и онъ не устыдится.

— Я, какъ и всѣ, — скажетъ онъ на заслуженные упреки.— Олимпъ спитъ. Олимпа, можетъ быть, уже и нѣтъ. Можетъ быть, его никогда и не будетъ. Мы завладѣли Парнасомъ. Намъ не нужно боговъ. Мы голосъ страны и воля народа. Наша воля—законъ. Смерть тому, кто наше безобразіе не назоветъ красотою, нашу глупость — послѣднимъ словомъ науки, нашу ложь — новою правдою! Ломайте ему руки и ноги, выколите ему глаза, отшибите у него подбородокъ, сдѣлайте ему осетриную морду! Я, какъ всѣ.

XXII.

„Докторъ пошелъ было изъ помѣщенія. Пилецкій бросился къ нему.

— Докторъ, вы, ожалуйста, ридите! Ожалуйста... мнѣ нужно.

„Онъ ловилъ въ воздухѣ руками, размахивалъ ими передъ своей маской. Его безобразное лицо передергивалось отъ внутренняго волненія; съ махающими руками онъ походилъ на что-то невыразимо-страшное.

— Ахъ, Боже мой! Кто это такой?..—вскрикнула сестра.

„Пилецкій опустилъ руки и остановился неподвижно, точно на него напалъ столбнякъ. Съ сестрой сдѣлалась отъ испуга истерика. Она стояла и всхлипывала въ углу. Докторъ принесъ ей стаканъ воды и говорилъ ей:

— Ну, что это... Какъ не стыдно! Выпейте, успокойтесь.

„Пилецкій съ какимъ-то рычаніемъ повалился на кровать.

„Докторъ отсутствовалъ минутъ двадцать. Пилецкій лежалъ на кровати, а сестра сидѣла въ углу, боясь нарушить минутное спокойствіе. Ей было стыдно за свой испугъ и жалко больного, которому она причинила страданіе.

— Вѣроятно, у него есть мать, жена, дѣти,—думала сестра. По впечатлѣнію, которое онъ производитъ на другихъ, онъ мѣряетъ (?) впечатлѣніе, которое онъ произведетъ на близкихъ. Бѣдный, бѣдный, несчастный... Уйти-бы, но онъ подумаетъ, что я боюсь. Сказать что-нибудь, утѣшить... Но слова не идутъ съ языка Чѣмъ тутъ можно утѣшить? А сидѣть такъ дольше тоже неловко".

Пришелъ докторъ. Сестра ушла.

„Пилецкій немного полежалъ, точно раздумывалъ о чемъ, потомъ шопотомъ заговорилъ:

— Докторъ, дайте мнѣ яду. Я не сталъ-бы васъ затруднять, да сами посудите, какъ я могу умереть. Оружія у меня нѣтъ, головой объ стѣну—не умрешь, а только наживешь новое уродство.

— Вы съ ума сошли... Что вы говорите?—тоже зашепталъ докторъ.—Это невозможно.

— Очему невозможно? Очему?

— Вы хотите, чтобы я былъ убійцей?

— Ахъ, вы!.. Вы о себѣ... Почему-же можно убивать тысячи десятки тысячъ людей, которые не хотятъ умирать, а одного, который хочетъ, нельзя убить?"

Докторъ ушелъ. Пришла сестра.

„Пилецкій поймалъ руку сестры и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Принесите мнѣ яду, сестра, ради всего святого... Никто не узнаетъ... Пожалѣйте меня... Неужели меня никто не пожалѣетъ?

— Зачѣмъ яду?—спросила сестра со страхомъ.

— Скажите: если-бы вы были моей женой, могли-бы вы цѣловать меня вотъ сюда?..

„Онъ ткнулъ пальцемъ въ свою маску.

— Могли-бы вы ухаживать за мной, отказаться отъ жизни, отъ любви? Скажите...

„Больной потянулъ ее къ себѣ, нагнулся къ ея рукѣ, чтобы поцѣловать. Рука сестры дрогнула въ его широкой ладони. Больной выпустилъ ее и замолчалъ.

„Пришелъ докторъ и принесъ въ стаканѣ бурой жидкости.

— Пейте это...

„Пилецкій подумалъ немного, неохотно взялъ лѣкарство и выплеснулъ его на полъ.

— Трусы вы, трусы себялюбивые! Оставьте меня, уйдите!

XXIII.

Да, рецептъ, которымъ пользуются паціенты идейности, повидимому, указанъ нами вѣрно. „Подбирается все презираемое, ужасающее, ненавидимое. Изъ каждой беллетристической щели лѣзетъ что-то уродливое, гадкое, отвратительное, цинически-нелѣпое и безсмысленно подлое".

Зачѣмъ снова и снова сгущать тяжелые запахи больничной атмосферы, гніеніе тѣла и духа? Зачѣмъ участіемъ сестры и доктора подчеркивать патологическую картину исключительнаго случая рѣдкой болѣзни?

Цѣль есть и цѣль ясна. Если-бы пустяки и вздоръ говорилъ не Пилецкій, а человѣкъ съ глазами и челюстью, его легкомысліе, его несообразительность и безтолковость, поверхностность и болтливость, его позерство и фразистость—остановили-бы вниманіе читателя и онъ увидѣлъ-бы, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ пустымъ и ничтожнымъ. Но онъ такъ жалокъ физически, возбуждаетъ такую брезгливость и инстинктивный ужасъ, что измученные нервы присутствующихъ не даютъ имъ возможности по достоинству оцѣнить злыя и глупыя рѣчи больного, придаютъ имъ внѣшніе признаки правдивости и искренности и незамѣтно сквозь патологическія щели протаскиваютъ низменную и нечистоплотную идеологію автора разсказа, г. Кондурушкина, туда, куда-бы ей не проникнуть въ атмосферѣ „сытыхъ и здоровыхъ людей" при дневномъ свѣтѣ.

Это одинъ изъ видовъ тенденціознаго шуллерства, тонкій ходъ своеобразной дипломатіи, безстыдная и преступная игра на чужихъ нервахъ. Это продѣлки шарлатана-гипнотизера, который старается отвлечь вниманіе отъ главнаго, пустить въ глаза пыль пустяками и подъ шумокъ передернуть карты. Тенденціозность утрачиваетъ всѣ признаки увлеченія и вѣры и становится позорнымъ ремесломъ профессіональнаго фальсификатора и мистификатора.

То, что выигрывается на впечатлѣніи отъ осетриной морды,—какъ аргументъ, какъ доказательство и какъ вексель, учитывается на другой биржѣ, на биржѣ гражданской скорби и пролетарской морали.

Идейная беллетристика вводитъ въ свою практику мошенническіе пріемы и, за отсутствіемъ здороваго и сильнаго творчества, пользуется пріемами престидижитатора.

XXIV.

Драма идетъ къ развязкѣ. Есть опредѣленный актъ, опредѣленное рѣшеніе.

Больной приходитъ къ мысли о самоубійствѣ. Выходъ понятный и до нѣкоторой степени естественный, хотя онъ ярко свидѣтельствуетъ о новой бездарности г. Кондурушкина. Это значитъ не развязать, а разрубить гордіевъ узелъ. По-македонски, т.-е. тиранически, грубо и глупо. Вопросъ оставленъ безъ отвѣта. Проблема такъ и останется проблемою. Нервы трепались безъ цѣли и смысла. Автору не расхлебать заваренную имъ идейную кашку.

Съ осетриной мордой можно *жить*, не теряя человѣческаго достоинства, чести и совѣсти. Такая задача трудна, и очень трудна, но если ее ставить, то надо и рѣшать. Смѣшно въ серьезный моментъ трусливымъ зайцемъ убѣгать въ кусты. Авторъ спасовалъ, поднявъ игру высоко. Онъ не писатель, не беллетристъ и не мыслитель. Онъ ниже того литературнаго уровня, на которомъ стоятъ второстепенные и третьестепенные поденщики при художественной литературѣ.

Но съ фактомъ надо примириться. Безсиліе—своего рода самозащита. Не будемъ требовать помощи и поддержки у босяка и пролетарія.

Все таки видимость рѣшенія задачи—есть. Смерть, такъ смерть. Но и смерть надо встрѣчать серьезно и съ достоинствомъ. Автора и на это не хватило. Пилецкій такъ-же безобразенъ духовно, какъ и физически. Это бездушный, жалкій и холодный эгоистъ, для котораго маленькое „я“ стоитъ выше всего на свѣтѣ. Онъ носится съ своимъ страданіемъ, чтобы мучить и терзать добрыхъ и внимательныхъ къ нему людей.

Это идейный самодуръ, Китъ Китычъ, который, учитывая чужую жалость и симпатію, нагло спрашиваетъ чужихъ людей, чего моя нога проситъ. Его скотоподобная жестокость не знаетъ ни мѣры, ни границы. Докторъ ни хочетъ взять на себя роль убійцы.

— Вы о себѣ... цинично бросаетъ ему упрекъ эгоистъ, который увѣренъ, что всѣ люди должны думать о немъ и только о немъ.

Въ Римѣ были суровые нравы, но Брутъ на поляхъ Филиппи среди лучшихъ друзей долго искалъ такого, который подержалъ бы для него мечъ. Если уже пошло на логику языческой чести, надо помнить, что къ чужимъ людямъ за такими дружескими услугами никогда не обращаются.

Деревянное и дрянное сердце дикаря, лишенное деликатности и такта,—вотъ это дѣйствительно нѣчто скотоподобное.

А если прибавить къ этому оттѣнокъ позерства и фразы, который несомнѣнно есть въ репликахъ Пилецкаго, надо будетъ признаться, что отсутствіе чести и совѣсти есть необходимый признакъ русской интеллигенціи, которая гордится своею черствою безсердечностью и самымъ непроницаемымъ эгоизмомъ.

А этотъ вызовъ, брошенный сестрѣ, поцѣловать его? Это—поцѣлуй или яду? Что за гнусное издѣвательство надъ человѣкомъ, который, какъ знаетъ самъ провокаторъ, только изъ человѣческой жалости не отвѣтитъ, какъ слѣдовало-бы, на его ломанье и кривлянье!

Это несомнѣнный признакъ времени! Текущая идейность въ богахъ хочетъ видѣть скотовъ, а въ скотахъ боговъ. Вотъ до чего дошла переоцѣнка всѣхъ цѣнностей въ рукахъ интеллигентныхъ дикарей и пошло-„мыслящей Россіи“!

XXV.

Разсказъ г. Кондурушкина—это галлерея какихъ-то пошляковъ и дураковъ.

Злой, эгоистичный и безсердечный Пилецкій производитъ на доктора и на сестру милосердія огромное впечатлѣніе. Они видятъ въ немъ какую-то новую нравственную силу и преклоняются предъ нею. Пилецкій—глупъ, а они оказались глупѣе его.

Опять на очередь становится старый и соблазнительный вопросъ, который, какъ гробовой червь, точилъ полумертвые мозги интеллигенціи—много лѣтъ, съ нелегкой руки Достоевскаго. Раскольниковъ и убитая имъ старуха разбудили звѣрскіе инстинкты „мыслящей Россіи“.

Убить или не убивать?

„Когда докторъ возвратился въ свою дежурную комнату, то долго ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ о томъ, имѣетъ-ли докторъ право дать яду тому, кто хочетъ умереть. Мысль эта вертѣлась въ его головѣ мучительно, безрезультатно, точно собака, которая ловитъ свой хвостъ. Онъ не пришелъ ни какому заключенію, легъ на койку и забылся“.

О, если-бъ авторъ понималъ, что онъ говоритъ и пишетъ? Что за остолопъ этотъ докторъ, если этотъ вопросъ у него не рѣшенъ разъ навсегда, если за все время его медицинской практики онъ первый разъ останавливается передъ его сознаніемъ и его совѣсть молчитъ, когда онъ спрашиваетъ у нея отвѣта? О чемъ-же, о какихъ пустякахъ думалъ этотъ легкомысленный человѣкъ, если онъ не подумалъ объ этомъ великомъ дѣлѣ жизни,

*

„не пришелъ ни къ какому рѣшенію“, свернулся калачикомъ и захрапѣлъ? Вотъ образчикъ общеинородческой морали, пустяковой жизни и мысли только въ идейныхъ пустякахъ и мелочахъ.

И сестру милосердія томитъ манящій вопросъ о правѣ и обязанности убивать просящихъ смерти и недостойныхъ жизни.

„На перекресткѣ коррпдоровъ было уже почти темно. Свѣтъ лампы доходилъ до этого мѣста, чуть-чуть образуя сумерки, сѣрыя, какъ вата. Вдругъ изъ-за угла кто-то вышелъ и почти столкнулся съ докторомъ.

— Кто это?—зашепталъ онъ, и по спинѣ его отъ затылка до пятокъ прошелъ полосой холодъ.—Это вы, сестра? Зачѣмъ вы?... Куда?

„Оба они смотрѣли другъ на друга, блѣдные, смущенные. Руки у нихъ тряслись и слипались отъ выступившаго пота.

— Нужно посмотрѣть... прошептала сестра.

„Безъ словъ понимая другъ друга, тихо, чтобы не разбудить солдата, они пошли къ комнатѣ Пилецкаго и послушали у двери. Все было тихо.

— Должно быть, уснулъ,—прошептала сестра.

„Докторъ вдругъ разсердился.

— Конечно, спитъ,—грубо и громко сказалъ онъ.

— Если у двери каждаго больного выслушивать, спитъ онъ, смѣется или плачетъ, такъ силъ не хватитъ. И намъ нуженъ отдыхъ. Не каменные... Идите, сестра, спать.

„Сестра посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ“.

Ужасная сцена! Въ темномъ больничномъ корридорѣ два призрака, съ мыслью объ убійствѣ, „блѣдные, смущенные“, „понимая другъ друга“, у двери несчастнаго безумца рѣшаютъ роковую проблему! Дай Богъ, чтобъ въ карманѣ у нихъ не оказалось склянки съ ядомъ.

Но мысль уже заработала на этой роковой колеѣ. И она дойдетъ до конца. Это „идейные“ люди. Мы знаемъ ихъ логику и темпераментъ. Они это право—признаютъ...

XXVI.

„Бронзовый жукъ началъ свою работу, зажужжалъ подъ черепомъ доктора, будя въ глухой пустотѣ продолжительное и монотонное эхо.

— Можно ли убить человѣка, если онъ меня объ этомъ проситъ?—въ десятый, въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ. И отвѣчалъ:—Нѣтъ, это противно человѣческой природѣ. А война?..

Да, но война совсѣмъ другое, особое... И здѣсь особое: онъ самъ хочетъ умереть,—самъ, да только не можетъ (?)... Но я не могу его убить, это выше моихъ силъ... Значитъ, ты, дѣйствительно, трусъ, самолюбивый, сытый и тупой... Нѣтъ, нѣтъ, все это я не такъ разсуждаю“...

Съ этой минуты съ этимъ докторомъ, конечно, страшно ночевать на одной квартирѣ. То, что больной проситъ,—никакого отношенія къ вопросу по существу не имѣетъ.

— Можно ли убить человѣка?—спрашивалъ себя первый убійца, Каинъ, замышляя убійство Авеля.

Его рѣшеніе—мы знаемъ. Разъ этотъ вопросъ поставленъ, отвѣтъ на него можетъ быть только одинъ. Шаръ, очутившись на этой плоскости, уже не останавливается.

— Можно,—отвѣчаетъ современная идейность,—если будетъ гарантирована амнистія.

— „Какъ все тамъ ясно въ небѣ,—думалъ докторъ.—А на землѣ все такъ мучительно противорѣчиво. Жизнь и смерть, ночь и день здоровье и болѣзнь, господа и рабы, пустыни и плодоносныя равнины, „не убій“ и дикіе вопли одичавшей толпы... Даже къ идеаламъ люди идутъ по трупамъ тѣхъ, для кого и нужны идеалы“.

Страшно. Страшно это моральное невѣжество и ничтожество доктора. Это по принципу безпринципный человѣкъ. Прежде мальчикъ въ пятнадцать лѣтъ лучше и сознательнѣе зналъ, чего нельзя и что можно. Идейность омрачила умъ и совѣсть человѣка. Его небо пусто: нѣтъ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Его небо пусто, потому что пусто и холодно его дремлющее сердце безъ искры свѣта, безъ луча теплоты.

Такъ и кажется, что этотъ идейный докторъ сейчасъ-же станетъ на четвереньки и, какъ новый пещерный человѣкъ, припрыгивая, съ глухимъ ворчаніемъ, бросится въ свою первобытную берлогу.

По всѣмъ признакамъ, и сестра—готова...

Впереди—безбрежный хаосъ...

„На очи мудрыхъ—ночь легла“.

XXVII.

Но убивать Пилецкаго не пришлось.

„Когда дверь открыли, то нашли въ комнатѣ трупъ Пилецкаго. Повидимому, больной обшарилъ стѣны, наткнулся на большой гвоздь, вбитый надъ кроватью давно для какой-то полки, разорвалъ простыню, сдѣлалъ изъ нея петлю и удавился. Перекошенная маска была обращена къ двери и бросалась прежде всего въ глаза. Но, мертвый, онъ не былъ такъ страшенъ, какъ живой“.

Послѣдняя фраза, неуспокоенная и все еще тревожная, говоритъ, что „продолженіе хаоса слѣдуетъ“.

Какъ-же глупъ и несообразителенъ былъ докторъ: онъ вѣрилъ Пилецкому на слово, что тотъ физически не можетъ покончить съ собой. За туманомъ идейности онъ не видѣлъ простого и вполнѣ возможнаго выхода.

Очевидно, что и Пилецкій только билъ на эффектъ, когда щеголялъ передъ своею случайною и безтолковою аудиторіею мнимою невозможностью для него самоубійства. Въ долгія поѣздки на санитарномъ поѣздѣ онъ не разъ нащупывалъ рукою гвозди и крючья въ вагонѣ и всякую ночь имѣлъ подъ собою простыню на своей постели. Если его мысль дѣйствительно сосредоточивалась на смерти, ему много разъ должна была приходить въ голову такая незамысловатая комбинація. А разъ это такъ, то его мнимо-трагическія рѣчи объ ядѣ и смерти... Что это такое? Водевильный предсмертный фарсъ? Утонченное и циничное шутовство?

И что это за простофили—и сестра, и докторъ! Они ему вѣрили, не сомнѣваясь и не разсуждая! Наивные и недогадливые люди!

Пилецкаго — нѣтъ. Въ живыхъ остались трое, — три человѣка преступныхъ наклонностей и преступной воли: докторъ, сестра и г. Кондурушкинъ.

Редакція „Русскаго Богатства“ здѣсь не причемъ: она знаетъ интересы своихъ читателей и даетъ имъ интересное для нихъ чтеніе.

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate...

XXVIII.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ лабиринтиковъ, которыми щеголяютъ куцая идейная беллетристика и передовые органы нашей печати.

Въ каждомъ литературномъ закоулкѣ ихъ десятки и сотни.

Помогла-ли намъ та нить Аріадны, которую я предлагаю для успѣшной борьбы съ разъяреннымъ быкомъ текущей идейности, съ крѣпколобымъ минотавромъ поэтовъ и философовъ пролетаріата?

По моему мнѣнію—помогла. И поможетъ при входѣ во всякій лабиринтъ, построенный по шаблонамъ нашихъ дней.

Съ поднятыхъ кверху жестяныхъ краевъ воронки, гдѣ засѣли инородческіе гарнизоны для вооруженной борьбы съ центромъ, въ грязное и вонючее отверстіе со всѣхъ сторонъ сливаются жидкія и вонючія струйки чужихъ нечистотъ и помоевъ и выливаются на русскую почву съ бурливымъ ропотомъ: такъ жить нельзя. Верхніе пласты нивы затонули въ топкомъ болотѣ, откуда вѣтеръ разноситъ сѣмена эпидемическаго и заразительнаго недуга. Во всѣ стороны разносятся міазмы гнили и разложенія.

Идейная беллетристика—одинъ изъ главныхъ каналовъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго распространенія умственной и нравственной порчи. Но она не стоитъ особнякомъ. Чахлая и низкорослая, она поднялась надъ тѣмъ-же общимъ болотомъ и тонетъ въ сумеркахъ и потемкахъ туманной и тоскливой панорамы.

Возьмите публицистику и вы увидите тѣже рычаги и колеса, ту-же общую манеру мертваго механизма, ту-же логику и психологію. Разверните новѣйшія книжки нашихъ новыхъ поэтовъ и вы найдете у нихъ тѣ же признаки вырожденія и бездарности, скучнаго скоморошества и безтолковой изворотливости. Подойдите къ людямъ, претендующимъ на лавры философіи, къ Розановымъ и Мережковскимъ, къ Струве и Милюковымъ, къ Карѣевымъ и Котляревскимъ, и васъ охватитъ удушливая атмосфера застоявшагося болота, влажной, распаренной гнили, трупнаго гніенія. Торгуютъ нѣкоторыя лавочки и богословскимъ товаромъ—изъ той-же захолустной кладовой, открытой Плюшкинымъ явочнымъ порядкомъ.

Этотъ смрадный туманъ неподвижно стоитъ надъ всею жизнью. Повѣетъ-ли вѣтеръ—и съ какой стороны—на сонное царство спящей царевны? Пріѣдетъ-ли юный витязь разсѣять бѣсовскія чары?

Я убѣжденъ, что я не преувеличиваю опасности. Дѣло говоритъ само за себя.

„Изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день журналы и газеты жуютъ и пережевываютъ метафизическую мочалку, питаются нигилистическимъ сухожиліемъ и тенденціозной яичной скорлупой. Всѣ говорятъ о проблемахъ высшей политики, никто не говоритъ о дѣлѣ и дѣлахъ. Всѣ говорятъ отъ имени послѣдняго слова науки и приписываютъ наукѣ дѣтски-нелѣпую чепуху. По каждому жизненному и конкретному вопросу обнаруживается круглое, полированное невѣжество. У каждаго органа печати своя шарманка, фальшиво наигрывающая все одинъ и тотъ-же метафизическій мотивъ. Страсти разгораются до бѣлаго каленія, а мысль бѣдна и ничтожна. Партійный кругозоръ широкимъ не бываетъ и всякому творчеству подрѣзываетъ крылья“.

Н. Скифъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

СЕНТЯБРЬ.

1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 136.

1906.

Журнальное и литературное обозрѣніе.

З. Н. Гиппіусъ. **Не то.** (*Ненужная исторія*). „Вѣсы“ № 6.

I.

Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ мы указали психологическія пружины такъ называемой „идейной“ беллетристики, ея незамысловатую и грубоватую технику, отсутствіе объединяющаго центра въ мышленіи и творчествѣ, пассивность и безсиліе совѣсти и логики передъ исключительнымъ положеніемъ и случайными комбинаціями, кадетскую игру въ „иллюминаціи“, чтобы привлечь вниманіе къ пустякамъ и закутать въ туманъ истинное значеніе типа или факта.

Цѣль или, какъ говорятъ теперь, „тенденція“ этого идейнаго „творчества“, — точнѣе, конечно, сочинительства, всегда одна и та же: опорочить, оболгать и оклеветать „существующій“ міръ въ славу и честь міра не только не существующаго, но и не осуществимаго.

Отвлеченность и тенденціозность этого извращеннаго стремленія побуждаетъ идейныхъ беллетристовъ поднимать на идейные пьедесталы воровство и убійство, подлость и глупость. Они тоскуютъ и страдаютъ, потому что ихъ заѣла пошлая и низменная среда, хотя при болѣе внимательномъ изслѣдованіи всегда оказывается, что они низменнѣе и пошлѣе среды, т. е. на словахъ тянутся впередъ и выше, а на дѣлѣ двигаются назадъ, къ звѣринымъ повадкамъ, и ниже, на самое дно общественной помойной ямы. Для этого имъ часто приходится нарушать всѣ здоровыя нормы здраваго смысла. Но самое понятіе о здравомъ смыслѣ у нихъ, хотя и въ туманѣ, все-таки остается. Это видно уже по усиліямъ и потугамъ ихъ софистики. Они считаютъ обязательнымъ и для себя приводить какія по силамъ доказательства и придавать своимъ мечтамъ

внѣшніе признаки правдоподобія. Талантливость здѣсь видятъ въ новизнѣ и затѣйливости пріемовъ идейнаго шуллера, который находитъ новую форму передержекъ въ трепанной и замасленной краплѣной колодѣ.

Безумія здѣсь много. Но не все безуміе: есть разсчетъ, есть хитрость, есть умѣнье бить на эффектъ. Есть цѣль, хотя и фантастическая.

Но представьте себѣ беллетристическую идейность, которая порываетъ и эти послѣднія земныя узы и на коврѣ-самолетѣ поднимается въ тѣ возвышенныя сферы, откуда вся земля представляется сѣрымъ, безцвѣтнымъ и ничтожнымъ комочкомъ грязи. Даже вершины горъ кажутся какими-то ничтожными бородавками, а океанъ — каплями пота на старческомъ и скопчески-морщинистомъ лицѣ карлика.

Боюсь, что даже разумные и образованные люди, которые по умному инстинкту не читаютъ современныхъ шедевровъ текущей беллетристики, не повѣрятъ мнѣ на слово, не повѣрятъ тому, что не только возможенъ, но и существуетъ и такой видъ помѣшательства, что такіе виртуозы нелѣпостей находятъ издателей и, значитъ, читателей.

Но доказать это легко. Примѣровъ подъ руками сколько угодно. И если хорошенько подумать, то иначе и быть не могло.

Вся нервная система текущаго поколѣнія — децентрализована. Для этого вся голова острижена подъ гребенку. Каждый волосокъ — одинаковой мѣры. Всѣ лицо въ лицо, умъ въ умъ, совѣсть въ совѣсть. И поэтому всякій отдѣльный нервный узелокъ можетъ стать центромъ всей нервной системы.

Русскій интеллигентъ — это Самсонъ послѣ ножницъ Далилы. Львиная грива свалилась въ минуты любовнаго забвенія и нѣги, а съ голымъ черепомъ, безъ обильной и лохматой шевелюры о. Пояркова, каждый кадетъ немедленно слѣпнетъ. Ему не надобно выкалывать глаза: онъ такъ радикально зажмурится самъ, что и при наличности здоровыхъ глазъ все равно ничего не увидитъ. И онъ послушно идетъ ворочать тяжелые и грубые жернова лѣвой партіи филистимскихъ и филистерскихъ трудовиковъ.

II.

Тутъ есть одна любопытная аналогія. Марксисты, — съ особенною ретивостью г. Милюковъ, — чуть не двадцать лѣтъ подъ рядъ доказываютъ, что законы историческаго развитія одинаковы для всѣхъ народовъ. Тамъ, гдѣ прошелъ нѣмецкій соціалъ-демократъ, особенно

изъ евреевъ, пройдетъ и долженъ пройти англичанинъ, французъ, русскій, тунгузъ и „другъ степей“ калмыкъ. Это на идейномъ языкѣ называется „монизмомъ“. У всѣхъ народовъ одинаковый умъ, одинаковая совѣсть и одинаковый пролетаріатъ. Вся штука въ борьбѣ неимущихъ съ имущими. Остальное — пустяки, надстройки надъ экономическимъ базисомъ.

Понятно, что всякій, кто только надѣваетъ эти темные очки монизма, сразу же перестаетъ видѣть. Для него всѣ кошки становятся сѣрыми. Всюду единство, нигдѣ никакого различія. Одно слово: монизмъ—и ничего больше.

Страховъ когда-то далъ любопытныя заповѣди того монизма, который все подводитъ къ одному знаменателю — и не только въ исторической области.

„Между Богомъ и природою нѣтъ разницы. Богъ есть природа, олицетворенная человѣческой фантазіей.

„Между духомъ и матеріею нѣтъ разницы. Духъ есть нѣкоторая дѣятельность матеріи.

„Между организмами и мертвыми тѣлами нѣтъ разницы. Организмы суть созданія физическихъ и химическихъ силъ.

„Между животными и растеніями нѣтъ разницы. Чувствительность и, такъ называемое, произвольное движеніе суть явленія рефлексовъ, совершающихся механически.

„Между человѣкомъ и животными нѣтъ различія. Душевныя движенія у человѣка совершаются точно такъ же, какъ у животныхъ.

„Между душою и тѣломъ нѣтъ различія. Душа есть нѣкоторая дѣятельность тѣла.

„Между мужчиною и женщиною нѣтъ различія. Женщина есть какъ бы безбородый мужчина меньшаго роста, чѣмъ обыкновенно бываютъ мужчины.

„Между нравственностью и стремленіемъ къ счастью нѣтъ различія. Нравственно то, что ведетъ къ человѣческому благополучію.

„Между прекраснымъ и полезнымъ нѣтъ различія. Прекрасно только то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

„Между наукою и искусствомъ нѣтъ различія. Искусство есть только особая форма для популяризаціи истинъ науки“.

Этотъ краткій синодикъ объ устраненіи различія написанъ давно. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Теперь этотъ списокъ растянулся на всевозможные виды различія, такъ что и подсчитать ихъ невозможно. Кадетская дума всегда и во всемъ дѣйствовала безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія, и только рѣзко и грубо отличала политическое убійство отъ смертной казни.

Это былъ единственный видъ различія, который видѣли и понимали кадеты и трудовики.

На нашихъ глазахъ монизмъ заползалъ во всѣ щели русской сознательности и мыслящая Россія давно уже стоитъ по ту сторону добра и зла, добродѣтели и порока, подвига и преступленія, геройства и пошлости. Всѣ эти различія скомканы въ линючемъ и безсмысленномъ единствѣ, гдѣ все говоритъ не своимъ голосомъ, выступаетъ не подъ своими именами, все дѣлаетъ шиворотъ-на-выворотъ, ходитъ на головѣ, размахивая въ воздухѣ ногами, на которыя возложены всѣ функціи головного мозга.

На русской почвѣ монизмъ сталъ синонимомъ безстыдства, пошлости, противоестественности и помѣшательства.

Было бы неправдоподобно, если бы этотъ мнимо-научный монизмъ не проникъ и въ идейную беллетристику. И онъ проникъ. И у него, какъ у хлыстовъ, есть свои саваоѳы, свои пророки и пророчицы. Въ саваоѳахъ ходитъ В. В. Розановъ, въ пророкахъ два неразлучныхъ Аякса, гг. Мережковскій и Минскій, въ пророчицахъ супруга г. Мережковскаго, З. Н. Гиппіусъ.

Это сверхъ-человѣческіе тайнодѣлатели въ области сверхъ-идейности. Супруги Мережковскіе взяли на себя чрезвычайную сверхъ-идейную задачу: Дмитрій Сергіевичъ тщится доказать сверхъ-жизненность мыслящей Россіи и передовыхъ умовъ, т. е. отрицаетъ всякое различіе между живымъ человѣкомъ и покойникомъ, — а Зинаида Николаевна доказываетъ сверхъ-полость избранныхъ натуръ, т. е. всякое различіе между мужчиною и женщиною.

III.

На этотъ разъ мы хотимъ поговорить о сверхъ-естественномъ разсказѣ г-жи Гиппіусъ. Онъ напечатанъ въ 6-й книжкѣ сверхъ-мистическаго и сверхъ-монистическаго московскаго журнала „Вѣсы“. Но мнѣ кажется, что этотъ разсказъ будетъ недостаточно понятенъ, если мы не отмѣтимъ тѣхъ стихотвореній г. Мережковскаго и г-жи Гиппіусъ, которыя были помѣщены въ 3-й и 4-й книжкѣ этого же журнала.

Подражая параллелямъ Страхова, главную мысль г. Мережковскаго слѣдовало бы формулировать такъ:

„Между живымъ и мертвымъ нѣтъ различія. По крайней мѣрѣ, я этого не замѣчаю“

Вотъ его подлинныя слова.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,—

не то меланхолически, не то кокетливо напѣваетъ онъ Д. Н. В—ной, которой посвящено это стихотвореніе. Бѣдная Д. Н. В—на! Что ей дѣлать? Пѣть ли ей: „Я твоя—отнынѣ и на вѣки“, или пригласить мѣстный причтъ для совершенія панихиды надъ интереснымъ упокойникомъ?

Насколько мнѣ извѣстно, это первый опытъ поэтическаго апоѳеоза новой разновидности почти неправдоподобнаго флирта. Любовь живого къ мертвому въ судебной медицинѣ, на сколько мнѣ помнится, называется некрофиліей. Но какъ назвать любовь покойника къ живой? Не принадлежитъ ли поэтъ къ безпокойной породѣ упырей, вурдолаковъ или вампировъ? Но какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что въ порывѣ уравненія всѣхъ на почвѣ освободительнаго движенія, г. Мережковскій хочетъ ослабить существующее различіе между живыми и мертвыми, чтобы очистить мѣсто для утвержденія строя еще не существующаго.

З. Н. Гиппіусъ тщится удалить одно фиктивное различіе на другой почвѣ.

„Между мужчиной и женщиной,—въ звучныхъ стихахъ утверждаетъ она,—нѣтъ различія, ибо я чувствую себя то мужчиной, то женщиной“.

Въ подлинникѣ это изображено такъ:

Ждалъ я и жду я зари моей ясной,
Неутолимо тебя *полюбила я*,
Встань же, *мой мѣсяцъ*, серебряно-красный,
Выйди, *двурогая, милый мой, милая*...

Когда З. Н. Гиппіусъ говоритъ: „полюбила“, она, повидимому, остается въ предѣлахъ земной возможности: она женщина. Но когда про себя же она говоритъ: „ждалъ“,—она, очевидно, возвышается надъ предѣлами существующаго строя, все-таки основаннаго на почвѣ полового различія и для каждаго пола имѣющаго свои глагольныя окончанія.

Но если это такъ, если она стоитъ внѣ пола и идетъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“,—возникаетъ трудный и сложный вопросъ, кого же она ждетъ? Его или ее? При существующемъ строѣ отвѣтъ былъ бы простъ. Но при строѣ еще не существующемъ—эта загадка не скоро дождется своего Эдипа.

То „мѣсяцъ серебряно-красный“, такъ сказать, „онъ“,—то „двурогая“, надо думать: „она“. То „милый“, то „милая“. И по всѣмъ примѣтамъ на свиданіе придутъ не двое, а что-то одно—безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія.

Обычный козырь кадетской логики! Но какъ все это спутано и неразрѣшимо!

Итакъ, въ основѣ новаго идейнаго разсказа мы имѣемъ монизмъ,—т. е. смѣшеніе всякаго пола и возраста, нѣчто единое и нераздѣльное, какъ соціальная республика.

Это все же Аріаднина нить, безъ которой было бы рискованно забираться въ идейные лабиринты Зинаиды Николаевны.

IV.

Впрочемъ, есть и еще одна ниточка. Не слѣдуетъ забывать, что именно понимаетъ поэтесса подъ „существующимъ строемъ“. Стихотвореніе, гдѣ выясняется этотъ жгучій вопросъ, имѣетъ заглавіе довольно вертлявое: „Все кругомъ“.

Страшное, липкое, грубое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное (?),
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Подло-смѣшное и томно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно-застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное (?), черное,
Изрѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорное,
Вѣчно лежачее (?), дьявольски косное (?),
Глухое, сохлое (?), сонное, злостное,
Трупно-холодное, мелко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное.
Но жалобъ не надо, что жалости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

Дѣйствительно, если вѣрить поэтессѣ, „все кругомъ“ очень нехорошо. Это, очевидно, существующій кругомъ ея строй. И ни одинъ ветхозавѣтный пророкъ не бичевалъ такъ тогдашняго существовавшаго строя, какъ это дѣлаетъ русская освободительная поэтесса. Что и говорить? Лексиконъ ея... обличительной словесности—богатъ и обиленъ, хотя никакой картины и не даетъ.

Становится болѣе понятнымъ, почему при такомъ безсиліи „Всего кругомъ“, жизнерадостная поэтесса хочетъ стать выше своего пола и своего возраста.

Но, слава Богу, „все будетъ иначе“, Зинаида Николаевна это „знаетъ, знаетъ“... Но скажетъ ли она намъ, какъ же будетъ? Въ разсказѣ „Не то“ она попробовала было заговорить, но, повидимому, ничего не вышло. Романы и увлеченія внѣ пола и возраста понятны только кадетамъ и трудовикамъ. Подождемъ, не дадутъ ли своихъ авторитетныхъ разъясненій гг. Родичевы и Аладьины.

V.

Въ разсказѣ все великолѣпно. Каждая подробность ставитъ въ тупикъ. Сразу видишь, что изъ лабиринта выхода нѣтъ и придется капитулировать передъ волей и голосомъ авторитетной поэтессы.

А онъ достоинъ самаго серьезнаго вниманія — этотъ бездарный и непристойный идейный разсказъ, потому что онъ даетъ намъ ключъ въ руки отъ того беллетрическаго ящика идейной Пандоры, изъ котораго уже много лѣтъ сыплются на мыслящую Россію обильныя сѣмена воровства и убійства, порока и преступленія, безстыдства и противоестественнаго разврата.

Читатель, надѣюсь, не поскучаетъ надъ нѣкоторыми подробностями этого разсказа, которыя наглядно покажутъ ему, до чего доходитъ болѣзненное стремленіе стать выше пола и возраста, при истощенности организма искать вычурныхъ формъ половаго изступленія, истощать давно анемичный мозгъ прихотливыми мечтаніями состарѣвшейся вакханки. По этимъ подробностямъ онъ увидитъ, до чего „созрѣла“ „мыслящая“ Россія, какъ она понимаетъ утонченность нравовъ, въ чемъ видитъ лучшіе дары поблекшей Венеры и какимъ образомъ половое безразличіе служитъ великимъ задачамъ освободительнаго движенія.

Оказывается, что для успѣха этого движенія надо погасить не только послѣднія искорки здраваго смысла, съ корнемъ выкорчевать послѣдніе пни нравственности и приличія, но, отбросивъ въ сторону всякое половое различіе, разбудить и развить противоестественные инстинкты, чтобы на этой почвѣ создать будто-бы еще не существующій строй.

Еще маленькая оговорка. Въ „Ненужной исторіи“ З. Н. Гиппіусъ курсива нѣтъ нигдѣ. Курсивъ въ выдержкахъ изъ ея „творенія“ вездѣ нашъ.

VI.

Героиня „Ненужной исторіи“—Вика. Мать называетъ ее еще Витенька, Виктуся. И имя какое-то двуполое. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что это барышня. Должно быть, не Викторъ, а Викторія. Можетъ быть, это своеобразный символическій намекъ. Викторія—побѣда. И великое горе существующему строю, если это дѣйствительно такъ.

Вика—героиня не только въ беллетристическомъ смыслѣ этого

слова. По мысли поэтессы, она героиня и въ жизни. Своеобразная героиня.

Еще бы! „Въ семнадцать лѣтъ она на курсы уѣхала, „революціонеркой“ стала, въ заключеніи годъ провела, потомъ въ Женеву ѣздила...“

Черезъ восемь лѣтъ она вернулась домой, въ родную семью, къ отцу и матери, къ „существующему міру“, почти въ монастырь или, точнѣе, около монастыря.

„Здѣсь нѣтъ жизни для людей, это правда. Живыя звѣзды, живая вода... Викѣ вспомнилось, какъ она восемь лѣтъ тому назадъ, рвалась отсюда, изъ монастыря, въ „жизнь“ къ „живымъ людямъ“.

„И ушла. Что-жъ, жила? Видѣла живыхъ людей, за которыхъ отдала живую воду и звѣзды?

„Вика *не знаетъ. Она мало думала объ этомъ. Некогда было. Никогда не умѣла долго заниматься своей психологіей. И теперь она не знаетъ, когда была жизнь у нея ея собственная, и гдѣ она.* Тамъ, здѣсь—вездѣ какъ будто монастыри. Ужасно разные, со звѣздами или безъ звѣздъ, но монастыри. И вездѣ — не то, что очень душно, но все-же нѣтъ чего-то, что, можетъ быть, какъ разъ и есть „жизнь“.

„*Викѣ давно стыдно.*

„Отъ глухого стыда она и пріѣхала домой, *въ ямку спрятаться.* Ей стыдно, что то, что она признавала настоящей жизнью, настоящимъ дѣломъ, за что страдала и боролась,—вдругъ ей... не то наскучило, не то ее утомило, почти физически. И не наскучило, и не утомило, а какъ-то отпала она, точно больная стала, безучастна, *безъ вкуса.* Сначала думала, что пройдетъ. Особенно яркаго участія въ кружкѣ она никогда не принимала, прямаго: террористкой не была; не любила и говорить о „дѣйствіяхъ“, *которыя, однако, молчаливо признавала, какъ необходимыя.* Тутъ и *въ слабости* себя не укоряла и всѣ знали, что она сама на прямое „дѣйствіе“ не пойдетъ, не изъ трусости, а по своему характеру. *Она своей смерти не боялась, а чужой.* Къ чужой смерти не могла близко подойти, *тутъ тупа была и упряма.*

Однако, много *дѣлала* (?), все время, всѣ восемь лѣтъ въ одномъ этомъ пробыла, какъ одинъ день восемь лѣтъ. Сколько разнаго (?), страшнаго, неожиданнаго,—а обернуться назадъ—какъ одинъ день, потому что все въ одномъ кругѣ, въ однихъ этихъ чувствахъ и мысляхъ. Одиннадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ—и это тоже самое, какъ каждая минута въ томъ-же днѣ.

„Такъ шло, а потомъ она замѣтила, что устала. Устала отъ этого безконечнаго *дня.* Можетъ быть, пройдетъ. *Само вышло,*

что сюда захотѣлось поѣхать. Здѣсь другое, здѣсь *ночь*, здѣсь отдохнуть. А потомъ вернется.

„И что-жъ? Опять за безконечное дневное дѣло, все одинаковое къ одинаковымъ людямъ? Они живые. *Вѣроятно*, живые. Они дѣлаютъ (?), горятъ (?), умираютъ. Конечно, живые.

„*Только Вика ихъ совсѣмъ не знаетъ. Она никого не любила*, некогда любить, заниматься другъ другомъ, когда вмѣстѣ *работаешь. Такъ и не присмотрѣлась, не успѣла.* Теперь старается исполнить... Трудно! *Но конечно*, живые люди.

„Теперь пока лучше не думать о нихъ. И ни о чемъ. Отдохнуть просто“.

VII.

Удивительная логика и удивительная психологія!

Вика совсѣмъ глупенькая дурочка, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ничего не думаетъ и задираетъ свой революціонный носикъ куда-то выше ночи и дня, выше звѣздъ и „жизни“. У этого больного идейнаго полудурья, ума, знанія, мышленія — ни синь пороха, но оно, безполое и чувственное, смотритъ на жизнь съ какой-то сверхъ-человѣческой высоты, съ которой уже рѣшительно ничего не видно, кромѣ своего воробьинаго носа.

Эта ночь и этотъ день, эти „здѣсь и тамъ“ — повидимому, говорятъ о какой-то опредѣленности въ мысляхъ, о какомъ-то рѣшеніи спорнаго вопроса, о костяхъ и скелетѣ молодаго тѣла. Но это иллюзія, миражъ. На самомъ дѣлѣ какая-то расплывчатая безформенная первобытная слизь, студенистый кисель, что-то вродѣ лягушечьей накваки весною въ болотной лужѣ.

„Все, все равно“—по безпутной логикѣ Вики и автора-поэтессы.

Это безсознательная и непроизвольная сатира на кадетовъ. Чтобы признать ихъ „живыми людьми“, надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“, т. е. изъ существующаго міра перенестись въ міръ несуществующій.

По мнѣнію З. Н. Гиппіусъ, и у нихъ „монастырь“. Но это невѣрно. Пусть они убивали и бросали бомбы не сами, пусть не своими руками они вершили „прямое дѣйствіе“, но они, какъ Вика, признавали эти „дѣйствія, какъ необходимыя“. Это уже не „монастырь“, а политическій люпанаръ. Подъ краснымъ знаменемъ чужими руками вынимать каштаны изъ огня —„прямая“ подлость. И никакого другого имени для такого, нынѣ, — увы — „существующаго строя“ и характера—на человѣческомъ языкѣ нѣтъ. Ложь и то, будто они не боялись своей смерти, а боялись чужой. Рѣчи

гг. Милюковыхъ, Струве и Котляревскихъ по поводу убійства Герценштейна ясно показали, какой смерти они боялись. Они дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ „тупы были и упрямы“.

„Живые“-ли они люди,—эти кадеты и трудовики?

Живые,—послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній говоритъ г-жи Гиппіусъ,—но для того, чтобы ихъ признать живыми, надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“, потому что это „ночь“ природы, вѣчное уродство существующаго міра.

VIII.

Но Вика—не въ примѣръ прочимъ. Она „революціонерка“. Но не только по „идеологіи“, по „программѣ“, по партійности, но и по *половому темпераменту*—выше революціи и революціонеровъ. Это уже не партійный, а свой собственный козырь азартной игры З. Н. Гиппіусъ въ душной и спертой атмосферѣ таинственнаго и молчаливаго алькова.

Именно темпераментъ Вики по освѣщенію почти маститой поэтессы поднимаетъ Вику выше дерева стоячаго, выше облака ходячаго. Въ немъ лучшее сіяніе ея идейнаго величія и превосходства.

„Романовъ“ въ ея жизни не было, ибо подъ романами въ идейной беллестристикѣ понимается простой и естественный адюльтеръ. Но было что-то гораздо хуже, пакостнѣе и неприличнѣе всякихъ романовъ.

„У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. *Почти до тупости строгое.*

— Строгая ты какая, Виктуся,—сказала мать робко.—Молодая дѣвушка, а все читаешь — и одѣваешься, какъ монашенка. Всѣ у васъ въ Питерѣ такія, что-ли?

„Вика улыбнулась. Припомнилось вдругъ, что ее и „тамъ“ строгой называли. „Радина—точно монахиня.“ Впрочемъ, въ шутку. Да и всѣ, если припомнить, немножко такія-же были. Она только помолчаливѣе другихъ.

„Тася—братъ услыхалъ.

— Она сильная, мама. На лодкѣ ѣздила — такъ не устаетъ, гребетъ, точно мужчина. А только-только выучилась.

„Вика подружилась съ Тасей. *Но все чего-то въ немъ не понимала. Что-то есть.*

— Охъ, замужъ-бы тебѣ, Витенька,—сказала мать, ужъ совсѣмъ робко.—Да жениховъ у насъ нѣтъ.

„И окончательно испугалась, потому что Вика встала и вышла, сказавъ со скукой:

— Ну, мама, какіе тамъ женихи...

„А Тася засмѣялся:

„Не выйдетъ она за вашихъ жениховъ! У нея, можетъ, такіе женихи въ Петербургѣ! Сказали тоже!"

Такъ судилъ о темпераментѣ Вики „существующій строй". Но ему-ли было понять утонченность и возвышенность сверхъ-половой чувственности Вики, для которой земныя искушенія и наслажденія по этой части были дольнимъ прахомъ и болотною грязью?

IX.

„Вика услыхала, выходя, слова Таси и не улыбнулась, а еще болѣе задумалась. *Ей въ первый разъ пришло въ голову, что вѣдь дѣйствительно у нея могли бы быть женихи, что можно выходить замужъ, а съ маминой точки зрѣнія даже должно. Ну, это глупости, конечно, замужъ и женихи, но вѣдь есть любовь... Какъ-то объ этомъ и не думалось пристально.* Тоже некогда было. Случалось у нихъ, всего бывало, конечно, но Вика вспомнила, что она *съ величайшимъ презрительнымъ осужденіемъ, даже съ негодованіемъ* относилась ко всѣмъ этимъ исторіямъ. Время-ли заниматься личными страстишками, да психологіями. Вика была пряма (?) и строга (?)

„Ей пришла на память одна старая исторія. И теперь, на обрывѣ (она опять была на монастырскомъ обрывѣ, и солнце садилось за рѣкой), Вика безъ отвращенья и почти съ любопытствомъ, стала припоминать эту исторію.

„Студентъ Леонтьевъ. Красивый, смуглый, черный, румяный. Давно въ Сибирь сосланъ, пропалъ гдѣ-то тамъ. А дѣльный былъ человѣкъ, горячій малый. Такъ вотъ онъ, одинъ разъ... Это было еще, когда она на третій курсъ переходила, на шестой линіи Острова въ узенькой-преузенькой комнаткѣ жила.

„Онъ пришелъ вечеромъ, по дѣлу. Чай пить остался. Ничего она раньше въ немъ, кромѣ полезнаго и хорошаго (?), не замѣчала. Ближе другихъ онъ ей былъ, это правда. Говорили долго, потомъ умолкли. И вдругъ онъ съ своего стула повернулся къ ней круто, обнялъ крѣпко, сразу,— и тихо, и горячо что-то сталъ говорить. Вика помнитъ его влажные, сіяющіе и счастливые глаза. Потомъ онъ поцѣловалъ ее въ самыя губы, и еще разъ, и опять.

„Вика хочетъ быть искренней теперь, здѣсь, на солнечномъ обрывѣ надъ водой. И она вспоминаетъ, что эти первые три поцѣлуя *объяли ее странной жутью, а мыслей никакихъ не было.* Не было ихъ и въ

слѣдующее мгновеніе, когда эта сладкая и властная жуть превратилась сама собою *въ такое-же властное отвращенье, отталкиванье отъ красиваго и грубо-сильнаго человѣка.* Онъ захватывалъ ее, тащилъ, дѣлалъ что-то съ нею, цѣловалъ ее, потому что такъ ему было пріятно, и ей показалось, что она превращается въ неподвижную вещь. Безъ словъ и безъ мысли показалось, только *стало страшно и насквозь отвратительно.*

„Она тотчасъ-же встала, и говорила какія-то обычныя, возмущенныя слова, говорила, что возмущена и негодуетъ. Леонтьевъ понялъ, что она точно, непритворно, оскорблена и негодуетъ.

— Значитъ, вы меня не любите?—сказалъ онъ грустно. И не то притихъ, не то опустился.

„Она даже не отвѣтила. Выпроводила его съ тѣмъ-же отвращеньемъ. Онъ ушелъ. Потомъ она избѣгала его намѣренно. *Любовь! Физіологія, и больше ничего.* Ей не нужна эта физіологія, и слава судьбѣ.

„Осталось, однако, странное воспоминаніе жути первыхъ поцѣлуевъ.. Но *сплетенное съ такимъ-же страннымъ отвращеньемъ, ощущеньемъ чужого захвата, ничѣмъ не оправдываемаго насилія одного человѣка надъ другимъ.*

„Ну, вотъ и все. Раздумывать надъ этимъ некогда было, да и скучно. *Да и не умѣла Вика размышлять надъ такими вещами и переворачивать ихъ. Любовь просто не для нея, ежели любовь такова. Потому что вѣдь въ смыслѣ человѣческой привязанности она очень любила Леонтьева, больше другихъ уважала его.*

„Что-же было еще? Рѣшительно ничего. Она такъ искренно-строго держала себя съ тѣхъ поръ, что никому и въ мысль не приходило объясняться ей въ любви. Впрочемъ, если сказать правду, то и у всѣхъ, съ кѣмъ она тогда общалась, мало было любовныхъ исторій. Тоже некогда.

— Дѣйствительно, монастырь,—подумала Вика и улыбнулась.— Это-то хорошо!.."

X.

— Рѣшительно ничего,—утверждаетъ Вика.

Но это не совсѣмъ такъ. Было и нѣчто другое. Это первый романъ, не романъ,—скорѣе, какой-то скрытый дефектъ въ дѣвической организаціи Вики. Но какъ еще многое неясно. Главное потомъ. Здѣсь-же отмѣтимъ одну характерную черточку.

Восемь лѣтъ Вика была революціонеркой, искала живыхъ людей и бѣгала отъ „живыхъ звѣздъ" и „живой воды". И она совершенно забыла, что „можно выходить замужъ".

Новое доказательство того, что неестественно коротка дѣвичья память. Въ какомъ-же обществѣ оне вращалась? „Кругомъ себя“, кромѣ „мыслящаго студенчества“ и „сознательнаго пролетаріата“, она не видѣла никого въ „существующемъ мірѣ“?

Тамъ не было людей женатыхъ, замужнихъ женщинъ, законныхъ дѣтей — если не у профессоровъ и знакомыхъ, то среди прислуги? *Тамъ*,—какъ любитъ говорить Вика,— только любовь и физіологія?

Кто-бы повѣрилъ, что на крещеной Руси, — хотя-бы въ Петербургѣ, можно прожить восемь лѣтъ, ни разу не натолкнувшись на институтъ законнаго брака? Положимъ, что Вика — дурочка. Это З. Н. Гиппіусъ незамѣтно для себя постоянно подчеркиваетъ. Это неразумное дитя не природы, а революціи, которое ради своего сомнительначо „дѣла“ не только про звѣзды и ночь, но даже и про жениховъ забыло. Перешагнула порогъ,—и память о существующемъ мірѣ сразу отшибло.

Что-то ужъ очень скоропалительно. Но не совсѣмъ неправдоподобно. Такова уже сила революціонныхъ идей и особенно революціонныхъ фразъ. Я думаю, что если-бы г. Стаховичъ и графъ Гейденъ „въ одинъ прекрасный день“ настолько набрались храбрости и мужества, чтобы съ думской трибуны членораздѣльно и явственно удостовѣрить, что въ предѣлахъ русскаго центра еще можно выходить замужъ и жениться по обрядамъ греко-россійской православной церкви,—всѣ Аладьины и Онипки, всѣ Плохошили трудовой группы, разразились бы хохотомъ и табуннымъ ржаньемъ: „Долой! Въ отставку! Погромщики! Каины! Собакины дочери!“

Партійность, какъ таковая, сосредоточивая все вниманіе члена партіи на пунктахъ политической программы, отвлекаетъ его съ логическою необходимостью отъ всѣхъ формъ и нормъ существующаго общежитія и освобождаетъ его отъ всякой не только національной, но и отъ брачной семейной исключительности.

Позволю себѣ, въ качествѣ только моего личнаго предположенія, думать, что Вика принадлежала къ конституціонно-демократической партіи, ибо и этой партіи, какъ и Викѣ, „раздумывать надъ этимъ (т. е. надъ такими вопросами) было некогда, да и скучно“.

„Физіологія, и больше ничего“.

Но это только кстати. Наша тема—темпераментъ Вики. Кое-что для выводовъ есть, но здѣсь только одна сторона дѣла. Пойдемъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

XI.

Былъ у Вики и еще одинъ романъ...

Впрочемъ, не романъ, а такъ... просто... Физіологія...

Это уже гораздо тоньше и, такъ сказать, эѳирнѣе. Что-то почти невѣсомое. Но не случайное, а органическое. Впрочемъ простыми и точными словами говорить объ этомъ стыдно и нелѣпо. Предоставимъ слово самой составительницѣ „Ненужной исторіи“. Она отличная пряха: тонко кружево прядетъ.

Вспомнился Викѣ „и другой случай ея жизни“.

„Тоже въ Петербургѣ, тоже въ маленькой студенческой комнаткѣ на Островѣ, бѣлой весенней ночью.

„Поздно, часу въ первомъ, къ ней пришла, прибѣжала, вся въ слезахъ, ея товарка, Юля Власьева. У Вики не было близкихъ друзей и подругъ, *къ женщинамъ она относилась такъ-же просто, товарищески-отдаленно и уважительно, какъ и къ мужчинамъ*. Но эта Юля, маленькая, слабая и безпомощная, хотя вѣрная (?) и всегда на все (?) готовая, внушала Викѣ смутную, жалостливую заботливость. Что съ ней будетъ? Она такая горячая. Но ей надо во время указать, во время навести...

„И вотъ Юля прибѣжала къ ней ночью (почему именно къ Викѣ—она и сама не знала)— сказать, что арестовали и увезли ея брата. Всѣ знали, что, если его реастуютъ — то ужъ не выпустятъ. Онъ былъ изъ „серьезныхъ“.

„Юля сидѣла на постели, сложивъ руки на колѣняхъ, а слезы такъ и бѣжали по ея щекамъ.

„— Ты не знаешь, Радина, ты не знаешь... Колю я обожаю, я не могу, не могу... Пусть это слабость, но пусть-бы меня взяли, или кого угодно, только не его... Это такой ужасъ... Надо дѣйствовать, я понимаю, но что дѣлать? И какъ я могу это перенести?

„Вика, *не допускавшая никакихъ нѣжностей, невольно*, однако, *обняла* плачущую дѣвочку, утѣшала ее, какъ умѣла, не упрекала въ слабости, просто гладила по волосамъ. Не говорила серьезно, хотя само по себѣ дѣло ареста Власьева было серьезное.

„Но Вика думала о Юлѣ; хотѣлось, чтобы она не плакала. Хотѣлось прижать ее къ себѣ, успокоить, утѣшить. Поцѣловать крѣпко, заставить улыбнуться, можетъ быть, заставить забыть брата. Жалость и сладкая нѣжность къ этому безпомощному, одинокому ребенку томила сердце.

„Когда Юля, наплакавшаяся, заснула на постели Вики, по-ребячески подложивъ руку подъ щеку, Вика долго еще стояла у окна, глядѣла на блѣдно-зеленое расцвѣтающее небо, и ей было странно,

не то весело—не то грустно, не то жалко Юли, не то досадно, что она такъ плачетъ о братѣ, такъ любитъ его.

— Если бы я была ея братомъ... Я бы охраняла ее, я бы вела ее... Николай все-таки мало думалъ о ней... А ей нужно, чтобы объ ней думали, заботились... Она—мягкій воскъ... Любящая и покорная...

„Такъ думалось ей. Или чувствовалось. Потомъ вдругъ обернулась, взглянула на дѣтски-спящую Юлю, безпомощную, нѣжную и неподвижную, и вдругъ эта Юля стала ей противна. Самая жалость обратилась въ отвращенье. Вести, нести ее, точно вещь! Нѣтъ, хорошо, что Юля не любитъ ее, не цѣпляется за нее; не хочетъ Вика никуда ее тащить, дѣлать за нее, дѣлать что-то изъ нея! И чего она пришла съ своими безполезными, бабьими слезами! И вѣдь утѣшилась, чуть въ щеку поцѣловали! Вика хотѣла разбудить ее и сказать, какъ это унизительно и глупо. Но не разбудила.

„А на утро все прошло. Николая, къ удивленію, скоро выпустили и они съ сестрой тотчасъ-же уѣхали за границу. Вика потомъ встрѣтила Юлю мелькомъ въ Женевѣ. Юля растолстѣла (?), стала крикливая. Вика ни о чемъ (?) не вспомнила.

„Отчего вдругъ теперь вспомнила, думая о себѣ, о Леонтьевѣ? *Влюблена* она, что-ли, въ эту Юлю была тогда? Какое слово гадкое. И какъ тутъ все дико и глупо спутано“.

XII.

Вамъ не кажется совершенно неожиданнымъ и почти необъяснимымъ этотъ странный вопросъ „влюблена-ли“? Казалось, что все дѣло идетъ на чувствахъ, если не христіанскаго состраданія, христіанской жалости, то на блѣдныхъ и отвлеченныхъ перемѣнахъ и оттѣнкахъ разсудочной гуманности, партійнаго товарищества, общаго дѣла.

И вдругъ — „любовь“. „Физіологія, и ничего больше“. Юля растолстѣла, стала крикливой. Почему сіе важно? Для чего это сказано? Почему чувство „сладкой нѣжности“ надъ „дѣтски-спящей Юлей“ связано съ такимъ-же брезгливымъ чувствомъ физіологическаго отвращенія, какъ и жгучая жуть отъ первыхъ поцѣлуевъ Леонтьева?

Зачѣмъ въ идиллію милосердія, жалости и снисходительности внесена горячая струя плотской чувственности и какихъ-то нечистыхъ инстинктовъ?

Это только намекъ. Начало той аріадниной нити, которая поведетъ насъ въ узкіе и извилистые переходы таинственнаго лабиринта, гдѣ ждетъ случайнаго путника пламенная по виду и очамъ, но холодная и мертвая, какъ камень, сверхъ-идейная минотавресса.

Мы уже немного знаемъ героиню. Герой обнаружитъ свое геройство по самому ходу дѣйствія. Къ своеобразному любовному дуэту присоединитъ свой юный и звонкій голосъ влюбленный подголосокъ. Образуется случайное тріо, которое окончитъ полной дисгармоніей и разсколится на три разныя стороны.

Утомленная отъ безплодныхъ желаній Клеопатра подниметъ узорный покровъ надъ своимъ золоченымъ ложемъ и въ гнѣвѣ броситъ укоръ злой и шаловливой Венерѣ, обманувшей ее манящими, но ускользающими призраками ночи.

Но это—и не элевзинскія мистеріи, не праздникъ въ честь богини плодородія. Это уголокъ Лысой горы, гдѣ тѣни и призраки играютъ въ любовь и сладострастіе. Но эта любовь призрачна и случайна.

„Физіологія, и ничего больше“.

XIII.

Въ родной семьѣ Вика всѣмъ и совсѣмъ чужая. Въ старомъ домикѣ за восемь лѣтъ почти ничего не перемѣнилось.

„Такъ-же пахнетъ геранью и кухней въ маленькомъ домикѣ за оградой Спасо-Троицкаго монастыря, такъ-же обѣдаютъ они въ зальцѣ съ окнами въ палисадникъ, и мать съ отцомъ совсѣмъ такіе-же. Старообразные, тихіе, всему, чего не понимаютъ, разъ навсегда покорившіеся. Безъ злобы и безъ особенной доброты, а просто.

„Вотъ только братъ Тася—новый. Вика едва помнитъ его, трехлѣтняго, ревущаго и буйнаго. А теперь за столомъ сидитъ худенькій, тихій мальчикъ въ парусинной блузѣ и смотритъ на Вику большими, чужими глазами. *Кто онъ—неизвѣстно.* Вика про него знаетъ только, что онъ не гимназистъ, а семинаристъ, самъ пожелалъ; что у него теперь каникулы, что онъ смирный и задумчивый, совсѣмъ не шалунъ“.

Странно звучатъ эти слова. „Кто онъ—неизвѣстно“, когда рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ, которому „быть кѣмъ-нибудь“ еще слишкомъ рано. Очевидно, у Вики и З. Н. Гиппіусъ есть свои сокровенные вопросы, на которые они ищутъ себѣ отвѣта даже въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ.

Это уже нѣкоторый намекъ. Ниже мы увидимъ, чего искалъ чужой взоръ сестры въ тихомъ мальчикѣ. Она нашла, чего искала. И онъ былъ нуженъ для „Ненужной исторіи“.

Кстати. Вотъ доказательство, что З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ не

знаетъ той среды, которую она описываетъ. Тасѣ — одиннадцать лѣтъ. Только minimum черезъ три года онъ можетъ поступить въ семинарію. Пока онъ ученикъ духовнаго училища перваго класса.

Если Вика все, что она знаетъ, знаетъ такъ плохо, то очевидно, что онъ ничего толкомъ не знаетъ.

XIV.

А вотъ и главный герой „Ненужной исторіи". Пока еще за кулисами.

„О томъ, что было съ Викой за эти восемь лѣтъ, почему за все время не выбралось недѣли, чтобы повидаться—родители не разспрашиваютъ. Въ общемъ знаютъ, письма получали, а разспрашивать—что-же? Не поймутъ они, только горько и страшно.

„Мать въ сущности довольна, что у Вики здоровый видъ, ей ужъ начинаетъ казаться, что и перемѣнъ особенныхъ въ лицѣ нѣтъ; мало-по-малу и она забываетъ, что прошло восемь лѣтъ. Такъ, разставались—а вотъ, слава Богу, и свидѣлись. И она свое разсказываетъ, торопится, о томъ, что у нихъ въ углу случалось, чего Вика не знаетъ.

— А помнишь ты, Вика, отца Геннадія нашего? Протоіерея? Ужъ такое близкое намъ семейство было, такое близкое...

„Вика вспоминаетъ ясно и семейство, и самаго толстаго, крикливаго и рослаго отца Геннадія.

— Такъ вотъ ихъ здѣсь больше нѣтъ, Витенька, въ Нижній перевели. Жалость такая. А тутъ еще несчастіе у нихъ случилось...

— Ну, какое-жъ это несчастіе... Сказать несчастіе — нельзя, вставилъ кротко отецъ.

— А счастье по твоему? Ужъ помалкивай, Палъ Федоровичъ. Одно только, гляжу я и думаю, обойдется это. Ты, Виктуся, помнишь ихъ сына второго, Васюту?

— Да, кажется, помню, мама.

— Онъ постарше, должно быть, тебя будетъ. А не то помоложе. Такого ума былъ мальчикъ, такого ума... Первымъ шелъ въ семинаріи, мало этого — въ Петербургъ поѣхалъ, да академію кончилъ. И что же ты думаешь? О. Геннадій въ полной увѣренности, что ему дорога открывается—а онъ, на тебѣ, въ монастырь!

— Въ монастырь?

— Да вѣдь что! При его образованіи онъ бы вскорѣ архіереемъ могъ быть, хоть и молодъ очень. Это, вѣдь, тоже какая дорога! А онъ—ни два, ни полтора, постригаться—не хочу, іереемъ — недостоинъ еще, а въ послушники пошелъ! Въ простыхъ послушникахъ ужъ съ годъ, въ нашемъ же монастырѣ. О. Геннадій радуется что хоть въ знакомомъ мѣстѣ. Приходитъ къ намъ часто, ну такъ я присмотрюсь, что изъ него дальше будетъ.

— Всякому свое,—сказалъ отецъ покорно и скучно.—Вотъ хорошо у меня мѣсто частное, тихое, домикъ свой—и такъ мы проживемъ вѣкъ безъ метанья. Да я къ духовенству, хоть и жили все рядкомъ, склонности не имѣлъ никогда. А есть призванія... Подвижническое стремленіе..."

XV.

„Онъ"—на горизонтѣ. Но пока еще все тихо. Вика по своему отдыхаетъ.

„Викѣ не было скучно. Такъ хорошо, тихо, время не двигается, *все все равно*. Послѣ обѣда отецъ пошелъ спать. Тася куда-то безмолвно исчезъ. Было жарко, но не мучительно жарко, а ласковая духота стояла.

„Зазвонили къ вечернѣ, тяжело и близко. Садъ монастырскій—точно лѣсъ, деревья высокія, густыя. До самаго обрывистаго берега рѣки.

„Сидѣть тамъ, на этомъ обрывѣ, въ ласково-душный іюльскій вечеръ, слушать колоколъ вечеренъ, *и больше ничего не нужно.*

„Впрочемъ—это кажется только, что хорошо. Кажется, что не было восьми лѣтъ. Но если-бъ и не было? Вѣдь когда не было, и Вика, упрямой и розовой гимназисткой, сидѣла на берегу и слушала колокола,—тоже было нехорошо, тоже хотѣлось совсѣмъ другого, и даже до ненависти къ тишинѣ, къ рѣкѣ и колоколамъ—хотѣлось!

„Теперь ненависти нѣтъ. Тихая грусть—и радостное удивленіе. Точно восемъ лѣтъ Вика не видала неба, воды, деревьевъ. А они есть. И это почему-то ужасно хорошо, что они есть. Но почему?"

Таковъ философскій скептицизмъ простоватой и придурковатой дѣвушки, у которой мысли безпомощно и безсильно ползутъ, какъ мухи по патокѣ, которая ни на чемъ не можетъ сосредоточить свое вниманіе, у которой лѣнивыя, туманныя и ненужныя мечты замѣняютъ мышленіе и сознаніе.

Это маленькій комочекъ истрепанныхъ нервовъ, который раздерганъ до того, что ему, „все все равно", мертвый для жизни и мышленія, брошенный въ темный уголокъ, потому что онъ никому не нуженъ. Да, *тамъ* была своя работа, безтолковая и неосмысленная суетня, дѣло, къ которому ея сердце не лежало, рутина, въ

которой она разобраться не могла, вѣчное паденіе по наклону, по инерціи отъ какого-то внѣшняго толчка.

„Все все равно". Какой это безчеловѣчный, пошлый и подлый принципъ. Можно ли вѣрить такому человѣку? Онъ всегда солжетъ, всегда измѣнитъ, онъ не беретъ на себя отвѣтственности ни за свое слово, ни за свое дѣло, онъ опасенъ, потому что имѣетъ внѣшній обликъ человѣка, но подъ этой оболочкой скрывается тупая мертвенная апатія, непробудное равнодушіе, звѣриная невмѣняемость, спертая духота одинокаго и безсмысленнаго эгоизма. Это ткань гнилыхъ мечтаній и надменнаго ничтожества.

Бѣда тому, кто повѣритъ ея честному слову, потому что она сама не знаетъ, что она думаетъ, что она чувствуетъ, что говоритъ. Это болотная трясина, которая въ жидкой, липкой и вонючей грязи топитъ всякаго, кто къ ней подойдетъ близко. При внѣшней подвижности и суетливости, она спитъ, спитъ безпробуднымъ сномъ и, если на минуту и проснется, то подъемомъ нездоровой чувственности, половой блажи, не страстью, а мечтами о страсти.

Это догнивающій кусокъ первобытной идейной слизи, который дрожитъ и качается, какъ студень на тарелкѣ, если столъ дрожитъ отъ шаговъ прохожаго.

Спитъ мысль, спитъ совѣсть, спитъ сердце. Спитъ и плоть, хотя порой по ней пробѣгаютъ мимолетные токи отвлеченной и безсильной чувственности.

XVI.

„Пришелъ дня черезъ два вечеромъ и сынъ о. Геннадія, Васюта.

„Вошелъ робко, весь узенькій, высокій, въ черной ряскѣ (?) съ кожанымъ поясомъ. Волосы у него отросли, и слабо, вяло закручивались у плечъ. Бороды и усовъ почти не было. Лицо испуганное, нѣжное и строгое.

„Вика съ любопытствомъ на него поглядѣла. Онъ взглянулъ разъ и потомъ долго не глядѣлъ".

Чувствуется старый избитый шаблонъ, какой-то трафаретъ. Очевидно, З. Н. Гиппіусъ никогда не видала настоящихъ послушниковъ. Послушники рясы не носятъ, а носятъ подрясники. Ряса и кожаный поясъ — это изъ какой-то балаганной феерiи не на русской почвѣ. Ну, это обычный lapsus идейныхъ беллетристовъ: они всегда — ляпаютъ.

Васюта зналъ, что Вика—„революціонерка".

„А такая простая. Курсистокъ онъ мелькомъ въ Петербургѣ видалъ. *Но вообще съ женщинами никогда не разговаривалъ.* Боялся онъ, и не было интереса.

— У Васи голосъ хорошъ,—сказала Анна Ивановна.—На клиросѣ поетъ. Вотъ пойди, Вика, послушай какъ-нибудь.

— А развѣ вы въ церкви бываете?—проговорилъ Вася какъ-то въ сторону и вдругъ покраснѣлъ, и сжалъ брови.

— Я давно не бывала... Здѣсь же, въ нашемъ монастырѣ бывала, когда дома жила, — отвѣтила Вика съ удивленіемъ: *ей пришло въ голову, что за восемь лѣтъ она въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ. Точно тамъ, гдѣ она жила, не было церквей такъ же, какъ не было воды, лѣса и неба.*

— Я теперь почти никогда не пою,—продолжалъ Вася.—Но вы все-таки пойдите. У насъ хоръ славный.

„ И замолкъ. У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. Почти до тупости строгое. Вася и такъ боялся, потому что это была женщина, а отъ строгости у него даже внутри дрожало что-то.

„Вышелъ братъ Тася, взглянулъ, *странно, неуклюже поздоровался* съ Васильемъ *Ивановичемъ, вспыхнулъ весь и тотчасъ же скрылся.*

„Мать говорила. Вика послушала-послушала и вышла на крыльцо. Мигали теплыя, большія, предъавгустовскія звѣзды. Деревья сада монастырскаго недвижно чернѣли впереди.

— До свиданья,—кто-то сказалъ около нея.

„Вика обернулась и сразу не сообразила, что это Вася-послушникъ. Не узнала его въ длинной рясѣ.

— Вы уходите? Вамъ прямо? Я съ вами сойду. Мнѣ пройтись хочется.

„Вася ничего не отвѣтилъ. Пошли молча. *Вика сообразила, что, можетъ быть, нельзя ходить съ послушникомъ-монахомъ* (?) *ночью.*

— Можетъ быть, вамъ нельзя со мною?—спросила она неловко.

— Нѣтъ, отчего-жъ? Вы за оградой живете; да, пожалуй, и ворота еще не заперты. Мнѣ недалеко, вотъ черезъ двѣ аллеи.

„А Викѣ все-таки чудилось, что она что-то неловкое ему дѣлаетъ. Отстать хотѣлось, но вмѣсто того она вдругъ спросила:

— Вы вѣдь не монахъ?

— Нѣтъ, я послушникъ.

„Вика это знала. Ей захотѣлось, чтобы онъ съ ней поговорилъ просто.

— А я слышала... Вы вѣдь академію кончили... Вы могли бы сразу... *какъ это?* Священникомъ-монахомъ быть, если-бъ захотѣли.

— Да... Но я чувствовалъ себя недостойнымъ постриженія. И вообще... да впрочемъ что объ этомъ... Извините...

„Вика *ободряюще* повернулась къ черной узенькой тѣни, которая двигалась немного сзади ея. И ей стало жалко почему-то, что онъ идетъ сзади и боится.

— Вы меня боитесь?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ... Я не привыкъ разговаривать.

— Ни съ кѣмъ не привыкли?

— Да, и вообще...

— Грѣхъ это, что-ли?

— Отчего грѣхъ? Нѣтъ, что вамъ? Вы даже не изъ любопытства спрашиваете. А такъ. Ну, и не стоитъ.

„Викѣ сдѣлалось непріятно и странно. Зачѣмъ она, правда, спрашиваетъ? *Вѣдь онъ точно съ другой планеты. Совсѣмъ не человѣкъ для нея. Монахъ. Она и забыла совсѣмъ, что есть монахи.* Потомъ она вспомнила, что онъ академію кончилъ. Не просто же монахъ. Да и не монахъ онъ еще.

„Они уже повернули во вторую аллею.

— Ну, прощайте,—сказала Вика.—Я теперь пойду одна. Еще къ обрыву, можетъ, пойду.

„Вася остановился и нерѣшительно, какъ-то издали, протянулъ ей руку.

— А не боитесь? Тамъ темно очень теперь.

„И прибавилъ торопливо:

— Вы меня простите, не сердитесь. Я рѣдко съ кѣмъ разговариваю, не приходится. Можетъ быть, не такъ что-нибудь... Вы спрашиваете меня, а я не отвѣчаю. *Я изъ-за непривычки. У васъ жизнь, вы пріѣхали и опять въ свою жизнь уѣдете, я жизни и не видывалъ никогда. Я мертвый.*

— Что вы? Отчего мертвый? Вы...

„Но она не знала, что сказать еще. Такъ ей было странно.

„А онъ безмолвно поклонился и какъ-то сразу исчезъ за деревьями.“

XVII.

И все-то это враки и вздоръ. З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ разошлась съ существующимъ міромъ. Дошло до того, что родной сынъ о. *Геннадія* становится у нея почему-то Васильемъ *Ивановичемъ.* Поэтесса совсѣмъ обратилась въ какую-то знатную иностранку. Чтобы поколебать наличность, силу и мощь существующаго строя, г-жа Гиппіусъ не устаетъ повторять, что Вика за восемь лѣтъ „въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ“, что „она совсѣмъ забыла, что есть монахи“. Пока она была въ тюрьмѣ и въ Женевѣ, можетъ быть, она могла забыть и не помнить этого. Но въ Петербургѣ—есть и церкви, есть и монахи. Чтобы не видѣть ихъ, надо быть слѣпой.

Очевидно, что и здѣсь есть тенденція. Г-жа Гиппіусъ старается представить свою героиню кокетливой дурой, щеголяющей круглымъ невѣжествомъ. Или у самой составительницы „Ненужной исторіи“ такой же крупный недочетъ въ знаніи и опытѣ.

Мы думаемъ, что здѣсь поэтесса преувеличиваетъ и сочинительствуетъ. Реальный фактъ идейнаго невѣжества ради своихъ сокровенныхъ цѣлей она доводила до абсурда. „Мыслящая“ Россія, кромѣ идейной литературы, почти ничего не знаетъ. Но о наличности церкви и монаховъ она все же освѣдомлена. Вѣроятно, и за эти восемь лѣтъ она упорно отрицала и церковь, и монаховъ. Вѣдь она отрицаетъ ихъ, но не игнорируетъ.

Но если, по свидѣтельству г-жи Гиппіусъ, невѣжество ея героини такъ полно и всесторонне, то сынъ о. Геннадія, Василій почему-то Ивановичъ—совершенный идіотъ, дуракъ, какихъ свѣтъ не производилъ, какая-то богословски-атеистическая козявка, отмѣчающая своимъ полнымъ ничтожествомъ идейность и величіе глупенькой и невѣжественной Вики.

Во всякомъ случаѣ это богословскій, философскій и политическій памфлетъ на учащій и учащійся персоналъ с.-петербургской духовной академіи.

Смѣю увѣрить многоуважаемую З. Н., что такихъ кандидатовъ богословія нѣтъ, не бываетъ и быть не можетъ. Послушники типа Васюты изъ академій не выходятъ. Изъ академій выходятъ люди другого сорта.

И противъ голословныхъ утвержденій идейной поэтессы я могу привести несомнѣнные факты.

Студенты академіи видятъ курсистокъ не „мелькомъ“; видятъ ихъ не только на вечеринкахъ, а и на партахъ своихъ аудиторій.

Въ 1882 или въ 1883 году,—точно года не помню,—двѣ курсистки въ мужскомъ костюмѣ явились въ академію на лекцію по исторіи философіи и прослушали двѣ лекціи подрядъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ подвигъ во имя и славу науки. Тотъ же профессоръ читалъ исторію философіи и на женскихъ курсахъ. По городу давно ходили темные и глухіе слухи, что на курсахъ профессоръ читаетъ философію пожиже, а въ академіи много погуще. Вполнѣ естественно, что любознательнымъ курсисткамъ захотѣлось отвѣдать не млека любомудрія, а тройной жестокой мудрости и для этого онѣ рискнули на довольно опасный маскарадъ.

Большой переполохъ произвелъ въ свое время этотъ характерный инцидентъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія и въ пе-

тербургскихъ полицейскихъ установленіяхъ. Поэтому даже въ стѣнахъ академіи юному дѣвственнику и отшельнику спасенія отъ курсистокъ нѣтъ.

Тотъ же соблазнъ проникаетъ за эту ограду и другими путями.

Могу сослаться на очевидцевъ и многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что студенты с.-петербургской духовной академіи за послѣднее время съ женщинами разговариваютъ и, по всей видимости, ихъ не боятся. Были ли отступленія отъ этого правила, въ какомъ смыслѣ и въ какомъ количествѣ, документально сообщить не могу, но убѣжденъ, что, если это когда-нибудь и было, то теперь

Andre Zeiten, andre Vögel
Andre Vögel, andre Lieder.

Кромѣ того, далеко не всѣ кандидаты богословія мямли и заики. Между ними давно завелись ораторы, которые и Аладьину носъ утрутъ. Окончилъ академію, значитъ говорилъ и съ каѳедры,—не только церковной, но и свѣтской. Хорошо ли, худо ли они изучаютъ полный курсъ богословскихъ наукъ, вопросъ другой, но я не допускаю и мысли, чтобы при успѣшномъ окончаніи академическаго курса они становились такими косноязычными и юродивыми, какимъ представленъ „Васюта“ Ивановичъ, Геннадіевъ сынъ, въ разговорѣ съ „строгой“ и блистательной Викой.

И еще одна подробность.

Есть здѣсь нѣкоторое смѣшеніе личностей. Васюта обвиняется въ плагіатѣ.

— Я мертвый,—говоритъ будто бы онъ.

Но это говоритъ не онъ, а г. Мережковскій. Вы помните?

Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю.

Поэтому разубѣждать убѣжденнаго почти-покойника г-жѣ Гиппіусъ слѣдовало не въ лицѣ Васюты, а въ другомъ лицѣ.

———

XVIII.

Вика на краю обрыва вспоминаетъ свою раннюю молодость, свою строгость, свой темпераментъ и свою „физіологію, и ничего больше“.

„Вика повернула голову. Увидала на краю обрыва, поодаль, тоненькую, черную фигурку въ подрясникѣ. „Вася этотъ, монахъ!“ догадалась Вика. По длиннымъ вялымъ волосамъ узнала, камилавку (?) онъ снялъ.

„Сидитъ, не оборачиваясь, согнулся, на закатъ смотритъ. А солнце уже зашло, сумерки.

„*Сама не зная, зачѣмъ*, Вика его окликнула:—„Васюта“! И неловко ей стало. Но какъ-же его позвать?

„Онъ вздрогнулъ, спохватился, но тотчасъ-же всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы извините, Василій... Геннадіевичъ (наконецъ-то!),—заторопилась Вика,—я васъ Васютой... Но просто не сообразила...

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста... У васъ всѣ издавна меня такъ зовутъ. Я ужъ привыкъ...

„Онъ стоялъ передъ ней, не зная, что ему дальше дѣлать.

— Сядьте, здѣсь рѣка виднѣе,—сказала Вика.—Вы на рѣку смотрѣли?

„Онъ *неловко сѣлъ, поджавъ ноги*. Вѣтеръ чуть шевелилъ его слабые длинные волосы. Узкое лицо казалось нѣжно-розовымъ въ лучахъ заката. Что-то безпомощное и странное—но и суровое было въ немъ, въ складкахъ длиннаго платья и въ выраженіи губъ.

— На солнце смотрѣлъ,—проговорилъ онъ.—Хорошо закатывается. Я часто сюда подъ вечеръ прихожу.

— Вы любите природу?

„Рѣшительно Вика не знала, что съ нимъ говорить и какъ.

— Нѣтъ, что-жъ,—сказалъ онъ—и потупился.

„Испугался.

„Тогда Викѣ стало его мучительно жалко, но и досадно, что онъ такъ боится, а она не умѣетъ завязать съ нимъ разговора. И она спросила почти грубо:

— Что-же вы любите?

— Вотъ, сидѣть здѣсь люблю. *Еще службу предпраздничную торжественную, особенно архіерейскую люблю*. Приходите ко всенощной въ середу, подъ Спасъ. Архіерей пріѣдетъ. Я навѣрно иподіакономъ буду. Очень хорошо у насъ служатъ.

— Странно, вы академію кончили, въ Петербургѣ жили, *а совсѣмъ не интеллигентны*,—сказала Вика жестко.

„Боится —такъ пусть-же и боится. Или пусть обидится.

„Но Васюта не обидѣлся. Кротко и просто подтвердилъ:

— Да куда-же мнѣ! Я не умѣю разговаривать. Въ Петербургѣ жилъ истинно затворнически. Здѣсь тоже. Вообще *я мертвый человѣкъ*.

— Почему-же мертвый?—*сердито* сказала Вика.—Вѣчно повторяете. Что-жъ, отъ *мертвости* и въ монахи пошли?

— Нѣтъ, я не монахъ. Я, можетъ, и не постригусь никогда.

— Такъ и будете все послушникомъ? Или что будете дѣлать?

— Самъ еще не знаю,—сказалъ Васюта медленно; онъ смо-

трѣлъ въ даль, *охвативъ руками колѣна.*—Характеръ у меня нерѣшительный. *А сомнѣнія у меня великія.*

„Вика заинтересовалась.

— Сомнѣнія? Какія, религіозныя?

— Да какъ вамъ сказать? *Самъ не знаю.* Просто скажу. Въ Бога вѣрю. И въ Христа вѣрю...

„Тутъ онъ строго и твердо взглянулъ на Вику, она (?) даже сконфузилась и опустила глаза.

— А что грѣхъ и что не грѣхъ—разобраться не могу,—докончилъ онъ.—И какъ жить, поэтому, тоже не знаю...

— Но вѣдь въ Евангеліи написано... и Церковь учитъ...—сказала Вика очень серьезно и почти робко.

—Учитъ... *Вотъ я и рѣшилъ было, что все—грѣхъ. И солнце, и житье въ міру съ людьми, а въ монастырѣ спасеніе. Пожилъ—вижу, не то. Душа не вполнѣ принимаетъ. То есть плоть-то усмиренная, мертвый я,—а умственныя и душевныя сомнѣнія большія.* Да что я вамъ?—вдругъ опомнился онъ.—Вы вотъ объ Евангеліи... А вы сами-то, вѣрите? Вѣдь не вѣрите?

„И опять поглядѣлъ на нее строго. Вика молчала. *Не нашлась. Не знала, вѣрить или не вѣрить. Никто никогда не спрашивалъ ее объ этомъ. Сама не думала раньше. А сказать первое попавшееся—ему, какъ-то было нельзя.*

— Вы, можетъ, и убійства разныя устраивали?—сказалъ Васюта еще серьезнѣе. Очень это было неожиданно.

„Вика вся вспыхнула.

— Неправда! Неправда! *Не говорите о томъ, чего не понимаете! Ничего я не устраивала! И не могу! Это совсѣмъ не то! И людей не осуждайте, ничего не зная, не понимая, чѣмъ они движимы! Они, можетъ, святѣе вашихъ монаховъ! Да и навѣрно святѣе! И они живые, а не мертвые! Вотъ вы не знаете, какъ жить, а они ученіе христіанское, высоко-моральное, въ жизнь проводятъ! И я сама... какъ-же можно не вѣрить этому? Какъ тутъ можно сомнѣваться?*

„*Ей теперь казалось искренно, что она всегда вѣрила—въ христіанство, и даже въ него только и вѣрила. Только не опредѣляла этого.*

„Васюта весь сжался и поблѣднѣлъ. *Испугался окончательно.* Оба одинаково не понимали другъ друга и обоимъ было нехорошо.

— Извините меня, пожалуйста,—сказала Вика, опомнившись.

„Виноватъ былъ онъ, а не она (?), но *очень ужъ у Васюты лицо отъ страха измѣнилось, и Викѣ опять стало его мучительно жаль.* Васюта махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не умѣю я разговаривать. Куда мнѣ. Простите, Бога ради. Я пойду, мнѣ пора.

„Вскочилъ, ушелъ, почти убѣжалъ. *А Вика осталась въ недоумѣніи, жалости и досадѣ. Думала о томъ, во что она вѣритъ, во что нѣтъ.*

„За ней Тася пришелъ,—чай пить. Вика вдругъ спросила его:

— Тася, ты любишь службу въ церкви, предпраздничную?

„Вася покраснѣлъ и засіялъ:

— Ужасно люблю. Въ середу будетъ. Архіерейская.

— А будешь самъ архіереемъ?

— Я? Зачѣмъ мнѣ? Я просто люблю, когда служатъ. Какъ хорошо, какъ хорошо, Вика".

XIX.

Да, этотъ камень, брошенный въ воду г-жей Гиппіусъ, трудно вытащить и десяти мудрецамъ. Но изъ этой бездонной пучины попробуемъ извлечь нѣсколько перловъ.

Васюта вездѣ и во всемъ униженъ и оскорбленъ. Вика, какъ кадеты, вездѣ и во всемъ торжествуетъ побѣду.

— Вы совсѣмъ не интеллигентны,—*жестко* говоритъ Вика.

Это самая отравленная пароянская стрѣла въ колчанѣ мыслящей Россіи. О сущности интеллигентности и идейности здѣсь теперь говорить не будемъ. Сколько нелѣпости и вздора прячется подъ этимъ нищенскимъ рубищемъ, становится виднѣе съ каждымъ днемъ. Станемъ на точку зрѣнія г-жи Гиппіусъ.

Вика—не права. „Интеллигентности" у нея меньше, чѣмъ у Васюты. Вѣдь студенты с.-петербургской духовной академіи не переодѣвались въ женское платье, чтобы контрабандой слушать профессоровъ высшихъ женскихъ курсовъ, а курсистки—переодѣвались въ пиджаки и мужскіе панталоны.

Этимъ роковой вопросъ рѣшенъ разъ и навсегда, абсолютно, принципіально, для всѣхъ временъ и народовъ. Вика, побѣдоносная, какъ кадеты, и лжетъ, какъ кадеты. Тому примѣровъ много. Вика съ мѣста въ карьеръ, какъ трудовики, начинаетъ съ крѣпкихъ словъ и шумныхъ возгласовъ: „долой".

Но выйдемъ изъ предѣловъ волшебной интеллигентности.

На Васюту клевещетъ не только Вика, но и г-жа Гиппіусъ: не могъ говорить того Васюта, что будто-бы онъ говорилъ. Не могъ такъ говорить кандидатъ богословія. Не пошелъ бы въ послушники такой безпринципный атеистъ, какъ выдуманный призракъ Васюты, нигилистъ до мозга костей. Все, что говорится о грѣхѣ—идейный

вздоръ. Тамъ, гдѣ нѣтъ строгаго и точнаго понятія о грѣхѣ, тамъ гдѣ люди не знаютъ, „какъ жить",—нѣтъ никакой религіи и нѣтъ мѣста для нея. Гдѣ нѣтъ понятія о грѣхѣ, нѣтъ Бога и нѣтъ Христа.

Это простая, старая истина. Ее знаетъ не только Васюта, но и маленькій Тася. Едва-ли кандидату богословія прилично томиться великимъ сомнѣніемъ, какъ жить, что дѣлать,—

Идти-ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ прохожихъ убивать.

Если-бы этотъ вопросъ былъ имъ не рѣшенъ еще на школьной скамьѣ, ему не дали бы академическаго диплома. Если-бы онъ сталъ имѣть „великія сомнѣнія" въ этой области по окончаніи курса, его слѣдовало сослать въ монастырь на покаяніе или лишить всѣхъ правъ на служеніе церкви. Вѣдь и иподіакону не надлежитъ быть строго послѣдовательнымъ нигилистомъ и атеистомъ.

Если-бы игуменъ монастыря узналъ о такихъ „вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ" безбожника-иподіакона, его отдали-бы подъ началъ строгому старцу или попросту выгнали-бы изъ обители, пребываніе въ которой такъ-же недопустимо для г-жи Гиппіусъ, какъ для гг. Розанова, Минскаго, Тернавцева, Бѣлявскаго, Карташева и Мережковскаго. Въ монастыряхъ пока-что еще не вездѣ совершается шабашъ на Лысой горѣ.

Но намъ кажется, что дѣло до этого не дошло. Думается мнѣ, что г-жа Гиппіусъ и Вика... фантазируютъ. Ученый иподіаконъ этого не говорилъ. Дамамъ это только такъ показалось. У нихъ часто бываютъ галлюцинаціи слуха. Они будто-бы слышатъ то, что имъ хочется слышать. Въ интересахъ идейнаго беллетристическаго эффекта надо было совсѣмъ опоганить вяло-волосаго иподіакона и на его спинѣ поставить пьедесталъ для глупенькой Вики, которая лжетъ, какъ... кадеты, беззастѣнчиво, грубо, нагло, съ обязательнымъ оглядомъ на лѣво.

Со словъ г-жи Гиппіусъ, мы уже достовѣрно знаемъ, что Вика „молчаливо признавала" „дѣйствія", „какъ необходимыя". На это имѣется оффиціальный документъ, скрѣпленный подписью и печатью г-жи Гиппіусъ.

Съ чего-же Вика такъ изолгалась? Пусть она „ничего не устраивала". Но она прямо говоритъ, что тѣ, которые совершаютъ идейныя убійства, „святѣе вашихъ монаховъ". Она „спряталась въ ямку", дома, потому что стала сомнѣваться, дѣйствительно-ли революціонеры живые люди, а теперь, по побужденіямъ партійной дисциплины, прячетъ свое „великое сомнѣніе". И вдобавокъ, — ложь лжей и вѣнецъ лжи,—утверждаетъ, что кинжальщики и бомбометатели истинные пророки и апостолы христіанства, что они „движимы" силою христіанской любви и всепрощенія.

Васюта *не испугался*, потому что онъ, какъ человѣкъ образованный, видѣлъ насквозь софистику и фальшь въ заказной декламаціи разочарованной революціонерки, а *устыдился* за нее. Да и прямо неловко, когда въ глаза говорятъ такія нелѣпицы и небылицы, считая собесѣдника длинноухимъ осломъ и медицински-удостовѣреннымъ идіотомъ. Вика грубо и цинично сказала все, что такъ рѣзко противорѣчитъ дѣйствительности, и торжествовала побѣду, видя въ своей наглости свое идейное превосходство.

Впрочемъ, мы готовы думать, что г-жи Гиппіусъ сдѣлалъ это безъ явнаго злаго умысла. Просто, въ глубинахъ хаоса ея дремучаго невѣжества и въ абсурдахъ жизни разверзлись такія идейныя хляби, что оттуда фонтаномъ брызнула грязная струя болотной жижи.

Во всемъ, конечно, надо искать лучшихъ побужденій, какъ бы ни были циничны и нелѣпы выводы. Вѣдь и кадеты лгали не совсѣмъ по доброй волѣ: они тоже „испугались окончательно". На нихъ строго смотрѣли слѣва и они готовы были „соскочить" и „убѣжать", пока внѣшнія обстоятельства не упростили и не облегчили ихъ положенія.

Нѣтъ, правдивости и искренности—подъ желѣзною дисциплиною идейности и интеллигентности—мѣста нѣтъ...

XX.

Но побѣдили—не Вика и кадеты, а Васюта и архіерейская служба.

„Они пошли въ среду.

„Въ саду темно, церковь огнями горитъ. Народу, богомольцевъ со вчерашняго дня еще кучи привалило (?) въ монастырь.

„Вика съ Тасей рано пошли, успѣли впередъ пробраться. *Вика пошла изъ любопытства. Какъ-то все вмѣстѣ у нея не вязалось. Сама не знала, зачѣмъ пошла.*

„Вспомнила, что была въ церкви и въ Петербургѣ. Въ соборѣ на панихидѣ. Но точно и не была тогда. А вотъ дѣвочкой, здѣсь-же въ монастырѣ,—вотъ это она ярко вспомнила. Только не вспомнила, что думалось тогда. Кажется то же, что и теперь. *Правда, теперь она знаетъ, что это просто культъ, форма извѣстной религіи и больше ничего. Но какъ-то не въ томъ (?) дѣло. Культъ, такъ культъ.* Но она тутъ дѣвочкой была. И своимъ, роднымъ, корневымъ на нее пахнуло. *А мысли тутъ всѣ мимо.*

„Теплая, пахучая, восковая духота. Волны сизаго кадильнаго

дыма. Волны набѣгающія томительнаго пѣнія. Огни—и золото, мерцающее въ огнѣ. И медленныя, торжественныя движенія людей, стариковъ, одѣтыхъ въ золото.

„У Таси *горящее лицо, нездѣшніе глаза. Но онъ слѣдитъ за одной точкой. Онъ ждетъ.* Вика сразу не узнала Васюту, когда онъ вышелъ слѣва на середину церкви, за архіереемъ и священниками, въ бѣлой блестящей діаконской ризѣ, съ высокимъ двусвѣчникомъ въ рукахъ. *Онъ казался ей выросшимъ, удивительнымъ, свѣтлымъ и далекимъ. Тасѣ тоже, вѣроятно, онъ казался такимъ, только онъ его сразу узналъ, потому что такимъ именно и любилъ, и ждалъ его отъ самаго начала. Это была его великая и святая тайна. Ему казалось, что всѣ счастливы, какъ онъ, потому что каждый здѣсь любитъ и ждетъ кого-нибудь, одного, ему одному извѣстнаго, съ такой же сладкой жутью и блаженствомъ, и такимъ же этотъ одинъ дѣлается здѣсь, въ церкви, таинственно-свѣтлымъ и святымъ. А тайна въ томъ, что это выше человѣка, и еще въ томъ, что никто не знаетъ, кто кого любитъ. Тася полюбилъ Васюту именно такимъ, здѣсь, и когда онъ приходилъ къ нимъ простой, въ подрясникѣ,—на немъ все равно лежали здѣшніе лучи. Тася все равно зналъ, какой онъ настоящій.*

„Поютъ, поютъ,—это прославляютъ торжество любви каждаго, благодарятъ Бога за даръ такого неслыханнаго блаженства. Кто любитъ владыку? Тася, можетъ быть, любилъ бы его, если-бъ ужъ не любилъ Васюту. У владыки такое прекрасное лицо, точно у Бога-Отца. Тася и его, конечно, любитъ, ужасно любитъ, но ужъ потому, что любитъ Васюту сперва, съ томительнымъ и святымъ блаженствомъ. А кого любитъ владыка? Можетъ быть, тоже Васюту? Пусть! Пусть! Пусть бы и Вика любила Васюту.

„Молодой иподіаконъ чуть перевелъ глаза и поглядѣлъ въ ихъ сторону. Но скользящимъ, едва видящимъ глазомъ. Сквозь сизыя облака опять лицо его показалось Викѣ *удивительнымъ, не мужскимъ и не женскимъ.* Ангельскимъ, сказалъ бы Тася твердо. Викѣ это не пришло въ голову.

„Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

„Тася всталъ на колѣни, крестился, кланялся и шепталъ: слава, слава!

„Вика не кланялась, только по вдругъ вынырнувшей (?) изъ прошлаго привычкѣ крестилась. Ничего не шептала—но и не думала ни о чемъ. *Ей было хорошо и странно.* Голова немного болѣла и кружилась. Устала, но не хотѣлось уходить. Такъ же, какъ иногда съ обрыва, отъ рѣки.

„Она съ Тасей подошла къ аналою, гдѣ ей сдѣлали крестъ на лбу душистымъ и теплымъ масломъ. Поцѣловала тяжелое золотое

Евангеліе. И точно это было другое какое-то Евангеліе, а не та высоко-гуманная человѣческая книга, вѣру въ которую она недавно отстаивала. Ихъ было два, но ей казалось въ эту минуту, что она вѣритъ, и всегда вѣрила,—въ оба“.

———

XXI.

Какъ во всякомъ идейномъ беллетристическомъ произведеніи при описаніи православнаго богослуженія, здѣсь есть, конечно, слѣды кощунства и святотатства. Но легкій оттѣнокъ явнаго садизма придаетъ у г-жи Гиппіусъ языческій характеръ христіанскому „культу“. Въ мечтахъ Таси—есть признаки какого-то эротическаго помѣшательства.

„Великая и святая Тасина тайна“ отзываетъ чѣмъ-то нездоровымъ, болѣзненнымъ. Эта любовь каждаго къ одному, эта секретная радость по поводу того, что „никто не знаетъ, кто кого любитъ“, это „неслыханное блаженство“ въ сознаніи „торжества любви“, этотъ владыка съ лицомъ „Бога-Отца“, этотъ молодой иподіаконъ съ лицомъ „не мужскимъ и не женскимъ“—вносятъ какой-то языческій,—мистическій и сладострастный оттѣнокъ въ архіерейскую „предпраздничную“ службу.

Обычная формула Вики: „физіологія, и ничего больше“,—превращается здѣсь въ формулу: „культъ, и ничего больше“, но какъ-то туманно превращается въ еще болѣе интимный выводъ: „интересный иподіаконъ, и ничего больше“.

Но это грязь какой-то мечтательной и импотентной физіологіи и, отмѣтивъ ее, можно на ней не останавливаться.

Для фабулы разсказа важно только то, что за этой службой начался платоническій и безполый романъ отдыхающей революціонерки и сомнѣвающагося иподіакона. Дѣло пріобрѣтаетъ нѣсколько лубочный характеръ и поставщикамъ рыночной макулатуры можно было бы порекомендовать такое пикантное заглавіе для исключительной ходкости новаго товара на злободневныя темы.

До сихъ поръ всегда и во всемъ верхъ брала Вика. Васюта только пугался и отступалъ. Теперь временное превосходство на сторонѣ о. иподіакона. Онъ сіяетъ огнями высокаго двусвѣчника, какъ какой-то обольстительный статистъ изъ церковнаго балета.

„Они странно встрѣтились, Вика и Васюта, черезъ два дня послѣ всенощной. Опять на берегу обрыва, въ быстро чернѣющій, душный августовскій вечеръ.

„Онъ, Васюта, былъ прежній, робкій и неловкій послушникъ въ черномъ подрясникѣ—и вдругъ строгій и взыскательный. Но онъ

уже былъ и тѣмъ легкимъ юношей среди огней и дыма съ двусвѣщникомъ въ рукахъ. Вика по-прежнему не знала, о чемъ съ нимъ говорить, *но какъ будто бы и не очень надо было говорить. То-есть разсуждать. Все такъ сложно, запутано и непонятно, что лучше ужъ быть совсѣмъ попросту* (?).

— Ночь душная, тополями пахнетъ,—сказалъ Васюта.

— Садитесь со мной. Да, душно... точно въ церкви за всенощной, только иначе,—сказала Вика и усмѣхнулась.

— А вѣдь хорошо служили?

— Очень хорошо. Послушайте, Васюта. Вотъ вы меня спрашивали, вѣрю ли я въ Бога. *Мнѣ кажется*, я вѣрю и всегда вѣрила. Только объ этомъ надо говорить... *какъ-то съ другой стороны, что ли.*

„Она затруднилась. Онъ промолчалъ, *не понялъ*. Она продолжала:

— *На время все забыть—а только съ другой стороны смотрѣть... Ну, я не знаю, все равно. А въ грѣхъ я не вѣрю,*—прибавила она неожиданно.

„Васюта взволнованно и тихо кивнулъ головой.

— Вотъ и я тоже. То есть не вообще въ грѣхъ, человѣкоубійство, напримѣръ... А какъ считается, повсюду у насъ.... До чего доходятъ! Вѣдь на небо голубое посмотрѣть—и грѣхъ. Нѣтъ, это не такъ. *Все* Божье. И люди Божьи. Господня земля и все, что наполняетъ ее.

„Вика едва различала въ душныхъ сумеркахъ узкое лицо послушника, овѣянное слабо вьющимися волосами. Онъ казался ей нѣжнымъ, строгимъ и прекраснымъ.

— Да *все* хорошо,—сказала она.

„Онъ повторилъ, просто:

— *Все* хорошо. *Очень.*

„ *Они были какъ дѣти, ничего не знающіе, все забывшіе и равные въ этомъ незнаніи. Только чувствовали, что все „хорошо“.*

— Можно мнѣ поцѣловать васъ?—спросила *Вика* и даже не удивилась этимъ своимъ словамъ, хотя и не ожидала ихъ.—Мнѣ хочется ужасно. Мнѣ *кажется*, что я васъ люблю.

„Онъ тоже какъ будто не удивился. *Съ готовностью повернулся къ ней.*

— Да, поцѣлуйте. И я васъ поцѣлую, если можно. И я васъ люблю. Я только говорить не привыкъ и боялся. Но я давно думаю, что это (?) — *не грѣхъ, а хорошо, нужно, свято.*

„Они торопливо шептались, хотя кругомъ было пустынно, темно и тихо, даже кузнечики молчали въ короткой августовской травѣ, даже съ рѣки, снизу, не слышалось шелеста воды.

„ *Вика* обняла худенькія плечи юноши и щекой коснулась его

лица. Потомъ они поцѣловались, оба вмѣстѣ, неловко и *радостно соединивъ губы.* Потомъ, все молча, еще разъ поцѣловались, и еще.

„Давно забытая, но знакомая сладкая жуть облила Вику. Она, было, *испугалась чего-то*, но испугъ тотчасъ-же прошелъ, ей было хорошо. И грустно. И ему тоже вѣроятно, потому что онъ сказалъ:

— Мнѣ плакать хочется. Но какъ это радостно. Спасибо вамъ. Меня никто не цѣловалъ. И я никого.

„Вика шепнула:

— Молчи. А то мнѣ будетъ страшно. *Я вѣдь сама ничего не понимаю.*

„Онъ покорно умолкъ, только нашелъ робко ея руку и поцѣловалъ. Она не отняла руки. Такъ они просидѣли, обнявшись долго, потомъ еще разъ, медленно, жарко и нѣжно поцѣловались и разошлись“.

XXII.

Просто. Пожалуй, слишкомъ просто. Немного было нужно, чтобы стало *„все* хорошо“. Что-то въ родѣ райской идилліи. „Ничего не знавшіе, все забывшіе, равные въ незнаніи“. Первый въ мірѣ романъ и грѣхъ.

И Васюта не удивился, когда Вика, „строгая“ Вика,—„точно монахиня“ по отзыву товарокъ и товарищей по революціи, которой некогда было „заниматься личными страстишками и психологіями“, которая благословляла судьбу за то, что „ей не нужна эта физіологія“,—первою бросается въ атаку и проситъ у о. иподіакона поцѣлуевъ!

Они цѣловались и—*ничего не понимали.* Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Викѣ. Но она ошибалась: Васюта—понималъ. Да и героиня несуществующаго строя мало-по-малу и незамѣтно для себя переходила въ строй существующій, хотя все еще жила и чувствовала на оба фронта.

„Мысли, серьезное (?) дѣло, отвѣтственность (?)—это съ одной стороны,—а рѣка, звѣзды, захолустная тишь, огни всенощной, золотое евангеліе и Васюта на берегу обрыва—это все съ другой стороны. И тутъ, съ этой другой стороны, у Вики уже не было никакихъ размышленій, она даже не пыталась думать, *даже не знала, гдѣ она-то, сама Вика, на этой или на той сторонѣ? Можетъ быть, и здѣсь и тамъ, по половинкѣ. Значитъ, собственно нигдѣ. Ну, не все-ли равно. Только бы обѣ были. И даже какъ-то спокойнѣе, что онѣ разорваны.*

„Не то въ затменіи, не то *въ обычномъ полуснѣ* жила Вика.

*

Вѣроятно, она думала, что и Васюта живетъ такъ-же. Они по прежнему ни о чемъ не могли *путно* разговаривать, и Викѣ не хотѣлось. Видѣлись въ церкви и дома. По вечерамъ, темнымъ, луннымъ и звѣзднымъ, сходились на краю обрыва, и цѣловались и Вика вторила ему: „люблю", а когда онъ разъ спросилъ ее, любила-ли она еще кого-нибудь, она съ увѣренностью отвѣчала, что нѣтъ, и что не могла бы любить никого, кромѣ него.

— Значитъ, на всю жизнь?—обрадованно сказалъ онъ.

— *Ну да, конечно, на всю жизнь.*

„Онъ умолкъ, долго, серьезно, молчалъ. Потомъ вдругъ сказалъ:

— И я тоже, на всю жизнь—одну. Я говорилъ, что у меня характеръ нерѣшительный. Это неправда. И вы въ меня новую силу влили. Вы вся—точно источникъ жизни для меня. Вотъ вы увидите...

„Она вдругъ испугалась. *Но не знала, чего.* Разспрашивать — *не хотѣлось. Лучше такъ сидѣть.* Звѣзды тихія, снизу водой пахнетъ, и онъ, милый, странный, робкій и строгій,—близко. *Чувствовать его нѣжную и близкую теплоту.* И еще чего-то ждать, вѣчно на что-то надѣяться, что—*придетъ или не придетъ*, все равно счастье.

„Онъ поцѣловалъ ее какъ-то особенно, можетъ быть, даже слишкомъ крѣпко и властно... Но Вика пришла домой *въ томъ-же полуснѣ, надѣясь на завтра*"...

XXIII.

„Физіологія, и ничего больше"... Психологія сонная, вялая, пассивная. Логики нѣтъ и въ заводѣ.

А у Васюты все это было. Онъ вдругъ куда-то скрылся и въ письмѣ—миломъ и нѣжномъ,—увѣдомилъ свою невѣсту, что онъ скоро вернется.

Двѣ половинки Вики стали колебаться, хотя и не сразу.

Прочитала письмо и, какъ всегда, „ничего не поняла".

„Васюта-ли писалъ? О чемъ онъ? Не хотѣлось размышлять. Вернется скоро—на этомъ успокоилась. Вернется, а тамъ уже все будетъ хорошо, какъ нужно".

„Вика сидѣла дома, въ маленькой комнатѣ съ кисейными занавѣсками. Сначала такъ сидѣла, все еще въ полуснѣ и затменіи, точно въ облакѣ дыма кадильнаго. Не читала. А потомъ начала сволакиваться (?), измѣняться. То есть не ушло ничего, но рядомъ и другое стало подниматься. Прежнее, дневное, рабочее, нудное (?),—но трезвое. Ей надо ѣхать. Не то, что хочется, или необходимо, но *тупо тянетъ, нужда какая-то. Потому что, если не ѣхать, то что-же?*

„Но сдѣлалось не хорошо. Безпокойство вставало. Ночи прошли, опять день, вѣчный, однообразный. Не мучила совѣсть, потому что ночи—правда, и любовь эта ея къ Васютѣ, робкому и строгому—правда. Но если правда—зачѣмъ-же уходить отъ нея, ради чего покидать? А если есть и другое, другой монастырь,—„другая сторона", какъ она себѣ говорила,—то теперь ихъ разрывъ и раздѣленіе были съ каждымъ днемъ все мучительнѣе, все недоумѣннѣе.

„Потомъ стала придумывать выходъ.

— Это вѣдь не одна физіологія, моя любовь, а любовь. И вѣдь не романтизмъ же сантиментальный. Это надо какъ-нибудь въ трезвую жизнь ввести. *Я пока совсѣмъ не знаю его*—узнаю. Найду его въ Петербургѣ. Тамъ все выяснится, ближе сойдемся, поговоримъ. Надо трезво разсуждать.

„Забыла, что сама не хотѣла говорить съ нимъ, все смутно боялась чего-то, вовсе не разсуждала.

„Такъ мѣсяцъ прошелъ, и полтора".

„Она рѣшила ѣхать черезъ два дня. Сегодня ей хорошо, весело, чуть-чуть грустно, все кажется милымъ. Рада, что Васюта не вернется сюда, она найдетъ его въ Петербургѣ. Любитъ его, помнитъ его, близкаго, милаго, свѣтлаго.

„Вика знаетъ, догадывается, что Тася тоже „влюбленъ" въ Васюту и это ей нравится. Теперь Викѣ не кажется гадкимъ слово „влюбленъ". Это хорошо, свѣтло, близко. Тутъ живое, тутъ не вся жизнь, но цѣлая половина.

„Впрочемъ,—не опредѣленія у нея умственныя, не выводы психологическіе, а такъ чувствуется. Пока только чувствуется—и легко, и вѣришь, что все выяснится, а начнетъ Вика, *при ея непривычкѣ*, надъ этимъ думать,—мучительный, перепутанный во всѣхъ концахъ, узелъ".

XXIV.

Разъ осеннимъ вечеромъ случилось „нѣчто неожиданное" (?). Вернулся Васюта. Онъ нашелъ себѣ мѣсто преподавателя въ Петербургѣ, надѣялся стать священникомъ и профессоромъ.

„Вика едва сообразила, что это Васюта. Потому что ни слѣда Васюты не было. Даже странно, что можетъ человѣкъ вдругъ такъ измѣниться. Передъ Викой стоялъ молодой семинаристъ (академикъ?), довольно пріятной наружности, не особенно ловкій, одѣтый во все дешевенькое и новенькое, не безъ претензіи— и, что главное,—очень довольный собой. Онъ и говорить сталъ иначе — гораздо больше, громче и увѣреннѣе.

„Тася, молча, прослушалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ полу-

чилъ мѣсто, какъ ѣздилъ,—потомъ всталъ и ушелъ куда-то. Вика не ушла, но тоже молчала и глядѣла въ странномъ недоумѣніи.

„Долго онъ сидѣлъ и все говорилъ. Мать вышла. Только что она вышла, — Василій Геннадіевичъ какъ-то выпрямился, подвинулъ свой стулъ къ Викѣ и сказалъ:

— Вѣдь я все для васъ, дорогая моя! Я жизнь черезъ васъ понялъ. Энергію вы въ меня новую вдохнули. Я руки вашей просить пріѣхалъ. Что я былъ? Мертвый человѣкъ! И давно ли? А вы любовью своей меня преобразили. Тяжелыя, мучительныя сомнѣнія мои разсѣяли. Я мальчишка былъ, дитя,—а тутъ взрослымъ мужчиной себя почувствовалъ. Теперь ужъ не разстанемся!

„И онъ еще придвинулся къ ней, взялъ за руку съ неуловимымъ, вѣроятно, инстинктивнымъ, правомъ будущаго мужа, хотѣлъ, кажется, обнять и поцѣловать ее. Потянулся.

„Вика вскочила въ смертельномъ ужасѣ. Какая-то *чернота* (?) *наплыла на нее, густая, и она точно тонула въ ней! Чернота голову накрывала.* Кто это? Не Васюта,—конечно, не онъ! Но даже и не студентъ Леонтьевъ (хотя общее съ Леонтьевымъ мелькнуло что-то), а человѣкъ со всѣхъ сторонъ, и съ этой, и съ той, далекій ей ненужный, совсѣмъ чужой. Да, студентъ Леонтьевъ, и *дневной рабочей жизнью съ ней не связанный.*

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормочетъ Вика растерянно, отстраняя тянущіяся къ ней руки молодого человѣка. — Извините... *Вы не поняли* (?). Я не могу... Это недоразумѣніе...

„И вдругъ закричала:

— Вы права, наконецъ, не имѣете... Уйдите, пожалуйста...

„Онъ искренно удивленъ. Ничего не понимаетъ. *И Вика ничего не понимаетъ.* Васюты нѣтъ. Былъ ли Васюта, отважный, звѣздный, со свѣтильниками—или это все только глупо снилось?

„Что-то робкое, прежнее глянуло на минуту изъ него.

— Я уйду, уйду... Вы разстроены сегодня... Я, можетъ, неожиданно все очень... Я завтра утречкомъ приду...

„И ушелъ, неловко, задомъ, пятясь къ дверямъ, смѣшной въ своемъ новенькомъ кургузомъ пиджачкѣ.

„Вика слышала, какъ хлопнула дверь. Пошла медленно въ свою комнатку, рядомъ съ Тасиной,—крошечной каморкой.

„И вдругъ услыхала странные звуки. Точно кто-то глухо лаялъ. Это плакалъ Тася, уткнувшись въ подушку. Когда Вика вошла къ нему со свѣчей,—онъ поднялся, угрюмо сѣлъ на постели и зло (?) посмотрѣлъ на сестру.

— Чего ты?—сказала она.

— Чего чего? Почемъ я знаю?

„Опять поглядѣлъ на нее. *Видно было, что онъ дѣйствительно не знаетъ.*

— А ты-то чего? Ты-то?—вскричалъ онъ вдругъ злобно, указывая на нее пальцемъ.

„Вика было не поняла, но потомъ вдругъ замѣтила, что она тоже плачетъ. Это было удивительно, она и не помнила, когда плакала.

— *Я... не знаю...* — растерянно, уже откровенно сквозь слезы сказала она.

„Мальчикъ съ рыданіемъ и злорадствомъ крикнулъ:

— Да! И сама тоже! А еще образованная, большая, петербургская! Ну, уйди! Ну, и пусть!

„И опять уткнулся въ подушку.

„Но Вика не ушла, сѣла на постель, рядомъ, обняла Тасю сзади и, прижавшись къ его черному, вспотѣвшему мальчишескому затылку, стала плакать тихонько, вздыхая.

„Оба плакали, *не зная о чемъ, а еслибы знали, то, можетъ быть, слезы были бы еще солонѣе и тяжеле. Знали смутно, то плакали о Васютѣ, настоящемъ, котораго можно было любить и котораго по настоящему никогда не было*".

XXV.

Что-же случилось? Гдѣ же разгадка этого беллетристическаго и идейнаго ребуса? Куда исчезло то золотое сіяніе, которое еще такъ недавно окружало голову интереснаго о. иподіакона?

Все, что коробило знакомыхъ Васюты и его невѣсту, исчезло. Кандидатъ богословія пересталъ быть послушникомъ, не увлекался сценическою ролью иподіакона за архіерейской службой. Онъ учитель. Онъ хочетъ быть профессоромъ. Правда, онъ хочетъ быть и и священникомъ. Но это недоразумѣніе. Его взглядъ на грѣхъ и грѣхи закрываетъ для него всѣ виды духовнаго служенія и ставитъ его внѣ религіи.

Развѣ это не прогрессъ? Не ростъ личности и правового сознанія? Теперь онъ вполнѣ подходящій и даже завидный женихъ для всякой молодой дѣвушки, даже революціонерки, потому что и Васюта не лыкомъ шитъ,—можетъ идти и впередъ, и выше.

Въ кургузомъ пиджакѣ онъ былъ неловокъ. Но въ ряскѣ (?) и камилавкѣ (?) онъ вѣдь тоже не былъ свѣтскимъ дэнди. И Викѣ даже нравилась его угловатость. И съ чего Вика чувствуетъ себя такой патриціанкой и аристократкой? Вѣдь и сама она одѣвалась, „какъ монахиня". Да развѣ костюмъ имѣетъ такое рѣшающее зна-

ченіе? Онъ одѣтъ въ „дешевенькое и новенькое". Что же? Дѣло поправимое. Новенькое обносится, а дешевенькое можно будетъ замѣнить другимъ: у о. Геннадія водятся деньжонки, да и у Васюты мѣсто приличное.

Это уже забота молодой жены, пожалуй, невѣсты — одѣть со вкусомъ и вполнѣ пристойно.

Или только въ томъ дѣло, что онъ доволенъ собой? Но что за радость вѣчно кукситься, пугаться и топтать себя въ грязь? Вѣдь это именно Вика и порицала въ Васютѣ. Онъ избавился отъ этого недостатка—и сталъ хуже!

Да и съ чего ему пѣть Лазаря? Не кислякъ, человѣкъ съ головой, энергичный и находчивый,—захотѣлъ и сдѣлалъ. Словомъ сказать, молодецъ!

Онъ человѣкъ не рабочій? Ну, повидимому, Леонтьеву-то онъ девяносто очковъ впередъ дастъ. Леонтьевъ доработался только до Сибири. А талантливый профессоръ можетъ доработаться до горячей любви и высокаго уваженія своей аудиторіи и степеней извѣстныхъ. Правда, онъ не прославитъ себя террористическими „дѣйствіями". Но и Вика сама не убивала и, хотя это ремесло признавала необходимымъ, но свои холеныя ручки берегла отъ чужой крови.

Что же въ Васютѣ перемѣнилось? Онъ тотъ же и даже сдѣлалъ огромный шагъ впередъ. И развѣ можно любить только о. иподіакона, а нельзя любить профессора?

Да, это предположеніе совпадаетъ съ подробностями разсказа. Тася лаетъ, какъ собака. Ну, это понятно. По молодости и поступаетъ. Мечтательный ребенокъ, въ періодъ пробуждающейся половой зрѣлости поддразнивающій неопытную чувственность мистически-сладострастнымъ толкованіемъ церковной обрядности. Для ребенка слишкомъ увлекательны ризы и свѣчи иподіакона. Это и понятно.

А вѣдь Вика „большая, образованная, петербургская". Чѣмъ же она увлеклась въ иподіаконѣ, хотя бы и съ „двусвѣщникомъ" въ рукахъ? Только званіемъ и костюмомъ? Но казалось, что она полюбила душу, совѣсть и духовную сущность Васюты, которая отъ кургузаго пиджака нисколько не измѣнилась.

Что-же это такое? Глупый и грубый капризъ богатой, а иногда и знатной дуры къ татарину-проводнику въ Ялтѣ? Экзотическіе орнаменты плѣнили вульгарную и низменную похоть распутной бабы, жадной до пестроты и разнообразія? Одна изъ разновидностей того обожанія акробатовъ, атлетовъ и кулачныхъ бойцовъ, которые стало дешевою мишенью даже уличныхъ юмористическихъ листковъ? Что-то въ родѣ Шаляпино-маніи и Собиново-маніи, съ давно осмѣянными героинями? Или подобіе того цинизма, съ которымъ русскія

безстыдницы искали вниманія и ласки отъ плѣнныхъ турецкихъ и японскихъ солдатъ?

Есть въ Викѣ, конечно, и эта черта. Въ ея платоническомъ и болѣзненномъ сладострастіи слышны и экзотическія нотки. Для нея о. иподіаконъ человѣкъ почти не отъ міра сего. А профессоръ, какъ ни почетно это званіе, свой человѣкъ. Это пріѣлось. Были когда-то въ ходу и такіе романы, но теперь идейный флиртъ ушелъ впередъ. Вотъ иподіаконъ—это совсѣмъ особь-статья. Это дѣйствительно новое слово въ идейно-порнографической литературѣ.

Весь смакъ здѣсь собственно заключается вотъ въ чемъ. При извѣстномъ наклонѣ идейнаго воображенія можно представить, что и иподіаконъ, какъ и всѣ педанты и рутинеры русской революціи, также принадлежитъ къ „несуществующему" строю, хотя бы особому и своеобразному. Вотъ точка соприкосновенія между Викою и Васютою съ двусвѣщникомъ.

Пріѣхалъ изъ Петербурга профессоръ и—

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной спячки,
И душа опять полна возможнымъ.

Это свыше мѣры терпѣнія новыхъ людей новой правды. И волшебно-скоро осыпались поблекшіе листы недавно свѣжаго и благоуханнаго вѣнка, отгорѣли огни, пепелъ покрылъ холодныя листья. Пустякъ очаровалъ—и пустякъ разочаровалъ.

XXVI.

Всмотритесь во всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой воистину „ненужной исторіи". Въ стариковъ Радиныхъ, Тасю, Васюту, Леонтьева, Власьеву и другихъ, названныхъ и не названныхъ въ этомъ разсказѣ.

Вика глупѣе и подлѣе всѣхъ ихъ. Она „нудно" и „въ просонкахъ" дѣлаетъ какое-то глупое дѣло, котораго она не понимаетъ и котораго не любитъ. Она создала себѣ пошлую философію о своихъ двухъ „половинкахъ", которая даетъ оправданіе всякому безстыдству и предательству. Она для себя не признаетъ никакой отвѣтственности и ей всегда „все все равно". Она рѣшительно ничего не знаетъ, и рѣшительно ничего не думаетъ. Она даетъ честное слово честной женщины любящему ее человѣку и, какъ продувная кокетка, подло измѣняетъ этому слову. Свой дикій капризъ она ставитъ выше всего на свѣтѣ и относится къ людямъ и событіямъ, какъ полоумная и шалая дѣвчонка. Это самолюбленное ничтожество—и пошлость, мечтательная, высокомѣрная, стоящая, какъ кадетская дума, внѣ критики и укора.

Пошлѣе и глупѣе Вики трудно себѣ что-нибудь и представить.

Васюта въ сравненіи съ ней — чище альпійскаго снѣга. Это серьезный и дѣльный человѣкъ. Онъ самъ себѣ судья и его судъ строгъ. Онъ не побоялся поступить въ монастырь послушникомъ, хотя его отецъ, родные, знакомые и, вѣроятно, академическое начальство были противъ этого. Онъ, небоясь укоровъ и насмѣшекъ, снялъ съ себя ременный поясъ, подрясникъ и скуфью послушника, когда любимая дѣвушка дала ему торжественное обѣщаніе идти съ нимъ „на всю жизнь".

Это не мямля и не кислякъ. У него есть воля и энергія. Захотѣлъ и сдѣлалъ,—съумѣлъ сдѣлать, безъ громкихъ фразъ, безъ пышныхъ обѣщаній. И прежде всего, это человѣкъ честный. Нигилистическія рѣчи приписаны ему по-бабьи легкомысленно. Его хотѣли представить идіотомъ, но это не удалось. На отвѣтственную службу не приняли бы такъ скоро и охотно дурачка и нигилиста. Онъ уменъ.

Уменъ и честенъ. А Вика?...

XXVII.

Но въ этомъ-то именно и состоитъ вся задача идейной беллетристики.

Принизить все живое и здоровое и поставить надъ нимъ все отвлеченное и больное, поднять на недосягаемую высоту бродягу и хулигана и оплевать разумнаго, бережливаго и трудолюбиваго хозяина, увѣнчать ничтожество и пошлость и бросить въ грязь истинное достоинство и благородство, видѣть въ убійствѣ, погромѣ и поджогѣ ростъ личности и правового сознанія, и лишить права самообороны честныхъ и порядочныхъ людей,—не зная ни церкви, ни религіи, издѣваться надъ религіею и церковью, пѣть гимны въ честь и славу люпанаровъ, чтобы смѣяться надъ укладомъ широкой и чистой семейственности—вотъ тенденціи современной и текущей белетристики.

Фактически доказать это не трудно. Примѣровъ и доказательствъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много, такъ много, что при этомъ новомъ беллетристическомъ потопѣ никакая критика не успѣетъ справиться съ своимъ дѣломъ.

Изо всѣхъ щелей передовой печати фонтаномъ бьетъ такая вонючая жижа, что всѣ порядочные и пристойные люди сторонятся отъ этого наводненія, ниспосланнаго намъ за наши грѣхи, — сторонятся, чтобы попусту не пачкаться.

Какія-же средства пущены въ ходъ для этой цѣли? Я уже говорилъ, что на этотъ предметъ имѣется цѣлая система исключительныхъ случаевъ и положеній. То глупому эгоисту-офицеру придѣлаютъ „осетриную морду", чтобы жалость къ этому уродцу заставила насъ снисходительнѣе относится къ подлости и глупости его рѣчи. То представятъ для героя такую „окружающую среду", въ которой мухи дохнутъ.

И все это ложь. Они заѣдаютъ среду, а не среда заѣдаетъ ихъ. Развѣ Вика не портитъ чужую жизнь? Развѣ она не отравляетъ окружающую среду міазмами гніющаго мозга и гніющаго сердца? Развѣ не въ ней ферментъ гнилостнаго броженія?

Но то средство для той-же цѣли, которымъ пользуется г-жа Гиппіусъ и другіе идейные мистико-порнографическіе беллетристы, носитъ слишкомъ специфическій оттѣнокъ, чтобы войти въ общую моду. Ихъ герои и героини выше толпы, выше окружающей толпы по утонченности и изысканности своей половой извращенности или по взглядамъ, основаннымъ на безсиліи и неспособности.

Это дико и глупо, но имѣетъ успѣхъ въ нашемъ обществѣ, которое уже давно ищетъ „новыхъ путей" непремѣнно черезъ болото, черезъ дебри и трущобы, черезъ ночлежки и кабаки, чтобы при видѣ каждой тайной или явной блудницы-эротоманки, каждаго отъявленнаго мазурика и прощалыги съ гордостью говорить: „человѣкъ—это звучитъ гордо".

Н. Скифъ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

ДЕКАБРЬ.

1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва „СВѢТЪ“, Невскій 136.
1906.

Журнальное и литературное обозрѣніе

I.

Надо подвести итоги. Быть можетъ, намъ уже не придется говорить съ читателями „Русскаго Вѣстника“, если даже этотъ органъ и не потонетъ въ бурномъ потокѣ освободительнаго движенія, которое легкомысленно и голословно обѣщаетъ переоцѣнить всѣ цѣнности, перемѣнить всѣ основы и частности существующаго строя и дать міру новые законы физической и духовной жизни.

Будемъ надѣяться, что литературная звѣзда „Русскаго Вѣстника“ не погаснетъ. Она слишкомъ долго и ярко горѣла на небосклонѣ русской литературы, чтобы безслѣдно исчезнуть въ новомъ звѣздномъ хаосѣ. На морѣ въ темную ночь особенно нужны всѣмъ извѣстные, старые маяки, которые много десятковъ лѣтъ несли трудную и отвѣтственную сторожевую службу.

Не намъ, конечно, судить, насколько послѣдовательно и умѣло мы держали въ рукахъ старое, высокочтимое знамя, около котораго въ свое время собирались лучшія силы русской литературы и жизни. Въ свое время это сдѣлаетъ исторія, а теперь только немногіе,—о, мы хорошо знаемъ, что только немногіе—изъ современниковъ, логика и совѣсть которыхъ устояла подъ бурнымъ напоромъ легкомысленныхъ и слѣпыхъ страстей, тупой и невѣжественной воли, при блескѣ фальшфейеровъ и бенгальскихъ огней какого-то показнаго гнѣва и дешевой, явно лубочной мести.

Только слѣпой не видитъ, что въ потемкахъ освободительнаго обскурантизма и оппозиціоннаго одичанія и „на очи мудрыхъ ночь легла“. Фундаментъ общественной сознательности оказался не прочнымъ. Обычныя формы общепризнанной порядочности и здраваго смысла—только лакомъ, покрывающимъ щели, гниль и труху. То, что казалось вѣрою и совѣстью всѣхъ честныхъ и благородныхъ людей, оказалось только наборомъ фразъ, не выношенныхъ въ сердцѣ и не скованныхъ желѣзною цѣпью умной и строгой логики. Многіе

завертѣлись по вѣтру, какъ флюгера. Убѣжденія мѣнялись, какъ перчатки, по первому капризу перемѣнчивой моды. Чуть не на каждомъ мѣстѣ святѣ нашлось достаточно мерзости запустѣнія. Въ уличномъ и рыночномъ гвалтѣ грязныя подошвы мнимо-ученыхъ и мнимо-образованныхъ людей, по формуламъ босячества и кабацкой голи, топтали завѣтныя святыни народной психологіи и народной совѣсти.

Да, трудно служить принципу, которымъ злоупотребляли такъ долго, который золотомъ по шелку былъ написанъ на блистательныхъ знаменахъ, но которому служили только изъ фарисейскаго лицемѣрія, рабской угодливости и разсчетливый корысти. Торжественная обрядовая внѣшность обманывала глазъ.

II.

Не будемъ говорить о самодержавіи: теперь политическія страсти разгорѣлись именно у этого костра и сорныя кучи наносной психологіи временно загородили дорогу логикѣ въ этомъ направленіи. Тутъ вмѣсто ясныхъ понятій, доказательствъ и силлогизмовъ пущены въ ходъ бомбы и браунинги. Безуміе и ослѣпленіе поверхностной партійности, безпомощность и растерянность носителей власти и мнимыхъ трибуновъ общественнаго мнѣнія, идейный гвалтъ непроницаемой глупости подъ именемъ сознательности, всегда въ кавычкахъ, рѣчи младенцевъ съ каѳедръ академій и университетовъ, постоянное шуллерство съ крапленными картами какой-то глупой и безтолковой науки, подкаретная игра въ орлянку на пустыряхъ пролетарской морали—все столпилось на этомъ ярмарочномъ тупикѣ съ крикомъ и гикомъ, съ руганью и бранью, съ празднословіемъ и сквернословіемъ. На этомъ мѣстѣ воли, т. е. злобы и мести, много, но разума и сознанія придется еще ждать долго. Этому фонтану еще несвоевременно дать отдохнуть, по совѣту Кузьмы Пруткова: глупые люди еще не придумали другого козыря для облыжнаго оказательства своей мнимой мудрости. Странно и смѣшно читать „платформы“ нашихъ быстро выдыхающихся политическихъ партій, которыя растутъ, какъ грибы, и въ самой ранней юности на корню съѣдаются червями.

Этому камню, повидимому, еще долго суждено лежать камнемъ претыканія для многихъ. Можно думать, что онъ послѣднимъ будетъ снятъ съ дороги, размытой и загроможденной весеннимъ половодьемъ недомыслія и безпомощной неопытности.

Но поколебались за туманомъ и другія части „существующаго“ строя. Даже нѣкоторые іерархи вмѣстѣ съ босяками и хулиганами

возопили, что христіанство не удалось. Пресвитеры и синодальные чиновники подняли стяги вольности и возмущенія противъ религіи вообще и православія въ особенности. Убѣжденные атеисты стали грозить будто-бы вавилонской блудницѣ антихристомъ. Г. Мережковскій съ наивнымъ безстыдствомъ кое-какъ смастерилъ для себя личину апокалипсическаго агнца, въ семъ непристойномъ видѣ явился въ университетскую аудиторію на засѣданіе Философскаго общества и былъ встрѣченъ бѣшеными аплодисментами великихъ и величайшихъ философовъ державы Россійской.

Глумленію надъ религіей и православіемъ учили безграмотные самозванцы, мнимые пророки голоса страны и воли народа. Кощунство и богохуленіе становилось лучшимъ доказательствомъ сознательности и идейности полуграмотныхъ риторовъ изъ земской школы и забастовавшихъ профессоровъ забастовавшихъ университетовъ. Это былъ самый безшабашный видъ провокаторства, обиднаго вызова всему православному народу, но построчные волтерьянцы требовали всѣ силы арміи и флота для подавленія православнаго мятежа.

Дѣтски смѣшны и безтолковы были ихъ пламенныя рѣчи о вѣротерпимости и инквизиція деспотическаго невѣрія огнемъ и мечомъ пробовала сѣять сѣмена пролетарской правды, т. е. постояннаго насилія, политическаго убійства, земельнаго грабежа и всякой экспропріаціи. Атеизмъ принималъ худшія формы изувѣрства и фанатизма. И все это дѣлала кучка оглашенныхъ людей, которымъ попались въ руки органы прессы и властная трибуна парламента, будто-бы призваннаго искоренить весь существующій строй и переродить человѣческій родъ такъ, чтобы животы у всѣхъ стали больше, а головы—меньше.

Про внѣшнее неустройство вѣдомства православнаго исповѣданія говорить, конечно, нечего. Факты слишкомъ краснорѣчивы. И проповѣдь „подвига уступки“ въ устахъ старшихъ блюстителей церковнаго урядничества и „добрыхъ офицеровъ“—ничего чрезвычайнаго не представляетъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ и ихъ чиновники. И это, конечно, въ порядкѣ вещей.

Скупой рыцарь у Пушкина зналъ свою власть и силу.

Лишь свисну—и послушно, робко
Вползетъ ко мнѣ...

Много вползетъ,—даже такихъ, которыхъ уже и совсѣмъ не звали.

Есть какая-то черта неискренности, разсчетливаго лукавства назойливой искательности во всѣхъ проявленіяхъ церковнаго освободительнаго движенія, которое то, какъ бѣлка въ колесѣ, попрыгиваетъ себѣ въ трущобахъ дремучей схоластики, то намѣчаетъ въ патріархи только глубоко-убѣжденныхъ волтерьянцевъ.

Говорятъ, что храмина, которая строится на пескѣ, заранѣе осуждена на гибель. На встрѣчу будущему собору мчится какой-то вѣтеръ пустыни, какой-то самумъ, готовый все засыпать зыбучимъ пескомъ и все превратить въ руины. Но вѣдь это трещина новаго раскола.

Пусть принципомъ злоупотребляли. Но вѣдь это не значитъ, что самый принципъ никуда не годится. Принципъ церковной соборности нигдѣ не разработанъ съ такою опредѣленностью и ясностью, какъ именно въ православной церкви. Петръ I отмѣнилъ въ принципѣ православное духовенство, потому что отъ него исходятъ „ереси, лжеученія и забобоны“, и завелъ свои собственныя. Что изъ этого вышло, извѣстно. Зачѣмъ-же повторять его experimentum in corpore vili, который и до сихъ поръ отравляетъ весь церковный организмъ?

Если нужна реформа, то это еще не значитъ, что нужна полная реформація въ Лютеровомъ, Вольтеровомъ или строго нигилистическомъ духѣ.

Есть и другія темныя тучи на горизонтѣ. Слово „истинно русскіе люди“ стало предметомъ особаго поруганія. Не слѣдуетъ думать, что это просто обще-періодическая глупость инородческой печати. За этимъ балаганнымъ скоморошествомъ таится вполнѣ понятная и опредѣленная политическая цѣль. Это значитъ, что русскій народъ не имѣетъ права на свою культуру. Это значитъ, что всѣ формы и проявленія русскаго творчества должны быть задушены въ угоду схоластической рутинѣ общепролетарскаго нигилизма. Это грубѣйшая и безстыднѣйшая варіація на западно-латинской мотивъ Владиміра Соловьева о необходимости національнаго самоотреченія и самоумерщвленія. Это всенародное русское de profundis, спѣтое наемными факельщиками изъ инородческаго похороннаго бюро. Это ложь и клевета на дѣйствительность. Это отводъ глазъ балаганнаго фокусника и ловкость рукъ профессіональнаго странствующаго шуллера.

Въ этомъ пора-бы серьезно и вдумчиво разобраться.

III.

Мы отмежевали себѣ строго опредѣленную область такъ называемой идейной „сознательности“. Это область литературной критики, словеснаго творчества, „идейной беллетристики“. И это дѣло не стоитъ особнякомъ въ дебряхъ дремучаго русскаго нигилизма. Не слѣдуетъ умалять значеніе и этого общественнаго фактора въ процессѣ умственнаго и нравственнаго разложенія такъ называемой „мыслящей Россіи“. Есть не мало людей, считающихъ себя образованными и просвѣщенными, которые ничего, кромѣ беллетристики,

не читаютъ. Только отсюда они черпаютъ всю свою эрудицію. Только изъ нея они высасываютъ свою схоластическую и отреченную идейность.

Свысока—презрительно и высокомѣрно—смѣются мнимо-образованные и просвѣщенные люди надъ лубочною литературою московскаго Никольскаго рынка, надъ „Гуаками" и „Прекрасными магометанками", но та лубочная литература, которою насыщаются и гордятся сами они, мечтательнѣе, фантастичнѣе и, главное, много безнравственнѣе, чѣмъ дешевая макулатура офени или ходебщика.

Для средней школы подъ именемъ курса русской литературы созданъ какой-то лживый и нелѣпый сумбуръ, въ зародышѣ убивающій всѣ инстинкты художественной критики и разумнаго пониманія произведеній литературы. Надъ нею стоитъ какой-то костлявый скелетъ мертвенной идейности и могильнымъ холодомъ вѣетъ на все свѣжее и живое.

Есть имена, которыхъ не смѣетъ нагло и всенародно втоптать въ грязь и эта беззастѣнчивая идейность. Есть имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго и по мѣстамъ Тургенева. Ихъ отрицать нельзя, ихъ признала „Европа". И имъ создается лукавый и лицемѣрный культъ. И имъ кадятъ ѳиміамъ изъ нечистаго кадила не призванные жрецы, но норовятъ напустить какого-то опьяняющаго туману, чтобы исказить благородныя и свѣтлыя черты великихъ мастеровъ русскаго слова, представить ихъ лакеями дешевой революціи и самаго легкомысленнаго либерализма.

Но это имъ не всегда удается. Творческій геній этихъ титановъ слишкомъ ярокъ и своеобразенъ, чтобы его могла зачернить сонная и куцая кисть легкомысленныхъ мастеровъ литературнаго цеха. Тогда ихъ отрицаютъ во всемъ объемѣ ихъ нравственнаго величія и творческаго генія. Первымъ поднялъ на нихъ руку покойный Влад. С. Соловьемъ. Онъ по своему объяснилъ „судьбу" Пушкина и Лермонтова. Это прежде всего были будто-то не русскіе люди. Они жили геніальными пережитками своей прежней прадѣдовской національности. И они умерли во-время. Они сдѣлали все, что только могли сдѣлать. Они ко дню своей смерти изжили свой геній и свою совѣсть: сказали все, что могли, и больше говорить имъ было нечего. Они сами виновны въ своей смерти. Пушкинъ самъ убилъ себя, послѣднимъ порывомъ злобы къ Данзасу.

И до сихъ поръ не нашлось человѣка, который съ справедливымъ негодованіемъ отвѣтилъ-бы на эту клеветническую ложь, поднялъ-бы благородный обликъ великаго поэта изъ грязи и мусора, набросаннаго на его могилу лукавымъ апостоломъ русскаго національнаго самоотреченія. А „тенденція" его усиліями пущена и хранится въ запасѣ у тѣхъ беззастѣнчивыхъ инородцевъ и отщепенцевъ, которые такъ шумно „выступили" на борьбу съ русской мыслью и совѣстью.

Но все-же нужна недюжинная смѣлость, чтобы такъ беззастѣнчиво чернить картину генія. И систематическое униженіе Пушкина и Лермонтова идетъ подъ маской. Раздавались голоса, которые Некрасова и Надсона ставили выше Пушкина и Лермонтова. Поклонники „идейный поэзіи" осыпали безмѣрными похвалами самыхъ бездарныхъ стихоплетовъ. Меценатствомъ П. Вейнберга и Батюшкова пушкинскими лаврами вѣнчались такіе Тиртеи политическаго Парнасса, какъ полуграмотный и всесторонне бездарный П. Я. Всюду раздавались голоса, которые требовали, чтобы въ программы средней школы вносили изученіе произведеній новѣйшихъ писателей. Г. Новиковъ, съ непостижимою развязностью, рекомендовалъ школѣ обязательное изученіе скрижалей пролетарской морали по Горькому и Андрееву.

Органы оппозиціонной и революціонной печати только въ томъ и видятъ ростъ и прогрессъ новой автономной школы, что она будетъ изучать „послѣднія слова" какой-то поразительно глубокой науки и послѣднія лубочныя произведенія убѣжденныхъ босяковъ и недоучекъ.

IV.

Того, что сказалъ покойный И. С. Аксаковъ по поводу легкомысленныхъ сужденій Вл. С. Соловьева о національномъ вопросѣ, почти никто не знаетъ. А онъ говорилъ много логичнѣе и убѣдительнѣе, тѣмъ искусный, но и лукавый діалектикъ, который видѣлъ единственное спасеніе Россіи въ папствѣ и латинствѣ. Его эрудиція богаче и серьезнѣе, его логика шире и послѣдовательнѣе, но его забыли и замолчали, потому что онъ не льстилъ невѣжественной толпѣ и не поклонялся неучащейся, но почему-то будто-бы сознательной молодежи. Латинство Вл. Соловьева, конечно, „мыслящей Россіи" не ко двору и она его не приняла, но борьбу его съ православіемъ поспѣшно и крикливо увѣнчала своими лучшими вѣнками и, всегда равнодушная къ философіи, преклонилась предъ философскимъ геніемъ апостата.

Когда г.г. Милюковы и Струве, Трачевскіе и Карѣевы подъ дешевымъ флагомъ необыкновенно научной болтливости открывали свое похоронное бюро для исторической и живой Россіи и по своему ритуалу собирались похоронить существующій строй, они прежде всего попытались похоронить славянофиловъ. Первый призъ въ этомъ похоронномъ состязаніи взялъ г. Милюковъ. И ему легко

было сдѣлать это, потому что „мыслящая Россія“ ничего не знаетъ и знать не хочетъ и ничего не читаетъ, кромѣ переводныхъ или компилятивныхъ книжекъ съ рецептами самой базарной переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

Любители идейной дешевки, чтобы доказать свою сознательность съ самою ничтожною затратою времени и денегъ, толпами валили на базаръ, гдѣ почти ни почемъ продавали гниль и заваль пролетарской морали. Сумму знаній, необходимыхъ для сознательности и идейности, свели до того, что любой приготовишка гимназистъ за $1^1/_2$ к. могъ купить всѣ послѣднія слова науки. Гражданское мужество понизилось до того, что одного уличнаго скандала или карманнаго воровства было достаточно, чтобы доказать ростъ своей личности и своего правоваго сознанія.

Небольшіе запасы чужой, плохо понятой мудрости размѣняли на гроши и каждый, получившій свой грошъ, сейчасъ-же началъ перерождать человѣчество и выводить новую породу людей. Каждый невѣжда послѣ перваго же скандала считалъ себя учителемъ жизни и властителемъ думъ и каждая новая глупость звучала гордо.

Вполнѣ естественно, что паденіе умственнаго и нравственнаго уровня русскаго общества съ особенною яростью и рельефностью должно было проявиться именно въ области идейной беллетристики. Спросъ на этотъ литературный хламъ великъ. Серьезныя статьи „мыслящей Россіи“ еще не по зубамъ: она хочетъ, чтобы корень ученія былъ сладокъ. Беллетристика должна подсластить и разсыропить текущую идейность. И въ идейные беллетристы пошли люди съ самымъ предосудительнымъ поведеніемъ и съ самою сомнительною моралью.

Текущую идейную беллетристику есть всѣ основанія признать несомнѣннымъ общественнымъ бѣдствіемъ, угрожающимъ общественному спокойствію и подлежащимъ неотложной дезинфекціи.

Лаврами высокаго героизма увѣнчиваются убійцы и поджигатели, воры и конокрады, контрабандисты и поджигатели. О, эти люди—активны! Ихъ не заѣла среда, они много выше существующаго строя, это очаги оппозиціи, маяки протеста и революціи.

Недавно „Міръ Божій“, теперь „Современный Міръ“, „Журналъ для всѣхъ“, „Образованіе“, „Русская Мысль“ и иногда „Русское Богатство“—вотъ тѣ киты, на которыхъ зиждется „мораль пролетаріата“, т. е. проповѣдь убійства и поджоговъ, воровства и звѣрскаго насилія. Это болѣе или менѣе постоянныя созвѣздія нигилистическаго литературнаго небосклона. Часто зажигаются и скоро гаснутъ быстротекущія кометы съ длиннымъ, мерцающимъ хвостомъ. Тамъ и здѣсь мерцаютъ надъ гніющимъ болотомъ блуждающіе огоньки самой безграмотной сознательности. Даютъ спектакли прославленные пиротехники, мастера садовой иллюминаціи и всякихъ фальшфейеровъ. Ихъ немного, этихъ изувѣровъ, огнепоклонниковъ, которые грозятъ истребить всю культуру, цивилизацію, но они считаютъ себя не только господами положенія, но и фактическими распорядителями вооруженныхъ силъ государства, будто-бы обязаннаго по ихъ приказу и капризу уничтожить весь существующій строй съ верхняго края до нижняго.

Печать мозговой истощенности, всесторонняго скудоумія и слабоумія, циничной и откровенной порочности лежитъ на тѣхъ апостолахъ новой правды, которыхъ голосъ въ послѣдніе позорные дни звучалъ такъ авторитетно и громко. Приведемъ для примѣра двухъ писателей—Горькаго и г. Куприна. Одинъ—догорающая звѣзда въ босяцкихъ потемкахъ, другой—восходящее свѣтило на небѣ воровъ и конокрадовъ, контрабандистовъ и убійцъ.

Иногда кажется, что они сами не понимаютъ того, что говорятъ. Горькій, съ присущею ему дубоватостью, угловатостью и грубостью, думаетъ стать властителемъ думъ путемъ постояннаго сквернословія и нахальства, громомъ такихъ словъ, которыя оглушаютъ постоянныхъ посѣтителей кабаковъ и портерныхъ. Г. Купринъ преднамѣренно и настойчиво вращавшаяся въ самой порочной и преступной средѣ, чтобы, марая и пачкая эту и безъ того неприглядную среду, имѣть возможность доказать, что онъ выше этой среды, что эта среда его не заѣла. Но онъ съ полною очевидностью показываетъ только, что зубами своихъ героевъ онъ обгладываетъ и эти сухожилія и кости и такимъ образомъ и въ этой грязи спускается на самое дно.

V.

Въ словахъ и поступкахъ Горькаго всегда были замѣтны явные слѣды какой-то маніи величія. Онъ считаетъ себя—и прямо говоритъ это—однимъ изъ величайшихъ пророковъ и свысока смотритъ на законы природы и исторіи. Онъ до такой степени убѣжденъ въ этомъ, что съ грубымъ нахальствомъ претъ, куда идти ему не подобаетъ, то въ опоркахъ, то босикомъ, съ уличнымъ ругательствомъ и случайною подругою легкости нравовъ и, когда встрѣчаетъ малѣйшее противодѣйствіе своей непристойности, начинаетъ буянить и скандалить.

Идейные пролетаріи изъ земляковъ видѣли новую эру въ его разухабистости и давно уже сотворили изъ него кумира. Таковымъ кумиромъ въ просторѣ душевной и считалъ себя этотъ темный и

невѣжественный трубадуръ подворотни и воровскихъ притоновъ. Теперь онъ подводитъ итоги своего тріумфальнаго шествія по странамъ чудесъ—по европейскому западу и городамъ Америки. Ѣхалъ онъ туда съ самыми радужными надеждами. Ему казалось, что, появись онъ, и Европа совлечетъ съ себя не только сапоги и ботинки, но и вообще всѣ покровы и останется, въ чемъ мать родила. Глупая Европа не знаетъ того слова, которое везетъ туда Максимъ. Стоитъ ему туда появиться и сказать: революція и пролетаріатъ—и всѣ разинутъ ротъ отъ удивленія, упадутъ передъ нимъ на колѣни и поползутъ передъ нимъ на брюхѣ.

Горделивыя мечты Максима—не сбылись. Кой-куда его не пускали, а гдѣ и попросту гнали, указывая перстами на его непристойность и озорство. А Максимъ—обидчивъ и почему-то считаетъ себя неукротимымъ и несокрушимымъ титаномъ. Ему ли, величайшему мастеру на самую крѣпкую словесность, снести такую обиду? И онъ заругался, вышвырнулъ столько безсмысленно-грязныхъ ругательныхъ словъ, что на десятки лѣтъ побилъ всѣ возможные рекорды сквернословія.

Особенно не по душѣ пришлась ему республиканская, когда-то „Прекрасная Франція“.

„Возлюбленная моя!—изступленно взываетъ огорченный Горькій
„Прими и мой плевокъ крови и желчи въ глаза твои!“

Не то Малюта Скуратовъ, не то какой-то Іудушка Головлевъ.

Въ дикомъ невѣжествѣ расходившійся скандалистъ и не замѣчаетъ, что неловкіе, хотя и усиленные плевки при воздѣйствіи винныхъ паровъ падаютъ на его-же всепріемлющее зеркало души. Рыночное самохвальство обнажаетъ дешевизну и выносливость физіономіи расплевавшагося, но импотентнаго по этой части пустоплюя.

Творецъ и апостолъ русскаго пролетаріата, Горькій, какъ всякій пролетарій по шаблонамъ русской идейности, прежде всего и больше всего ненавидитъ трудъ.

Онъ въ Америкѣ, въ „Городѣ Желтаго Дьявола“.

„И кажется, что все—желѣзо, камни, вода, дерево—полно безсильнаго протеста противъ этой жизни, безъ солнца, безъ пѣсенъ и счастья, въ плѣну тяжелаго труда. Вездѣ трудъ. Все охвачено его бурей. Все стонетъ, воетъ, скрежещетъ и повинуется волѣ какой-то тайной силы, враждебной человѣку и природѣ“...

Забавное противорѣчіе! Въ Горькомъ видятъ пророка русскаго пролетаріата, въ пролетаріатѣ видятъ символъ труда, а Горькій, сохраняя всѣ заповѣди пролетаріата, поетъ гимны праздности и лѣни. На это очевидное противорѣчіе почему-то до сихъ поръ не хотятъ обращать вниманія. Къ чему стремится въ концѣ концовъ сознательный международный пролетаріатъ, къ труду или къ праздности? Соціалисты говорятъ: „къ труду“. „Къ праздности“,—говоритъ Горькій. Кто-же правъ? Пожалуй, и Горькій. Только тогда почему-же онъ постоянно, съ гордостью и дерзновеніемъ называетъ себя соціалистомъ?

VI.

Скучно и тѣсно стало Максиму въ „Городѣ Желтаго Дьявола“.

„Здѣсь, въ этихъ улицахъ, человѣкъ замѣтенъ, слышенъ его голосъ, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здѣсь у человѣка есть лицо—голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что они чувствуютъ, замѣтно, что они думаютъ“.

Что-же „думаютъ“ эти люди по мысли Максима?

„А у фонаря,—говоритъ онъ,—стоитъ юноша и время отъ времени встряхиваетъ головой, крѣпко стиснувъ голодные зубы. Мнѣ кажется, я понимаю, о чемъ онъ думаетъ, чего онъ хочетъ: имѣть огромныя руки, страшной силы, и крылья за спиной онъ хочетъ, мнѣ кажется. Это для того, чтобы однажды днемъ подняться надъ городомъ, опустить въ него руки, какъ два стальныхъ рычага, и смѣшать все въ немъ въ груду мусора и праха: кирпичъ и жемчугъ, золото и мясо рабовъ, стекло и милліонеровъ, грязь, идіотовъ, храмы, деревья, отравленныя грязью и эти глупыя многоэтажныя „скребницы неба“, все, весь городъ—въ кучу, въ тѣсто изъ грязи и крови людей—въ тотъ первобытный скверный хаосъ, изъ котораго онъ созданъ! Это страшное желаніе естественно въ мозгу юноши, какъ нарывъ на тѣлѣ худосочнаго. Гдѣ много работы рабовъ, тамъ не можетъ быть мѣста для свободной, творческой мысли, тамъ могутъ цвѣсти только идеи разрушенія, ядовитые цвѣты мести, буйный протестъ животнаго. Это понятно: искажая душу человѣка, люди не должны ждать отъ него милосердія къ нимъ. Человѣкъ имѣетъ право мести — это право даютъ ему люди“.

Горькій, повидимому, убѣжденъ, что въ его словахъ есть какая-то тѣнь логики, сознательности и мышленія. Это его давнишняя ошибка: онъ никогда не замѣчалъ постоянныхъ противорѣчій себѣ. Если-бы этотъ глупый юноша сказалъ вслухъ свои горьковскія вожделѣнія,—то вѣдь въ Америкѣ есть судъ Линча. Горькій только потому и обнаруживаетъ столько свободы отъ логики, что въ Россіи такого суда нѣтъ. И въ томъ, что развязный Горькій тамъ „искажаетъ душу“ молодого человѣка изъ американскаго хаоса,

не виноваты ни боги, ни люди. Въ этомъ виновато только русское освободительное движеніе въ сказкахъ и кошмарныхъ снахъ „мыслящей Россіи“, истолкованныхъ по лубочнымъ сонникамъ Горькихъ и Куприныхъ.

Чтобы понять сонъ Горькаго, предательски приписанный выдуманному американцу, надо знать горьковскую философію огня.

„Страшно много огня въ этомъ городѣ. Сначала это кажется красивымъ, поражаетъ и—возбуждая, веселитъ. Огонь—свободная стихія, прекрасный сынъ солнца, гордое его дитя. Когда онъ буйно расцвѣтаетъ, его цвѣты трепещутъ и живутъ прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ земли. Онъ очищаетъ жизнь, онъ можетъ уничтожить все великое, умершее и грязное...

„Но когда долго смотришь на огонь въ этомъ городѣ—на огонь, заключенный въ прозрачныя темницы изъ стекла, когда увидишь, какъ мертвъ и скученъ его блескъ,—тогда понимаешь, что здѣсь, какъ все, огонь порабощенъ. Онъ служитъ золоту для золота, и онъ враждебно далекъ отъ людей!“

Вотъ характерный образчикъ логики, лиризма и поэзіи для молокососовъ и слабоумныхъ! Наборъ звонкихъ фразъ лубочнаго издѣлія. Развѣ не огонь спалилъ Фаэтона? А Фаэтонъ—былъ что-то „великое, умершее и грязное“? Слова сыплются, какъ изъ дыряваго рѣшета. Какое упадетъ, все ладно. Вѣдь не для умныхъ же людей и пишетъ Горькій!..

VII.

Горькому скучно при огнѣ. Но ему скучно и безъ огня. Ему нуженъ свой собственный огонь, который, повидимому, только ему одному и нравится.

Вотъ онъ въ „Царствѣ Скуки“, т. е. въ Нью-Іоркѣ, повидимому.

„Все раздѣто, ограблено безстрастнымъ блескомъ огня; онъ—всюду, и нигдѣ нѣтъ тѣней. Каждое зданіе стоитъ, точно удивленный дуракъ, широко открывъ ротъ, а внутри у него облако дыма, рѣзкіе вопли мѣдныхъ трубъ, вой органа и темныя фигуры людей. Люди ѣдятъ, пьютъ, курятъ“.

„Душу крѣпко обнимаетъ пламенное желаніе живого (?), краснаго, цвѣтущаго (?) огня, чтобы онъ освободилъ людей отъ плѣна пестрой скуки, сверлящей уши и ослѣпляющей глаза... Хочется поджечь (!) всю эту прелесть и бѣшено весело плясать, кричать и пѣть въ буйной игрѣ разноцвѣтныхъ языковъ живого пламени, на сладострастномъ пирѣ уничтоженія мертваго величія душевной нищеты“.

Въ босяческомъ озорствѣ г. Горькаго есть что-то нероновское. Тотъ, чтобы поярче озарить свою „духовную нищету“, поджегъ Римъ. Г. Горькій думаетъ, что его горьковскую „духовную нищету“ можетъ до дна озарить только пожаръ Нью-Іорка. Не слишкомъ-ли это свирѣпая казнь за то, что городъ „безстрастнаго огня“ не пришелъ на поклонъ къ случайной подругѣ г. Горькаго по шалостямъ и забавамъ Венеры? Если Нью-Іоркъ этимъ и провинился то зачѣмъ-же посылать ему въ лицо слюну максимовскаго плевка, который уже брошенъ имъ въ лицо „Прекрасной Франціи“? Какая-то чудовищная неравномѣрность уголовнаго уложенія! Или свой „плевокъ“ г. Горькій броситъ потомъ и имъ—такъ сказать, однимъ напряженіемъ слюнныхъ желѣзъ погаситъ пожаръ подожженнаго имъ Нью-Іорка?

Въ общемъ г. Горькаго часто обуреваютъ самыя титаническія, самыя неправдоподобныя и самыя неожиданныя желанія. Натура экспансивная до невѣроятной степени. Увидитъ людей плюющихся, и ему сейчасъ-же захочется плюнуть вдоль всего экватора. Увидитъ въ увеселительномъ саду бенгальскій огонь, и ему сейчасъ-же захочется загорѣться и разлетѣться надъ кафешантаномъ фальшфейеромъ. Увидитъ въ оркестрѣ трубу...

„Хочется вырвать изъ рукъ музыканта самую большую мѣдную трубу и дуть въ нее всей силой груди, долго, громко, страшно, такъ, чтобы всѣ разбѣжались изъ плѣна (?), гонимые ужасомъ бѣшенаго звука“.

Ему хочется быть или, по крайней мѣрѣ, казаться страшнымъ. Это обычная утѣха дѣтскаго возраста. Дѣти любятъ играть въ львовъ и крокодиловъ. И они хотятъ напугать няньку громоподобнымъ львинымъ рыканіемъ и нянька, конечно, притворяется испуганною. Иначе—весь эффектъ спектакля пропадаетъ.

Не вѣрится какъ-то въ львиную злобу и кровожадность водевильнаго льва. Думается, что г. Горькій гораздо простодушнѣе жалостливѣе, чѣмъ онъ хочетъ казаться. Въ громы и молніи онъ играетъ только по недоразумѣнію. Онъ добренькій, душа человѣкъ, рубашка-парень. Логику онъ на себя напускаетъ только для блезиру, чтобы пугать самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ глубинѣ души у него самыя мирныя, самыя незлобивыя, самыя простодушныя желанія. Онъ только напускаетъ на себя туману, поддѣлывается подъ общій тонъ освободительнаго движенія, лукаво притворяется голосомъ страны и волею народа. У него свой голосъ и свои непреклонная воля.

И разъ онъ проговорился, сронилъ мимоходомъ свое лучшее слово и лучшее желаніе.

„Хочется,—съ полною откровенностью и прямотою покаялся

онъ,—увидѣть пьянаго человѣка съ веселой рожей, который шельбы, толкался, пѣлъ, оралъ, счастливый тѣмъ, что вотъ онъ пьянъ и всѣмъ добрымъ людямъ искренно желаетъ того-же"...

Наконецъ-то упала таинственная завѣса съ лика истины, такъ долго окутанной въ сумракѣ египетскаго храма! Сказано великое слово, открыта великая тайна! Это многіе уже давно думали. Но клубы идейнаго тумана были такъ густы и непроницаемы, что таинственныя черты русскаго пролетаріата скрывались въ какомъ-то непроницаемомъ туманѣ. Авгуры поняли другъ друга и перемигнулись.

— Товарищъ! Руку! Ишь какъ перерядился! Сразу и не узнаешь... А сколько разъ вмѣстѣ протрезвлялись подъ шарами! Вотъ уже вѣрно сказано: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь"! Посылать, что-ли, въ казенку за мерзавчикомъ!

Здѣсь несомнѣнно подняла свой давно знакомый голосъ подоплека Максима. Именно эту мораль пролетаріата онъ проповѣдывалъ всю свою жизнь и будетъ ее проповѣдывать по гробъ жизни. Именно этимъ онъ плѣнилъ умы „мыслящей Россіи" и именно за это его голосъ былъ подхваченъ сознательной молодежью и чуткой женской душою. Не на трехъ китахъ стоитъ несуществующій міръ великаго Максима, а только на одномъ. Не въ залитомъ огнемъ Нью-Іоркѣ, не въ шато-кабакѣ республиканской „Прекрасной Франціи", не въ схоластикѣ западно-европейскаго соціализма, а въ свободномъ русскомъ кабакѣ подъ елкой съ полуштофомъ въ рукахъ нашелъ великій Максимъ пупъ земли, пошатываясь, оперся на эту ось міра и братски, „съ веселой рожей", привѣтствуетъ каждаго, кто готовъ съ нимъ раздавить сотку, другую всеобъемлющимъ словомъ: „товарищъ!"

Здѣсь онъ воистину „властитель душъ" и „учитель жизни" „мыслящей Россіи!"

И она усердно учится и будетъ учиться по его общедоступному учебнику. И она уже многому научилась и многому научится въ этой единственно-автономно-алкогольной школѣ!

VIII.

Вотъ г. Куприну никогда не добиться такихъ обильныхъ и всеобщихъ лавровъ! И это вполнѣ понятно. Онъ не освободился отъ аристократической тенденціи. Онъ не пьетъ простой водки, а предпочитаетъ „тройной жестокій тенерифъ братьевъ Зміевыхъ". Онъ не довольствуется неприхотливыми жертвами простонародной Венеры—Venus vulgaris,—но роскошествуетъ то въ веселыхъ номерахъ какой-то забубенной „Сербіи", то въ подобныхъ-же заведеніяхъ высшей марки, куда талантливые фельетонисты и беллетристы возятъ амюзировать японскихъ шпіоновъ.

Здѣсь онъ свой человѣкъ и съ окружающею средою знакомъ до тонкости. Правда, онъ спускается здѣсь все ниже и ниже по демократической плоскости. Какъ идейному беллетристу, ему надо постоянно доказывать, что онъ головою выше среды и окружающаго строя. И въ его жизни, повидимому, часто бываютъ минуты, когда необходимо очень и очень понизить окружающую обстановку и среду, чтобы остаться выше ея. Да и это не всегда удается. Тогда избираются такіе общедоступные люпанары, въ которыхъ по самой дешевой цѣнѣ можно бросить плевокъ желчи и крови въ любое лицо „Прекрасной Франціи".

Въ простой водкѣ есть что-то глубоко-демократическое, всеобъемлющее и всестороннее. Здѣсь аудиторія гораздо просторнѣе и разнообразнѣе. Только на этой почвѣ возможно систематическое братство народовъ и полное объединеніе всѣхъ странъ. Это уже объясняется самою дешевизною потребляемаго продукта. Здѣсь возможно гораздо болѣе солидарности и единства.

Вотъ почему лавры Горькаго гуще и свѣжѣе лавровъ г. Куприна. Въ зміевскомъ тенерифѣ чувствуется какая-то двойственность, склонность къ компромиссамъ и даже къ блокамъ правыхъ партій. Человѣкъ, развившійся въ идейной сознательности до тенерифа, можетъ вдругъ потребовать „шипучаго!" Эксплуатируемый войдетъ въ роль эксплуататора и отдастся всѣмъ веселостямъ и всей роскоши капиталическаго строя. Одно дѣло огурцы и водка, другое—омары и асмансгейзеръ. Трудно обнять необъятное, такъ говаривалъ Кузьма Прутковъ.

У г. Куприна есть, конечно, свой разсчетъ и балансъ. Горькому—своя слава и своя водка. Тутъ онъ внѣ конкурса. Поколебать его авторитетъ и компетентность невозможно. Надо поискать новой правды и новаго пути. Нельзя-ли спеціализоваться на тенерифѣ при „Мірѣ Божьемъ" или „Современномъ Мірѣ"? Опытъ удался блестяще. Г. Купринъ осѣлъ на тенерифѣ и увѣнчалъ себя лаврами, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что онъ иногда сбивается съ ноты, преклоняясь то къ простой водкѣ, то къ шампанскому въ дорогомъ заведеніи.

Силами и средствами общедоступнаго алкоголизма Горькій доходитъ до величественныхъ, воистину міровыхъ скандаловъ, до истребленія всего человѣчества по плану Каракаллы, до истребленія странъ, даже республиканскихъ, какова Франція, до истребленія большихъ городовъ, „скребницъ неба", каковъ „Городъ Желтаго

Дьявола". Но большому кораблю большое и плаванье. Г. Купринъ довольствуется прославленіемъ японскаго шпіонства, еврейской контрабанды, цыганскаго конокрадства и просвѣтительной дѣятельности „соединенной Ростовско-Харьковской и Одесса-Николаевской организаціи воровъ".

Послѣднее „выступленіе" г. Куприна особенно характерно и мы отмѣтимъ по его разсказу „Обида" съ подзаголовкомъ „Истинное происшествіе". Но, повторяемъ, г. Купринъ писатель идейный, но лукавый и поручаемыя его беллетристикѣ освободительныя темы исполняетъ не съ такимъ упрямымъ фанатизмомъ, какъ принципіально убѣжденный и всегда послѣдовательный головотяпъ г. Горькій.

Свою кафешантанную мораль г. Купринъ припрятываетъ за спиною „коммиссіи мѣстныхъ адвокатовъ, которая взялась безплатно вести дѣло жителей, пострадавшихъ отъ послѣдняго еврейскаго погрома".

IX.

Ораторъ и предводитель воровской организаціи, безукоризненный джентльменъ по костюму, манерамъ и рѣчи, описанъ г. Купринымъ такъ аппетитно и сочно, что г. Муромцевъ, бывшій предсѣдатель Думы, пожелтѣлъ-бы отъ зависти.

Достопочтенный ораторъ оперируетъ въ своемъ городѣ по отдѣлу экспропріаціи бриллiантовъ и выемки денежныхъ знаковъ изъ банковъ. Его устами г. Купринъ съ логикою, достойной лучшей участи, доказываетъ, что воровство—это глупый людской предразсудокъ, что никакого воровства въ сущности и нѣтъ, что это только изящный коррективъ къ дефектамъ капиталистическаго строя.

По смыслу факта, воровство—это звучитъ гордо.

— Вамъ, безъ сомнѣнія,—напоминалъ ораторъ молодымъ адвокатамъ, очевидно, считая ихъ своими „товарищами" по профессіи, —лучше меня извѣстенъ удивительный, блестящій пародоксъ Прудона: „собственность—это воровство", пародоксъ, какъ хотите, а все таки до сихъ поръ не опрокинутый (?) никакими причитаніями трусливыхъ мѣщанъ и жирныхъ поповъ.

— И такъ, господа, отчего-же не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что наша профессія является до извѣстной степени какъ-бы поправкой къ чрезмѣрному накопленію цѣнностей въ однѣхъ рукахъ, служитъ протестомъ противъ всѣхъ тягостей, мерзостей, произвола, насилія, пренебреженія къ человѣческой личности, противъ всѣхъ этихъ уродствъ, порожденныхъ буржуазно-капиталистическимъ строемъ современнаго общества? Соціальная революція, рано или поздно, все равно перевернетъ этотъ порядокъ".

Таково печальное положеніе вещей. Г. Купринъ по смыслу и сущности своей идейной и журнальной работы, дабы заклеймить еврейскіе погромы, долженъ возлагать вѣнки гражданской скорби и пролетарской морали на головы одесскихъ профессіональныхъ воровъ, мазуриковъ и мошенниковъ—хотя бы и руками русскихъ адвокатовъ!

Можетъ быть, и выгодное, но все-же постыдное ремесло!

Если это и шутовство, то все-же такое, на которое не всякій скоморохъ согласится.

Мелочи воровской и мошеннической софистики, конечно, вниманія не заслуживаютъ.

Но вотъ выводъ.

— Да, господа адвокаты,—продолжалъ ораторъ,—мы—воры и заслужили ваше законное презрѣніе. Но, когда вамъ, лучшимъ (?) людямъ, понадобятся на баррикадахъ ловкіе, смѣлые, послушные молодчики, которые съумѣютъ весело, съ пѣсней и шуткой встрѣтить смерть ради лучшаго слова въ мірѣ—свобода—неужели вы изъ-за застарѣлой брезгливости оттолкнете, прогоните насъ?.."

Теперь мораль автора совершенно выясняется. Будь воромъ, шуллеромъ, мошенникомъ и негодяемъ, но не участвуй въ еврейскихъ погромахъ, иди на баррикады и будешь въ раю. Руками пѣвца русской революціи тебѣ уготованы лучшіе вѣнки, хотя самъ г. Купринъ на баррикады не пошелъ, а вожди революціи съ баррикадъ бѣжали. Они только другихъ всякими поблажками подталкиваютъ на сомнительное геройство, но сами отъ геройства всѣми правдами и неправдами уклоняются.

— Кончаю,—послѣ длинной и запутанной рѣчи сказалъ наконецъ многорѣчивый воръ. Вы видите теперь, господа, какія чувства вызвала въ насъ газетная клевета. Вѣрьте-же нашей искренности и сдѣлайте что-нибудь, чтобы снять съ насъ это кровавое и грязное пятно, такъ несправедливо насъ заклеймившее. Я кончилъ.

Удивительна эта логика и мораль профессіональнаго вора. Но еще удивительнѣе логика и мораль „молодыхъ адвокатовъ" одесскаго судебнаго округа.

— Мы безусловно довѣряемъ вамъ,—торжественно заявилъ предсѣдатель собранія молодыхъ адвокатовъ,—и приложимъ всѣ старанія, чтобы очистить имя вашей корпораціи (?) отъ этого тяжелаго обвиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мои товарищи уполномочили меня выразить вамъ, господа, наше глубокое уваженіе за ваши горячія гражданскія чувства. Я-же, лично съ своей стороны, прошу у предсѣдателя делегаціи позволенія пожать ему руку.

„И эти два человѣка, оба высокіе (?) и серьезные (!), стиснули другъ другу руки крѣпкимъ, мужскимъ (?) пожатіемъ“.

Если это не сущая клевета г. Куприна на молодыхъ адвокатовъ одесскаго округа, надо, конечно, немедленно закрыть всѣ судебныя установленія одесскаго округа. Если вѣрить ему, одесскіе молодые адвокаты подлѣе, вороватѣе и наглѣе одесскихъ воровъ и жуликовъ. Воры сознаются, что они заслужили „законное презрѣніе“ юристовъ. А юристы идутъ все впередъ и все выше воровъ и выражаютъ „глубокое уваженіе“ революціоннымъ экспропріаторовъ. Выше воровской морали воры не поднимаются и не хотятъ подниматься. Адвокаты-же идутъ дальше и падаютъ ницъ передъ почтенною организаціею.

Да, у воровъ своя мораль, поскромнѣе, а у адвокатовъ своя—самаго преступнаго оттѣнка. Какая-же мораль у г. Куприна?

Повидимому—таже, что и у г. Горькаго. Мораль идейнаго гороховаго шута.

IX.

Итакъ, заря новаго дня загорѣлась. Среди зимы повѣяло освободительной весной. Ночь и тьма—побѣждены. Загорѣлось великое солнце свободы. Существующій строй рухнулъ. Заговорила и начала дѣйствовать новая порода людей. „Новая тварь“ увидѣла „небо ново“. На міръ Божій и на современный міръ она смотритъ глазами г. Горькаго и г. Куприна. И пойдетъ по этой дорогѣ все впередъ и все выше.

Но развѣ то общественное сумасшествіе, которое даетъ славу и популярность этимъ двумъ писателямъ—неизлѣчимо? Развѣ идейность нашихъ сознательныхъ при полной безграмотности передовыхъ умовъ до остатка съѣла мозгъ въ черепныхъ жестянкахъ представителей мыслящей Россіи? Развѣ превращеніе русской земли въ вертепъ постоянно пьющихъ пролетаріевъ, развлекающихся эффектами бенгальскаго и динамитнаго огня, воровъ, конокрадовъ, жуликовъ, контрабандистовъ и шуллеровъ предопредѣлено судьбою и другой дороги для роста русской личности нѣтъ?

Вѣдь Горькіе и Куприны только первыя ласточки пролетарской весны. Вѣдь это только буревѣстники. Буря еще впереди. Найдутся еще новыя лужи грязи, въ которой любо будетъ поваляться мыслящей Россіи. Вѣдь прогрессъ и стихійная общественная эволюція не останавливаются и не могутъ остановиться.

Почитайте наши революціонные журналы—„Образованіе“, „Русскую Мысль“, „Міръ Божій“, „Современный Міръ“, „Журналъ для

всѣхъ“. Они говорятъ, что другой дороги „для человѣчества“ нѣтъ и быть не можетъ.

Неужели не найдется людей, которые захотѣли бы какъ-нибудь оборониться отъ этой пошлости и грязи? Неужели только подонки русскаго общества будутъ и впредь властителями русскихъ думъ и учителями русской жизни?

Мы не вѣримъ этому. Не всякая глупость вѣчна и не всякая пошлость становится закономъ жизни и рычагомъ „прогресса“, т. е. одичанія и оподленія.

Нити историческаго развитія русскаго самосознанія оборвались только на время. Найдутся люди, которые исправятъ путаницу на ткацкомъ станкѣ и съ новою вѣрою возьмутся за старое дѣло хозяйства и домоводства.

Завѣты, которымъ служилъ „Русскій Вѣстникъ“ не умрутъ и найдутъ дѣятельныхъ, просвѣщенныхъ и неутомимыхъ сторонниковъ. Многое перемѣнилось. Быть можетъ, придется кое-что перемѣнить въ техникѣ и организаціи дѣла.

Но для живаго дѣла найдутся и живые люди.

Мы въ это вѣримъ...

Н. Скифъ.

